

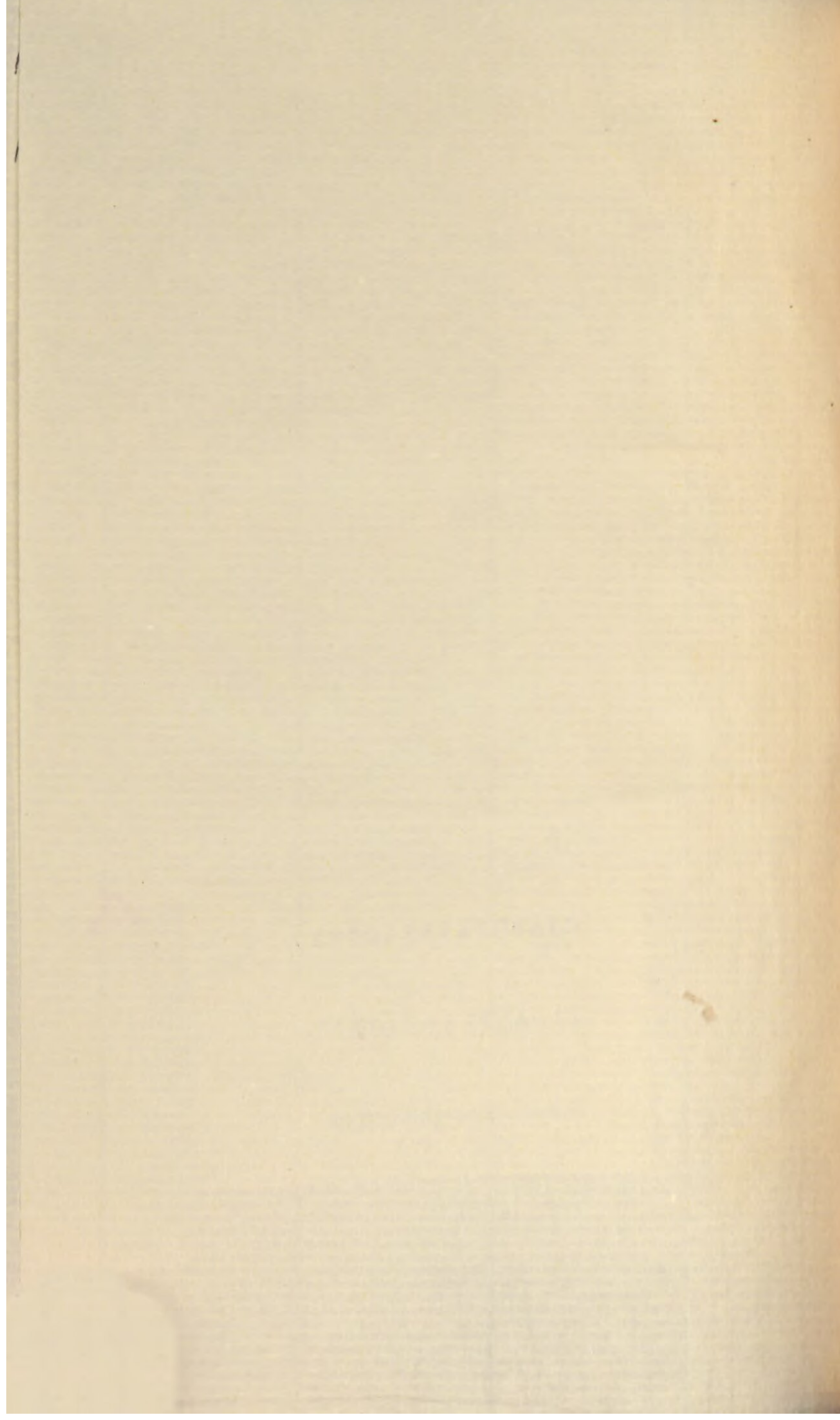
P.O. russ. 55 p. 7

Xerokopieren aus konservato-
rischen Gründen nicht erlaubt
Nur im Lesesaal benutzbar

<36607455340013

<36607455340013

Bayer. Staatsbibliothek

ПАМУТАЛИ.

**СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.**

=

VII.

P.O. Russ. 55 p-7

BRATMAN

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

RECEIVED

#60

СОЧИНЕНІЯ
КАРАМЗИНА.

ТОМЪ СЕДЬМЫЙ.

Издание четвертое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ АЛЕКСАНДРА СМІРДИНА.

1834.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чшобы по оппечатаиіи предспавлены были
въ Ценсурный Комишентъ три экземпляра.

С.-Петербургъ, 7 Юня 1834 года.

Ценсоръ А. Никитенко.

Изданіе книгопродавца Смирдина.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ЦВѢТОКЪ НА ГРОБЪ МОЕГО АГАТОНА.

His life was gentle, and the elements
So mix'd in him, that Nature might stand up,
And say to all the world: *This was a man!*
Shakespeare.

Нѣшъ Агапона!.... Нѣшъ моего друга! —
Чишашель! шы не зналъ его — онъ не былъ
ни богашъ; ни знашенъ — онъ былъ человекъ,
благородный по душѣ своей — украшенный од-
ними доспойнспвами, не чинами, не блескомъ
роскоши, — и сіи доспойнспва шайлись подъ
завѣсою скромности.

Но его уже нѣтъ! — Горестная дружба можетъ теперь сказать, чего она лишилась, — о чемъ проливаетъ слезы, и вѣчно проливаетъ будешь!

Такъ, за долгъ, за самый священный долгъ почишаю сказать всякому нѣжному сердцу, всякому, кто любитъ человѣчество, и кто умѣетъ цѣнить его, что въ нашемъ холодномъ сѣверномъ опечесствѣ, гдѣ Природа не весьма щедрою рукою разсыпаетъ благіе дары свои, родился и жилъ такой человѣкъ, котораго душа была бы украшеніемъ самой Греціи, опечесства Сократовъ и Платоновъ, благословеннѣйшей страны подъ солнцемъ!

А вы, мрачныя души, вы не можете разумѣть меня. Оспавъше печальнаго — оспавъше сіи безпорядочныя спроки, орошаемыя моими слезами! Не для васъ изливаю горестъ свою, и не требую вашего одобренія. Когда сердце мое превратится въ камень; когда огонь чувства угаснетъ въ груди моей; когда, забывъ свяшую истину, паду ницъ предъ злыми кумирами человѣческихъ заблужденій: тогда будете вы друзьями моими; тогда перо мое посвящусь вашему удовольствію; тогда удостоите меня благопріятной улыбки своей. Теперь мы чужды другъ другу, и горестъ моя не можетъ васъ пронуть.

Въ самыхъ цвѣтущихъ лѣтахъ жизни нашей мы увидѣли и полюбили другъ друга. Я полюбилъ въ Агашонѣ мудраго юношу, котораго разумъ украшался лучшими знаніями челове-

ства; котораго сердце образовано было нѣжною рукою Музъ и Грацій. Что онъ полюбилъ во мнѣ, не знаю — можешь быть пламенное усердіе къ добру, непришворную любовь ко всему изящному, простое сердце, не совсѣмъ испорченное воспитаніемъ, — искренность, нѣкоторую живость, нѣкоторый жаръ чувства. Я нашелъ въ немъ то, что съ самаго ребячества было пріятнѣйшею мечтою моего воображенія — человека, которому могъ я открывать всѣ милыя свои надежды, всѣ шайныя сомнѣнія; которой могъ разсуждать и чувствовать со мною, показывать мнѣ мои заблужденія, и научать меня не повелительнымъ голосомъ учишеля, но съ любезною кротостію снисходительнаго друга; — однимъ словомъ, я нашелъ въ немъ сокровище, особый даръ Неба, который не всякому смертному въ удѣлъ достается — и время нашего знакомства, нашего дружества, будетъ всегда важнѣйшимъ періодомъ жизни моей.

Свѣтъ былъ тогда чуждъ и мнѣ и ему: ему еще болѣе, нежели мнѣ; но мы любили книги, и не думали о свѣтѣ; имѣли не много, немногимъ были довольны, и не чувствовали недостатка. Прелести разума, прелести душевныя казались намъ всего любезнѣе — ими плѣнялись мы, ими въ швореніяхъ великихъ умовъ наслаждались, и не рѣдко за Оссіаномъ, Шекспиромъ, Боннетомъ, просиживали половину зимнихъ ночей. Часомъ духъ нашъ на крыльяхъ воображенія облепалъ небесныя пространства,

гдѣ Оріонъ и Сиріусъ въ злапыхъ вѣнцахъ сія-
юшъ; тамъ искали мы нѣжныхъ друзей своему
сердцу, — и часто заря утренняя красила вос-
точное небо, когда я разсѣивался съ Агашо-
номъ, и возвращался домой съ покойною ду-
шею, съ новыми знаніями, или съ новыми идея-
ми.

Естьли когда нибудь осмѣлюсь я слабымъ
перомъ своимъ начертать *исторію* моихъ мы-
слей, тогда опишу, можешь быть, и нѣкопо-
рыя изъ тѣхъ ночныхъ бесѣдъ, въ копорыхъ
развивались первыя мои метафизическія поня-
тія; печать молчанія хранишь ихъ теперь въ
груди моей.

Въ семъ искреннемъ сообщеніи душъ нашихъ
пріобрѣлъ я и нѣкопорое, *эстетическое чувство*,
нужное для любителей Липперашуры. Вѣрный
вкусъ друга моего (опличавшій съ великою
шонкосію посредственное отъ изящнаго,
изящное отъ превосходнаго, выученное отъ
природнаго, ложныя дарованія отъ истинныхъ)
былъ для меня свѣшльникомъ въ Искусствѣ
и Поэзіи. Восхищенный красою, цвѣшомъ,
распушихъ на семъ полѣ, дерзалъ я иногда
младенческими руками образовашъ нѣчто по-
добное онымъ, и незрѣлыя свои мысли изли-
вашъ на бумагу; — онъ былъ первымъ моимъ
судьею, и хопя замѣчалъ недоспапки, однако
же, по снисхожденію и нѣжности своей, обод-
рялъ меня въ сихъ упражненіяхъ. Ахъ! я жа-
лѣю о томъ человѣкѣ, копорый занимается
Липперашурою и не имѣешь знающаго друга!

Но никогда не хотѣлъ Агапонтъ испытывать дарованій своихъ въ собственныхъ сочиненіяхъ. Тихой кругъ чисташелей нравился ему лучше, нежели заботливое состояніе Автора, котораго спокойствіе не рѣдко зависить отъ людскаго сужденія. Великіе образцы были у него предъ глазами. *Надлежитъ или сравняться съ ними* (думалъ онъ), *или не выходить на сцену*; первое казалось ему труднымъ, и для того онъ молчалъ. Но разные переводы, имъ изданные, доказывающъ, что слогъ его былъ превосходенъ.

Одинакіе вкусы могутъ быть при различныхъ свойствахъ души: Агапонтъ и я любили одно, но любили различнымъ образомъ. Гдѣ онъ одобрялъ съ покойною улыбкою, тамъ я восхищался; огненной пылкости моей противопологалъ онъ холодную свою разсудительность; я былъ мечтатель, онъ дѣятельный Философъ. Часто, въ меланхолическихъ припадкахъ, свѣтъ казался мнѣ унылъ и проливенъ, и часто слезы лились изъ глазъ моихъ; но онъ никогда не жаловался, никогда не вздыхалъ и не плакалъ; всегда утѣшалъ меня, но самъ никогда не требовалъ утѣшенія; я былъ чувствителенъ, какъ младенецъ; онъ былъ швертъ, какъ мужъ: — но онъ любилъ мое младенчество такъ же, какъ я любилъ его мужество. Разные тоны сославляющъ гармонію, всегда пріятную для слуха; монотонія бываетъ утомительна — и два человѣка, совершенно одинакихъ свойствъ, всего скорѣе наскучаютъ другъ другу.

Обстоятельства разлучали насъ — онъ писалъ ко мнѣ — и сіи письма (примѣръ чистаго слога и зеркало тихой, спокойной души) будутъ всегда храниться близъ моего сердца.

Когда путешествіе сдѣлалось потребностію души моей; когда желаніе видѣть Природу въ великолѣпномъ ея разнообразіи, видѣть пѣхъ великихъ мужей, копорыхъ творенія сильно дѣйствовали на мои чувства, превратилось въ совершенную спрасъ; когда удовлетворяя сему желанію, рѣшился я оставить на время опечесство и друзей моихъ: тогда онъ пожертвовалъ на минушу своею швердосцію, и слезы покапились изъ глазъ его. *Спѣши, сказалъ онъ, спѣши, куда влечетъ тебя стремленіе твоего духа, и возвратись къ намъ благополучно, съ тѣмъ же сердцемъ, съ которымъ отъ насъ пѣдешь! Мы разспались. Онъ споялъ на дорогѣ, и смолрѣлъ въ слѣдъ за мною; плашокъ долго бѣлѣлся въ рукахъ его.*

Великое просширанство раздѣляло насъ, но мы не забывали другъ друга. «Воспоминаніе о тебѣ (писалъ онъ ко мнѣ въ Женеву) есть одно изъ лучшихъ моихъ удовольствій. Часпо путешествую за тобою по ландкартѣ; рас- числяю, когда куда могъ ты пріѣхать, и сколько гдѣ побыть; взбираюсь съ тобой на высокія горы, воображаю тебя бродящаго по прекраснымъ мѣстамъ, или сидящаго въ кабинетѣ какого нибудь Ученаго. Усердно желаю, мой любезный другъ, чтобы вездѣ встрѣчались тебѣ такіе люди, копорыхъ знаком-

«спво и воспоминаніе возвышало бы удоволь-
«спвія, находимыя тобою въ наслажденіи пре-
«красною Природою, и утѣшало бы тебя въ
«непріятномъ опытѣ, что вездѣ есть зло.
«Могу себѣ представить, что сей опытъ ча-
«сто тебя огорчаетъ и приводитъ въ такое
«грустное расположеніе, въ какомъ я видалъ
«тебя, живши съ тобою.» Такъ, мой другъ!
вездѣ есть зло; но

Кто въ мирѣ и любви умѣетъ жить съ собою,
Тотъ радость и любовь во всѣхъ странахъ найдетъ.

Наконецъ я возвратился — (хоть же, каковъ
поѣхалъ; только съ нѣкоторыми новыми опы-
тами, съ нѣкоторыми новыми знаніями, съ
живѣйшею способностію чувствовать красоты
физическаго и нравственнаго міра) — спѣшилъ
обнять повѣреннаго души моей; воображалъ
его пріятное удивленіе, его радость... но серд-
це мое замерло, когда я увидѣлъ Агапона. Дол-
говременная болѣзнь напечатлѣла знаки изне-
моженія на блѣдномъ лицѣ его; въ пусклыхъ
взорахъ изображалось тѣлесное и душевное
разслабленіе; огонь жизни проспылъ въ его
сердцѣ, помномъ и мрачномъ. Едва могъ онъ
обрадоваться моему пріѣзду, едва могъ пожать
руку мою; едва слабая, невольная улыбка бле-
снула на лицѣ его, подобно лучу осенняго солн-
ца.

Жаловаться ли намъ на участь бѣднаго, сла-
баго человѣчества? — Увы! что есть мудрость

мудраго, когда паденіе соломенки можешъ разрушить ее; когда болѣзнь тѣлесная зашемняешъ свѣтъ его разума и покрываетъ густымъ мракомъ нечувствительности такую душу, въ кошорой вся Природа какъ въ чистомъ ручейкѣ созерцалась! — Горестная мысль! горестный опытъ!

Пришла весна, и благодѣтельные вліянія сего прекраснаго времени года возвратили мнѣ друга; бальзамическія испаренія зеленѣющихъ травъ освѣжили его томное сердце; вмѣстѣ съ цвѣтами расцвѣтала душа его, и вмѣстѣ съ нѣжными пшеницами слабый духъ его оперялся. Сія весна, сіе лѣто, останущая незабвенными въ моей жизни!

Всегда, всегда будете вы предметомъ благодарной слезы моей, вы, пріятные вечера, проведенные мною въ обществѣ милаго друга, на зеленыхъ лугахъ, орошаемыхъ тихою рѣчкою, хотя не столь славною, какъ Аѳинскій Иллісъ, гдѣ Сократы и Кришоны древле бесѣдовали о мудрости, но чистою и красивою въ своемъ теченіи! Тамъ, будучи друзьями цѣлому свѣту, разсуждали мы о происшествіяхъ міра, угадывали будущую судьбу человѣчества, радовались и горевали; тамъ вопрошали мы Напуру о великихъ тайнахъ ея — иногда глубокое молчаніе пасмурной ночи, иногда нѣжная пѣснь Филомелы, иногда страшные удары грома были намъ оповѣстомъ ея; — мы благоговѣли, и признавали слабость своего разума. — Если обидѣли оныхъ сверкающихъ

міровъ, кошорыми усѣяно голубое небо, иногда съ вышины своей взирають на смертныхъ чадъ земли: то конечно и мы удостоились ихъ взоровъ — два юноши, спрасно любящіе истину и добродѣтель!

Всякой день, всякой вечеръ были мы вмѣстѣ, какъ будто бы предчувствуя, что сіе льто будешъ послѣднимъ льтомъ дружбы нашей! — Я спѣшилъ къ нему съ каждою новою книгою, съ каждымъ новымъ швореніемъ ума человѣческаго; онъ спѣшилъ ко мнѣ — съ новыми мыслями, съ новыми догадками, съ новою любезностію.

Осень была для насъ печальна; зимою мы разспались — и разспались навѣки!

Навѣки! — Я обнималъ шебя въ послѣдній разъ, неоцѣненный другъ души моей! въ послѣдній разъ видѣлъ швою чувствительность! Ты любилъ меня — и никогда любовь швоя не была такъ краснорѣчива, какъ въ сію минушу! *Можетъ быть мы скоро увидимся; можетъ быть опять будемъ жить вмѣстѣ* — сказалъ онъ и закрылъ лице свое. Милый другъ! сердце швое конечно предчувствовало, что намъ уже никогда не видашься въ здѣшней жизни!

Перемѣна климаша, а можешъ бышь и чрезмѣрная дѣятельность, разспроили его слабое здоровье; онъ занемогъ опасною болѣзнію — спрадалъ — помился — ни молодость, ни искусство врачей, ни пламенная молишва дружбы не помогли ему.... Онъ скончался!....

Ахъ! для чего не могъ я бышь при концѣ

швоемъ — не могъ слышать послѣднихъ словъ, видѣшь послѣднихъ взоровъ моего друга? — Ты хладѣлъ въ объятіяхъ смерти, и можешь быть никто изъ окружавшихъ тебя не зналъ, какая душа оставляла міръ сей, какой человекъ умиралъ въ глазахъ ихъ! Можешь быть безчувственные люди положили тебя въ гробъ, — безчувственные люди опустили гробъ твой въ землю! — Я хотѣлъ бы оросить слезами то мертвое тѣло, въ кошоромъ обиталъ бессмертный духъ твой; хотѣлъ бы проститься съ тобою, и со всею горячностію дружбы поцѣловавъ тѣ хладныя уста, изъ коихъ нѣкогда лились въ грудь мою отрада и утѣшеніе; хотѣлъ бы успокоить тебя и въ самомъ гробѣ, и первымъ весеннимъ цвѣткомъ украсивъ могилу твою!.... Ахъ! начто мы разлучались? Сіи немногіе дни, кошорые оставалось прожить тебѣ въ юдоли смертнаго, прошекли бы въ тишину и миръ; попеченія любви, спаранія дружбы облегчили бы переходъ твой въ вѣчность, и Ангелъ смерти принялъ бы тебя изъ объятій чувствительнаго человека!

Онъ умиралъ спокойно. *Я говорилъ съ нимъ за два дни до кончины его (пишешь ко мнѣ любезный Д*) и никогда не перестану удивляться силамъ души его — а я, за сіе удивленіе, никогда не перестану любить тебя, милой Д*)!*

Величественная Натура.... или Ты, Котораго называть не умѣю... Ты, Котораго истинное имя и существо таятся въ непроницае-

момъ мракъ, или — въ неприступномъ свѣшѣ! дерзнешъ ли смертный съ слабымъ, но чистымъ сердцемъ, безъ страха и трепета воспросишь Тебя: почто образовалъ Ты прекрасную душу моего друга, и скрылъ ее на зарѣ утренней, прежде нежели возсіяла она во всей красотѣ своей? Уже ли мудрая рука Твоя ошиблась, и произвела оную не въ свое время, не въ своемъ мѣстѣ? — Невидимая сила заграждаетъ уста мои — безмолвствую.

Горестъ моя будетъ продолжительна — безконечна! Я имѣю друзей сердца, копорые меня любяшъ, и мнѣ всего на свѣшѣ милѣе; но духъ мой лишился любезнѣйшаго своего брата и воспитанника, котораго никто, никто замѣнить не можетъ!

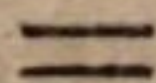
Дражайшій Агапонъ! рука времени не загладишъ образа твоего въ моихъ мысляхъ; всегда, всегда буду вспоминать о незабвенномъ другѣ: ибо память твоя впечатлѣлась въ существо души моей, и слилась съ ея любезнѣйшими идеями и чувствами. Скоро расцвѣтешъ пространный садъ Нашуры; скоро пшички запоютъ на зеленыхъ вѣтвяхъ — я пойду въ поле; пойду гулять туда, гдѣ гулялъ съ тобою; сяду на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ съ тобою, и подъ шумомъ весеннихъ водопадовъ пролью сладкія слезы. Тамъ, видя радостное обновленіе Природы, буду воображать тебѣ обновленнаго въ таинственныхъ жилищахъ вѣчности, копорыя спали мнѣ извѣстнѣе съ того времени, какъ ты въ оныя преселился — въ жи-

лищахъ, гдѣ непремѣнная весна царствуетъ,
и альюшъ цвѣшъ неувядаемые; гдѣ нѣшъ ни
слезъ, ни вздоховъ; гдѣ мудрые древности,
какъ нѣжные браться, бесѣдуюшъ съ тобою, и
гдѣ нѣкогда встрѣшишь ты и меня съ Ан-
гельскою улыбкою небесной дружбы.

Прости!

Марша 28, 1793.

ЧТО НУЖНО АВТОРУ?

Говоряшъ, что Автору нужны таланты и знанія: оспрой, проницательный разумъ, живое воображеніе, и проч. Справедливо: но сего не довольно. Ему надобно имѣть и доброе, нѣжное сердце, есѣли онъ хочетъ бытъ другомъ и любимцемъ души нашей; есѣли хочетъ, чтобы дарованія его сіяли свѣтомъ немерцающимъ; есѣли хочетъ писать для вѣчности и собирать благословенія народовъ. Творецъ всегда изображается въ швореніи, и часто прошивъ воли своей. Тщешно думаешь лицемѣръ обманушь читателей, и подъ златою одеждою пышныхъ словъ сокрышь желѣзное сердце; тщешно говоришь намъ о милосердіи, состраданіи, добродѣтели! Всѣ восклицанія его холодны, безъ души, безъ жизни; и никогда пышательное, эфирное пламя не польется изъ его швореній въ нѣжную душу читателя.

Есѣли бы Небо надѣлило какого нибудь изверга великими дарованіями славнаго Аруэша *, то, вмѣсто прекрасной Заиры, написалъ бы онъ — каррикашуру Заиры. Чистѣйшій,

* Защитникъ и покровитель невинныхъ, благодѣтель Каласовой фамиліи, благодѣтель всѣхъ Фернейскихъ жителей, имѣлъ конечно не злое сердце.

цѣлебный Нектаръ въ нечистомъ сосудѣ дѣлаешся пропивнымъ, ядовитымъ пишіемъ.

Когда ты хочешь писать портретъ свой, то посмотришь прежде въ вѣрное зеркало: можешь ли быть лице твое предметомъ искусства, которое должно заниматься однимъ изящнымъ, изображать красоту, гармонию, и распространять въ области чувствительнаго пріятныя впечатлѣнія? Если творческая Натура произвела тебя въ часъ небреженія, или въ минушу раздора своего съ Красотою: то будь благоразуменъ, не безобразь художниковою кисти, — оставь свое намѣреніе. Ты берешься за перо, и хочешь быть Авторомъ: спроси же у самого себя, наединѣ, безъ свидѣтелей, искренно: *каковъ я?* ибо ты хочешь писать портретъ души и сердца своего.

Уже ли думаете вы, что Геснеръ могъ бы столь прелестно изображать невинность и добродушіе паспуховъ и паспушекъ, если бы сіи любезныя черты были чужды собственному его сердцу?

Ты хочешь быть Авторомъ: читай исторію несчастій рода человѣческаго — и если сердце твое не обольется кровію, оставь перо, — или оно изобразитъ намъ хладную мрачность души твоей.

Но если всему горестному, всему угнетенному, всему слезящему открытъ путь въ чувствительную грудь твою; если душа твоя можетъ возвыситься до *страсти къ добру*, можетъ питать въ себѣ святое, ника-

кими сферами неограниченное *желаніе* всеобщаго блага: тогда смѣло призывай богинь Парнаскихъ — онѣ пройдутъ мимо великолѣпныхъ чершоговъ, и посѣтятъ твою смиренную хижину — ты не будешь бесполезнымъ Писателемъ — и никто изъ добрыхъ не взглянешъ сухими глазами на твою могилу.

Слогъ, фигуры, метафоры, образы, выраженія — все сіе прогаешь и плѣняешь тогда, когда одушевляешься чувствомъ; если не оно разгорячаетъ воображеніе Писателя, то никогда слеза моя, никогда улыбка моя не будетъ его наградою.

Отъ чего Жакъ-Жакъ Руссо нравился намъ со всѣми своими слабостями и заблужденіями? Отъ чего любимъ мы читать его и тогда, когда онъ мечтаетъ или запутывается въ противорѣчіяхъ? — Отъ того, что въ самыхъ его заблужденіяхъ сверкаютъ искры снрасшнаго челоѡколюбія; отъ того, что самыя слабости его показываютъ нѣкоторое милое добродушіе.

Напрошивъ того многіе другіе Авторы, не смотря на свою ученость и знанія, возмущаютъ духъ мой и тогда, когда говорятъ истину: — ибо сія истина мертва въ устахъ ихъ; ибо сія истина изливается не изъ добродѣтельного сердца; ибо дыханіе любви не согреваетъ ее.

Однимъ словомъ: я увѣренъ, что дурной челоѡкъ не можетъ быть хорошимъ Авторомъ.

г. 1793.

НѢЧТО О НАУКАХЪ, ИСКУССТВАХЪ И ПРОСВѢЩЕНІИ.

Que les Muses, les arts et la philosophie
Passent d'un peuple à l'autre et consolent la vie!
St. Lambert.

Былъ человѣкъ — и человѣкъ великой, незабвенный въ лѣтописяхъ Философіи, въ Исторіи людей—былъ человѣкъ, копорый со всѣмъ блескомъ краснорѣчія доказывалъ, что просвѣщеніе для насъ вредно, и что Науки несовмѣстны съ добродѣтелію!

Я чшю великія твои дарованія, краснорѣчивый Руссо! Уважаю истины, открытыя тобой современникамъ и потомству — истины, ошнынѣ незагладимыя на доскахъ нашего познанія — люблю тебя за доброе твое сердце, за любовь твою къ человѣчеству; но признаю мечпы твои мечтами, парадоксы парадоксами.

Вообще разсужденіе его о Наукахъ * есть, шакъ сказать, логической Хаосъ, въ копоромъ

* Discours sur la question, proposée par l'Académie de Dijon, si le rétablissement des sciences et des arts a contribué à épurer les mœurs?

видѣтъ только обманчивый порядокъ или при-
зракъ порядка; въ кошоромъ сіяетъ только
ложное солнце — какъ въ Хаосѣ творенія, по
описанію одного Поэта — и день съ ночью
непосредственно, то есть безъ утра и вечера,
соединяются. Оно есть собраніе прошиворѣчій
и софизмовъ, предложенныхъ — въ чемъ надо-
бно отдать справедливостъ Автору — съ не-
малымъ искусствомъ.

«Но Жанъ-Жака нѣтъ уже на свѣтѣ: на что
безпокоишь прахъ его?» — Творца нѣтъ на
свѣтѣ, но твореніе существуетъ; невѣжды
чищаютъ его — самые шѣ, кошорые ничего
болѣе не чищаютъ — и подъ Эгидою славнаго
Женевского Гражданина злословящъ просвѣще-
ніе. Если бы небесный Юпитеръ отдалъ
имъ на время громъ свой, то великолѣпное
зданіе Наукъ въ одну минушу превратилось
бы въ пепелъ.

Я осмѣливаюсь предложить нѣкоторыя при-
мѣчанія, нѣкоторыя мысли свои о семъ важ-
номъ предметѣ. Онъ не есть плодъ глубокаго
размышленія, но первыя, шакъ сказать, идеи,
возбужденныя чтеніемъ Руссова творенія *.

=

* Новая піеса одного неизвѣстнаго Нѣмецкаго Автора, кошо-
рая печально попала въ руки, и въ кошорой бѣдныя
Науки спрдаются ужаснымъ образомъ, заставила меня про-
честъ со вниманіемъ Discours de J. J. — Примѣчанія мои
неважны; но они по крайней мѣрѣ не выписаны ни изъ
Готье, ни изъ Лаборда, ни изъ Мену, кошорыхъ я или со-
всѣмъ не читалъ, или совсѣмъ забылъ. — Что же прина-

Со временъ Аристотелевыхъ швердятъ Ученые, что надобно опредѣлять вещи, когда желаешь говоришь объ нихъ и говоришь основательно. Дефиниціи или опредѣленія служатъ Фаросомъ въ путяхъ умствования — Фаросомъ, который безпрестанно долженъ сіять предъ глазами нашими, если мы не хотимъ съ прямой черты соврашиться. Руссо пишетъ о Наукахъ, объ Искусствахъ, не сказавъ, что суть Науки, что Искусства. Правда, если бы онъ опредѣлилъ ихъ справедливо, то всѣ главныя идеи пракшана его — поднялись бы на воздухъ и разсыпались въ дымъ, какъ пустые фантомы и чада Химеры: то есть, пракшанъ его остался бы въ туманной области небытія — а Жанъ-Жакъ непременно хотѣлось брашнѣ учености и просвѣщеніе. Для чего же? Можетъ быть для странности; для того, чтобы удивить людей, и показать свое ошмѣнное остроуміе: суешность, которая бываешь слабостию и самыхъ великихъ умовъ! —

Не смотря на разные классы Наукъ, не смотря на разныя имена ихъ, онъ суть не что иное, какъ *познаніе Натуры и человека, или система свѣдѣній и умствованій, относящихся къ симъ двумъ предметамъ* *.

длежитъ до Господина Нѣмецкаго Анонимуса, то онъ кромѣ злобы, тупоумія и несноснаго Гошшедскаго слога, ничѣмъ похвалиться не можетъ; на такія сочиненія нѣтъ ошвѣща.

* Познаніе сихъ двухъ предметовъ ведетъ насъ къ чувствованію всевѣчнаго шворческаго Разума.

Отъ чего произошли онѣ? — Отъ любопытства, которое есть одно изъ сильнѣйшихъ побужденій души человѣческой: любопытства, соединеннаго съ разумомъ.

Добрый Руссо! ты, который всегда хвалишь мудрость Природы, называешь себя другомъ ея и сыномъ, и хочешь обратишь людей къ ея простымъ спасительнымъ законамъ! скажи, не сама ли Природа вложила въ насъ сію живую склонность ко знаніямъ? Не она ли приводитъ ее въ движеніе своими великолѣпными чудесами, столь изобильно вокругъ насъ разсыянными? Не она ли призываетъ насъ къ Наукамъ! — Можешь ли человекъ быть безчувственъ тогда, когда грома Напурры гремятъ надъ его головою; когда страшные огни ея пылаютъ на горизонтѣ и разсѣкаютъ небо; когда моря ея шумятъ и режутъ въ необозримыхъ своихъ равнинахъ; когда она цвѣшетъ передъ нимъ въ зеленой одеждѣ своей или сіяетъ въ златѣ блестящихъ плодовъ, или, какъ будто бы утружденная великолѣпіемъ своихъ феноменовъ, облекается въ черную ризу осени, и погружается въ зимній сонъ подъ бѣлымъ кровомъ снѣговъ своихъ?

Обратимся во шьму прошедшаго; углубимся въ бездну минувшихъ вѣковъ, и вступимъ въ шѣ, давно исплѣвшіе лѣса, въ которыхъ человѣчество, по словамъ швоимъ, о Руссо! блаженствовало въ физическомъ и душевномъ мерцаніи; устремимъ взоръ нашъ на юнаго сына Природы, шамъ живущаго: мы увидимъ, что

и онъ не только о физическихъ потребностяхъ думаетъ; что и онъ имѣетъ душу, которая пребудетъ себѣ не плѣсной пищи. Сей дикой взираетъ съ удивленіемъ на картину Нашуры; око его обращается отъ предмета къ предмету — отъ заходящаго солнца на восходящую луну, отъ грозной скалы, опѣняемой валами, на прекрасной ландшафтъ, гдѣ ручейки журчатъ въ серебряныхъ нѣшахъ, гдѣ свѣжіе цвѣты песпрѣютъ и благоухаютъ. Онъ въ тихомъ восхищеніи плѣняется естественными красотою, иногда нѣжными и милыми, иногда страшными: впитываетъ ихъ, такъ сказать, въ свое сердце всѣми чувствами и наслаждается безъ насыщенія. Все для него привлекательно; все хочетъ онъ видѣть и осязать въ нервахъ своихъ; спѣшитъ къ отдаленнѣйшему, ищетъ конца горизонту и не находитъ его — небо во всѣ стороны надъ нимъ разливается — Природа вокругъ его необозрима, и симъ величественнымъ образомъ безпредѣльности вѣщаетъ ему: *нѣтъ предѣловъ твоему любопытству и наслажденію!* — Такимъ образомъ собираетъ онъ безчисленныя идеи или чувственные понятія, которыя суть не что иное, какъ непосредственное отраженіе предметовъ, и которыя носясь сначала въ душѣ его безъ всякаго порядка; но скоро пробуждается въ ней та удивительная сила или способность, которую называемъ мы *разумомъ*, и которая ждала только чувственныхъ впечатлѣній, чтобы начать свои дѣйствія. Подобно лучезарно-

му солнцу освѣщаетъ она Хаосъ идей, раздѣляетъ и совокупляетъ ихъ, находитъ между ими различія и сходства, отношенія, частное и общее, и производитъ идеи особливаго рода, идеи отвлеченныя, которыя составляютъ знаніе *, составляютъ уже Науку — сперва Науку Природы, внѣшности, предметовъ; а потомъ, черезъ разныя отвлеченія, доспигаетъ человѣкъ и до понятія о самомъ себѣ, обращается отъ чувствованій къ чувствующему, и, не будучи Декартомъ, говоритъ: *cogito, ergo sum* — мышлю, слѣдственно существую ** что жъ я?.... Вся наша Антропология есть не что иное, какъ отвѣтъ на сей вопросъ.

И такимъ образомъ можно сказать, что Науки были прежде Университетовъ, Академій, Профессоровъ, Магистровъ, Бакалавровъ. Гдѣ Нашура, гдѣ человѣкъ, тамъ училищница, тамъ ученикъ — тамъ Наука.

Хотя первыя понятія дикихъ людей были весьма недоспѣчны, но они служили основаніемъ тѣхъ великолѣпныхъ знаній, которыми украшается вѣкъ нашъ; они были первымъ шагомъ къ великимъ открытіямъ Невтоновъ и Лейбницевъ — такъ источникъ, едва, едва журчащій подъ сѣнію вѣшвистаго дуба, мало по малу расширяется, шумитъ, и наконецъ образуетъ величественную Волгу.

* Знать вещь есть не чувствовать только, но отличать ее отъ другихъ вещей, представлять ее въ связи съ другими.

** Извѣстной Декартовъ силогизмъ.

Кто же, описывая дикаго или естественнаго человека, представляешь его невнимательнымъ, нелюбопытнымъ, живущимъ всегда въ одной сферѣ чувственныхъ впечатлѣній, безъ всякихъ отвлеченныхъ идей — думающимъ только объ утоленіи голода и жажды, и проводящимъ большую часть времени во снѣ и безчувствіи — однимъ словомъ, зовремъ: кто сочиняешь романъ, и описываешь человека, который совсѣмъ не есть человекъ. Ни въ Африкѣ, ни въ Америкѣ не найдемъ мы такихъ безсмысленныхъ людей. Нѣтъ! и Гоппеншоты любопытны; и Кафры стараются умножать свои понятія; и Карайбы имѣютъ отвлеченныя идеи, ибо у нихъ есть уже языкъ, слѣдствіе многихъ умствованій и соображеній *. — Или пусть младенецъ будетъ намъ примѣромъ юнаго человечества, младенецъ, котораго душа чиста еще отъ всѣхъ порошковъ, несвойственныхъ ея натурѣ! Не примѣчаемъ ли въ немъ желанія знать все, что представляется глазамъ его? Всякой шумъ, всякой необыкновенный предметъ не возбуждаетъ ли его вниманія? — Въ сихъ первыхъ движеніяхъ души видишь Философъ опредѣленіе человека; видишь, что мы сотворены для знаній, для *Науки*.

=

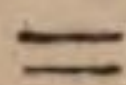
* Наприм. всякое прилагательное имя есть отвлеченіе. Времена глаголовъ, мѣстоименія — все сіе требуетъ употребленія дѣйствій разума.

Что суть Искусства? — *Подражание Натуръ.*
Гусыня, сросшійся въшви были образцомъ первой хижины и основаніемъ Архитектуры; въперъ, въявшій въ опверстіе сломленной шроси, или на спруны лука, и поющія ппи чки научили насъ музыкъ — шънь предметовъ рисованью и живописи. Горлица, съшующая на въшви объ умершемъ дружкѣ своемъ, была наславницею перваго Элегическаго Поэта *; подобно ей хошълъ онъ выражаешь горесъ свою, лишасъ милой подруги — и всѣ пѣсни младенчесшвенныхъ народовъ начинаются сравненіемъ съ предметами или дѣйствіями Натуръ.

Но что жъ заславило насъ подражаешь Натуръ, то естъ, что произвело Искусства? *Природное* чловѣку спремленіе къ улучшенію

* Я думаю, что первое піишическое швореніе было не что иное, какъ изліяніе шомно-горесшпаго сердца; то естъ, что первая Поэзія была Элегическая. Чловѣкъ веселящійся бываешь шолько заняшь предметомъ своего веселья, своей радости, что не можетъ заняшь описаніемъ своихъ чувствъ; онъ наслаждается, и ни о чемъ болѣе не думаетъ. Напрошивъ того горесшный другъ, горесшный любовникъ, попереавъ милую половину души своей, любитъ думаетъ и говоритъ о своей печали, изливаетъ, описываетъ свои чувства; избираетъ всю Природу въ повѣренныя грусти своей; ему кажется, что журчащая рѣчка и шумящее дерево соболъзнуютъ о его утратѣ; состояніе души его естъ уже, такъ сказано, Поэзія; онъ хочетъ облегчить свое сердце, и облегчаетъ его — слезами и пѣсню. — Всѣ веселыя спихотворенія произошли въ позднѣйшія времена, когда чловѣкъ спалъ описываетъ не только свои, но и другихъ людей чувства, не только настоящее, но и прошедшее; не только дѣйствительное, но и возможное или въроашное.

бышія своего, къ умноженію жизненныхъ пріятносшей. Онъ перваго шалаша до Луврской колоннады, онъ первыхъ звуковъ простой свирѣли до симфоній Гайдена, онъ перваго начертанія деревъ до картинъ Рафаэлевыхъ, онъ первой пѣсни дикаго до Поэмы Клопштоковой, человекъ слѣдовалъ сему стремленію. Онъ хочетъ жить *покойно*: раждающія такъ называемыя *полезныя Искусства*; возносящія зданія, копорыя защищаютъ его онъ свирѣпоспихій. Онъ хочетъ жить *пріятно*: являющія такъ называемыя *изящныя Искусства*, копорыя усыпающъ цвѣтами жизненный путь его.

И такъ Искусства и Науки *необходимы*: ибо онъ суть плодъ природныхъ склонносшей и дарованій человека, и соединены съ сущесствомъ его, подобно какъ дѣйствія соединяющіяся съ причиною, то есть, союзомъ неразрывнымъ. Успѣхи ихъ показываютъ, что духовная наша шура наша въ теченіи времени, подобно какъ злапо въ горнилѣ, очищается и достигаетъ большаго совершенства; показываютъ великое наше преимущество предъ всѣми иными животными, копорыя онъ начала міра живутъ въ одномъ кругѣ чувствъ и мыслей, между тѣмъ какъ люди безпрестанно его распространяющъ, обогащаютъ, обновляютъ.

Я помню — и всегда буду помнить — что добрый и любезнейший из наших Философов, великой Боннестъ, сказалъ мнѣ однажды на берегу Женевского озера, когда мы, взирая на заходящее солнце, на злапыя спруи Лемана, говорили объ успѣхахъ человѣческаго разума. «Мой другъ!».... симъ именемъ называешь Боннестъ * всѣхъ шѣхъ, которые приходятъ къ нему съ любовью къ истинѣ... «мой другъ! размышляющій челоуѣкъ можетъ и долженъ надѣяться, что въ послѣдствіи вѣковъ объяснишь весь мракъ въ путяхъ Философіи, и заря нашихъ смѣлѣйшихъ предчувствій будетъ нѣкогда солнцемъ увѣренія. Знанія разливаются какъ волны морскія; необозримо ихъ пространство; никакое острое зрѣніе не можетъ видѣть отдаленнаго берега — но когда явился онъ упруженному взору мудрецовъ; когда мы узнаемъ все, что въ справахъ подлунныхъ знать можно: тогда—можетъ быть—исчезнетъ міръ сей подобно волшебному замку, и челоуѣчество вступитъ въ другую сферу жизни и блаженства.» — Небесный свѣтъ сіялъ въ сію минушу на лицѣ Женевского Философа, и мнѣ казалось, что я слышу гласъ пророка.

Такъ, Искусства и Науки неразлучны съ существомъ нашимъ — и если бы какой нибудь духъ шьмы могъ теперь въ одну минушу испребишь всѣ плоды ума челоуѣческаго, жашву

* Онъ былъ еще живъ, когда я писалъ сіи примѣчанія.

всѣхъ прошедшихъ вѣковъ: по попомки наши снова найдутъ поперянное, и снова возсіяютъ Искусства и Науки какъ лучезарное солнце на земномъ шарѣ. Драгоценное собраніе знаній, по волю гнуснаго варвара, было жертвою пламени въ Александріи; но мы знаемъ теперь то, чего ни Греки, ни Римляне не знали. Пусть новый Омаръ, новый Амру, факеломъ Тизифоны превратятъ въ пепелъ всѣ наши книгохранилища! Въ теченіе грядущихъ временъ родятся новые Баконъ, которые положатъ новое, и можетъ быть еще твердѣйшее основаніе храма Наукъ; родятся новые Невтоны, которые открываютъ законы всемірнаго движенія; новый Локкъ изъяснитъ человѣку разумъ человѣка; новые Кондильяки, новые Боннеты силою ума своего оживятъ спашую *, и новые Поэты воспоютъ красоту Напуры, человѣка и славу Божію: ибо все то, чему мы удивляемся въ книгахъ, въ музыкѣ, на картинахъ, все то излилось изъ души нашей, и есть лучъ божественнаго свѣта ея, произведеніе великихъ ея способностей, которыхъ никакой Омаръ, никакой Амру не можетъ уничтожить. Перемѣните душу, вы ненавистники просвѣщенія! или никогда, никогда не успѣете въ человѣколюбивыхъ своихъ предпріятіяхъ; и никогда Прометеевъ огонь на землѣ не угаснетъ!

* См. Essai analitique sur l'Amē, par Bonnet, и Traité des Sensations, par Condillae.

Заклучимъ: ежели Искусства и Науки въ самомъ дѣлѣ зло, то они *необходимое* зло, — зло, истрекающее изъ самаго естества нашего; зло, для котораго Природа сотворила насъ. Но сія мысль не возмущаетъ ли сердца? Согласна ли она съ благостію Природы, съ благостію Творца нашего? Могъ ли Всевышній произвести человѣка съ любопытною и разумною душою, когда плоды сего любопытства и сего разума должныствовали бытъ пагубны для его спокойствія и добродѣтели? Руссо! я не вѣрю твоей системѣ.

Науки портятъ нравы, говоритъ онъ: нашъ просвѣщенный вѣкъ служитъ тому доказательствомъ.

Правда, что осьмойнадесять вѣкъ просвѣщеніе всѣхъ своихъ предшественниковъ; правда и то, что многіе пишутъ на него сапиры; многіе, ксшапи и не ксшапи восклицають: о tempora! о mores! о времена! о нравы! многіе жалуются на развращъ, на гибельные пороки нашихъ временъ, — но много ли Философовъ? много ли размышляющихъ людей? много ли такихъ, которые проникають взоромъ своимъ во глубину нравственности, и могутъ справедливо судить о феноменахъ ея? Когда нравы были лучше нынѣшнихъ? Не уже ли въ теченіе среднихъ вѣковъ, тогда, когда грабежъ, разбой и убійство почитались самымъ обыкновеннымъ явленіемъ? Пусть заглянутъ въ старыя лѣтописи, и сличатъ ихъ съ испорченіемъ нашихъ временъ! — Намъ будутъ говорить о

Сатурновомъ вѣкѣ, щасливой Аркадіи..... Правда, сія вѣчно-цвѣтущая страна, подъ благимъ, свѣтлымъ небомъ, населенная простыми, добродушными паспухами, которые любяшъ другъ друга какъ нѣжные братья, не знающъ ни зависти ни злобы, живутъ въ благословенномъ согласіи, повинуются однимъ движеніямъ своего сердца, и блаженствуютъ въ объятіяхъ любви и дружбы, есть нѣчто восхищительное для воображенія чувствительныхъ людей; но — будемъ искренны, и признаемся, что сія щасливая страна есть не что иное, какъ пріятной сонъ, какъ восхищительная мечта сего самаго воображенія. По крайней мѣрѣ никто еще не доказалъ намъ исторически, чтобы она когда нибудь существовала. Аркадія Греціи не есть та прекрасная Аркадія, которою древніе и новые Поэты прельщаютъ наше сердце и душу.

J'ouvre les fastes: sur cet âge
Partout je trouve des regrets;
Tous ceux qui m'en offrent l'image,
Se plaignent d'être nés après.

Самыя опдаленнѣйшія времена, освѣщаемыя факеломъ Исторіи — времена, въ которыя Искусства и Науки были еще, такъ сказать, въ безсловесномъ младенчествѣ — не представляющъ ли намъ пороковъ и злодѣяній? Самъ ты, о Руссо! живошворною своею кистію изобразилъ одно изъ сихъ страшныхъ происше-

спвій древности, которыя возмущаютъ всякое чувство * и показываютъ, что сердце человеческое осквернялось тогда самымъ гнуснѣйшимъ развратомъ.

Ты обвиняешь вѣкъ нашъ упонченнымъ лицемѣріемъ, припворствомъ; но отъ чего же порокъ старается нынѣ скрывать себя подъ личиною добродѣтели болѣе, нежели когда нибудь? Не отъ того ли, что въ нынѣшнія времена гнушаются имъ болѣе, нежели прежде? Самое сіе относится къ чести нашихъ нравовъ; и если мы обязаны тѣмъ просвѣщенію, то оно благопворно и спасительно для нравовъ. Иначе можно будетъ доказать, что и добродѣтель развращаетъ людей, заславляя порочнаго лицемѣрия: ибо никогда не имѣешь онъ такой нужды припворяться добрымъ, какъ въ присутствіи добрыхъ. — Вообразимъ двухъ человекъ, которые оба злонравны, но съ тѣмъ различіемъ, что одинъ явно предается своимъ склонностямъ, и слѣдственно не стыдится ихъ, — а другой тайно оныя, и слѣдственно самъ чувствуетъ, что онъ не похваленъ: кто изъ нихъ ближе къ исправленію? Конечно послѣдній: ибо первый шагъ къ добродѣтели, какъ говорятъ древніе и новые Моралисты, есть познаніе гнусности порока.

Мысль, что во времена невѣжества не могло быть столько обмановъ, какъ нынѣ, для того что люди не знали никакихъ тонкихъ хитро-

* Въ Levite d'Ephraim.

стей, есть совершенно ложная. Простые такъ же другъ друга обманываютъ, какъ и хитрые: первые грубымъ образомъ, а вторые искуснымъ — ибо мы не можемъ быть ни равно просты, ни равно хитры. Вспомнимъ жрецовъ идолопоклонства: они были конечно не Ученые, не мудрецы, но умѣли ослѣплять людей, — и кровь человѣческая лилась на жертвенникахъ.

Сія учтивость, сія привѣтливость, сія ласковость, которая свойственна нашему времени и которую новые Тимоны * называютъ сусальнымъ золомъ осьмаго-надесять вѣка, въ глазахъ Философа есть истинная добродѣтель общежитія и слѣдствіе утонченнаго человѣколюбія. Не спору, что опереть слезы бѣднаго, отвратить грозную бурю отъ своего брата, гораздо похвальнѣе и важнѣе, нежели приласкать человѣка добрымъ словомъ или улыбкою; но все то, чѣмъ мы можемъ досаждать другъ другу невинное удовольствіе, есть должностъ наша — и кто хотя одну мину жизни сдѣлалъ для меня пріятною, тотъ есть мой благодѣтель. Мудрая, любезная Нашура не только даетъ намъ пищу; она производитъ еще и алую розу и бѣлую лилію, которыя не нужны для нашего физическаго существованія — но онѣ пріятны для обонянія, для глазъ нашихъ, и Нашура производитъ

* Известно, что Аѳинской Тимонъ былъ великой мизантропъ. «Я люблю тебя, сказалъ онъ Альцибіаду, за то, что ты сдѣлаешь довольно зла своему опечесству.»

ихъ. Учишъ, привѣщивъ еси цвѣтъ
общежитія.

=

Спартанцы не знали ни Наукъ, ни Искусствъ —
говоришь нашъ Мизософъ — и были добродѣ-
тельнѣе прочихъ Грековъ, — и были непобѣди-
мы. Когда невѣжество царствовало въ Римѣ,
тогда Римляне повелѣвали міромъ; но Римъ про-
свѣтился, и сѣверные варвары наложили на не-
го цѣпи рабства *.

Во-первыхъ — Спартанцы не были такими не-
вѣждами и грубыми людьми, какими хочешь
ихъ описывать Женевской Гражданинъ. Они
не занимались ни Астрономіею, ни Матема-
тикою, не Геометріею: но у нихъ были дру-
гія Науки и самыя Изящныя Искусства. Они
имѣли свое Нравоученіе, свою Логику, свою Ре-
торику, хотя учились имъ не въ Академіяхъ,
а на площадяхъ — не отъ Профессоровъ, а отъ
своихъ Эфоровъ. Не священная ли Поэзія при-
готовила сихъ Республиканцевъ къ Ликурго-
вымъ успавамъ? Пѣснопѣвецъ Талесъ ** былъ
предшечею сего законодателя; явился въ Спар-
тѣ съ златоспруною лирою, воспѣлъ щастіе

* Все, что Руссо говоритъ въ своемъ Discours о Спартѣ и Ри-
мѣ, взято изъ Essais de Montaigne, главы XXIV, du Pedan-
tisme. Жанъ-Жакъ любилъ Мошпаня.

** Сей Песнь Талесъ жилъ прежде мудреца Талеса или Талеса.

мудрыхъ законовъ, благо согласія, и восхишилъ сердца слушателей. Тогда пришелъ Ликургъ, и Спаршанцы приняли его какъ друга боговъ и человѣковъ, котораго устами вѣщала истина и мудрость. Во время второй Мессенской войны повелѣвалъ Лакедемонцами Аѳинской Поэтъ Тиршей; онъ пѣлъ, игралъ на арфѣ, и воины его, какъ яросные вихри, спремались на брань и смерть: доказательство, что сердца ихъ отверзались впечатлѣніямъ изящнаго, чувствовали въ истинѣ красоту и въ красотѣ истину! — У нихъ были и собственные свои Поэты, на прим. Алкманъ, которой « всю жизнь свою посвящалъ любви, и во всю жизнь свою воспѣвалъ любовь; » были музыканты и живописцы — первые гармонією струнъ своихъ возбуждали въ нихъ ревность геройства; кисть вторыхъ изображала красоту и силу, въ видѣ Аполлона и Марса, чтобы Спаршанки, обращая на нихъ взоры свои, раждали Аполлоновъ и Марсовъ — были и Риторы, которые въ собраніяхъ народа, или на печальныхъ празднествахъ, учрежденныхъ въ память Павзанію и Леониду, убѣждали и прогали согражданъ своихъ — на прим. самые Аѳинцы удивлялись краснорѣчію Спаршанца Бразиды, и сравнивали его съ лучшими изъ Греческихъ Орашоровъ. Законы Лакедемонскіе не запрещали наслаждаться Изящными Искусствами, но не терпѣли ихъ злоупотребленія. Для сего-то Эфоры не позволяли гражданамъ своимъ чинить соблазнительныхъ швореній Саширика

Архилоха; для сего-то велѣли они молчать лиръ одного музыканша, который нѣжною, томною игрою вливалъ ядъ сладоспрасія въ души воиновъ; для сего-то выгнали они изъ Спаршы того Рипора, который хотѣлъ говорить о всѣхъ предметахъ съ равнымъ искусствомъ и жаромъ. Истинное краснорѣчіе, одушевленное правдою, на правдѣ основанное, было имъ любезно — ложное, софистическое, ненавистно. Ихъ теорія нравственности поспавлялась въ примѣръ ясной красноты, силы и убѣдительности, такъ что многіе Философы древности, на прим. Платонъ, Платонъ и другіе, заимствовали отъ нихъ методы своего ученія.

Во вторыхъ — точно ли Спаршанцы были добродѣтельныѣ прочихъ Грековъ? Не думаю. Тамъ, гдѣ въ забаву убивали бѣдныхъ невольниковъ, какъ дикихъ звѣрей; гдѣ ширански умерщвляли слабыхъ младенцевъ, для того что Республика не могла надѣяться на силу руки ихъ — тамъ, слѣдуя общему человѣческому пониманію, не лзя искать нравственнаго совершенства. Если Древніе говорили, что «самый Спаршанскій воздухъ вселяетъ, кажешся, *Аретинъ*,» то подъ симъ словомъ разумѣли они не то, что мы разумѣемъ нынѣ подъ именемъ добродѣтели, *vertu*, *Tugend*, а мужество или храбрость *, которая только по своему упо-

* *Арети* происходитъ отъ *Арисъ*. Симъ именемъ, какъ извѣстно, называется по Гречески Марсъ.

пробленію бываешъ добродѣтелию. Спаршанцы были всегда храбры, но не всегда добродѣтельны. Леонидъ и друзья его, копорые принесли себя въ жершву ошечеству, суть мои Герои, истинно-великіе мужи, полубоги; безъ слезъ не могу я думать о славной смерти ихъ при Термопилахъ — но когда пишомцы Ликурговыхъ законовъ лили кровь человѣческую для того, чшобы умножитъ число своихъ невольниковъ и поработитъ слабѣйшія Греческія области: тогда храбросшь ихъ была злодѣйствомъ — и я радуюсь, что великой Эпаминондъ смирилъ гордосшь сихъ Республиканцевъ, и съ надменнаго чела ихъ сорвалъ лавръ победы.

Просвѣщенныя Аѣины, гдѣ, такъ сказашъ, возраспали всѣ наши Искусства и Науки — Аѣины производили также своихъ Героевъ, копорые въ великодушїи и храбросши не уступали Лакедемонскимъ.Themistocles, Arisides, Focionъ! кто не удивляется вашему величію? Вы сіяете въ Исторїи человѣчества какъ благородѣтельныя свѣшила — и вѣчно сіяшь будете! — Самъ божественный Сократъ, первый изъ мудрецовъ древности, былъ храбрый воинъ; опъ высочайшихъ умозрѣній Философїи лешълъ онъ на поле брани умирашь за любезныя Аѣины — и я не знаю, кїпо болѣе имѣешъ причинъ любить и защищать свое ошечество, сынъ Софронисковъ, или какой нїбудъ Абдеритъ: первый наслаждается въ немъ всѣми благами жизни, цвѣтами Природы, Искусства,

самимъ собою, своимъ человѣческимъ, силами и способностями души своей; а второй въ благословенной Абдеръ — *живетъ*, и болѣе ничего. Для кого спрашивае узы варваровъ? Со-крашъ, сражаясь за Аѳины, сражается за мѣсто своего щастія, своихъ удовольствій, которыя вкушалъ онъ въ садахъ Философскихъ, въ бесѣдѣ друзей и мудрецовъ — Абдеришъ и подъ игомъ Персидскимъ можетъ быть Абдеришомъ *.

Что принадлежишъ до Рима, то Науки не могли быть причиною его паденія, когда Сципіоны посвящали имъ всѣ свободные часы свои и были — Сципіонами; когда Катонъ, умирая вмѣстѣ съ Республикою, въ послѣднюю ночь жизни своей читалъ Платона; когда Цицеронъ, ученѣйшій Римлянинъ своего времени, презиралъ опасность и громъъ прошивъ Катилины. Сіи Герои были питомцы Наукъ, и припомъ Герои; болѣе такихъ мужей, и Римъ безсмертенъ въ своемъ величїи!

Я согласенъ, что чрезмѣрная роскошь, которая царствовала наконецъ въ Римѣ, была пагубна для Республики: но какую связь имѣетъ роскошь съ Науками? Сія политическая и нрав-

* Говоряшъ еще, что упражненіе въ Наукахъ или въ Искусствахъ ослабляетъ пѣлесныя силы, нужныя воину; но развѣ Ученый или художникъ непременно долженъ моришь себя въ кабинетѣ? Соблюдая умеренность въ трудахъ своихъ, онъ можетъ служить отечеству рукою и грудью не хуже другихъ гражданъ. Впрочемъ не Апелловы силы, но любовь къ отечеству дѣлаетъ воиновъ непобѣдимыми.

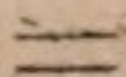
свѣнная язва перешла въ Римъ изъ странъ Азіатскихъ, вмѣстѣ съ великимъ богатствомъ, кошорое бываешъ ея источникомъ и пищею. Чѣмъ же обогатились потомки Ромуловы? Конечно не Науками, но завоеваніями — и такимъ образомъ причина славы ихъ сдѣлалась наконецъ причиною ихъ гибели.

Успѣхъ самыхъ *пріятныхъ искусствъ* ни мало не зависитъ отъ богатства. Поэтъ, живописецъ, музыкантъ, имѣющъ ли нужду въ Моголовыхъ сокровищахъ для того, чтобы сочинить безсмертную Поэму, написать изящную картину, очаровать слухъ нашъ сладкими звуками? Попробны ли сокровища и для того, чтобы наслаждаться великими произведеніями Искусствъ? Для перваго нужны таланты, для втораго попробенъ вкусъ: и то и другое есть особый даръ Неба, кошорый не въ мрачныхъ нѣдрахъ земли хранился, и не съ золопымъ пескомъ пріобрѣтается *.

И кто имѣетъ болѣе алчности къ богатству, просвѣщенный человекъ или невѣжда? человекъ съ дарованіями или глупецъ? Фило-

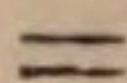
* Но чѣмъ же въ бѣдной землѣ будетъ награжденъ Писатель или художникъ? Похвалою, одобреніемъ, удовольствіемъ своихъ согражданъ: вотъ то, что истинному Артісту всего милѣе, всего дороже! — Музы не умѣютъ считать денегъ, и бѣгутъ отъ желѣзныхъ сундуковъ, на кошорыхъ гремятъ замки и запоры. Тамъ, гдѣ любятъ ихъ чистымъ сердцемъ; гдѣ умѣютъ чувствовать красоту ихъ — тамъ онѣ всѣмъ довольны, довольны бѣдною хижиною и ключевою водою. Въ другое мѣсто не заманишь ихъ и славнымъ брилліантомъ Португальской Королевы.

софъ цѣнишь умозрѣнія свои дороже золоша. Архимедъ не взялъ бы милліоновъ за ту минушу, въ копорую воскликнулъ онъ: *Эврика!* *нашелъ! нашелъ!* Камоэнсъ не думалъ о своемъ имѣніи, когда шонулъ корабль его; но, бросившись въ море, держалъ онъ въ правой рукѣ *Лузіаду*. Сіи опшмѣнные люди находятъ въ самихъ себѣ источникъ живѣйшихъ удовольствій — и пошому самому богашство не можешь бышь ихъ идоломъ.

Но сколько заблуждений въ Наукахъ! Правда, для того, что онѣ несовершенны; но предметъ ихъ есть истина. Заблужденія въ Наукахъ суть, шакъ сказать, чуждые наросшы, и рано или поздно исчезнушь. Они подобны шѣмъ волнистымъ облакамъ, копорыя въ часъ ушра показывающся на воспокѣ, и бывающъ предпечами злашаго солнца. Изъ шемной сѣни невѣжества должно ишши къ свѣшозарной истинѣ сумрачнымъ пушемъ сомнѣнія, чаянія и заблужденія; но мы придемъ къ прелесшной богинѣ, придемъ, не смошря на всѣ препоны, и въ ея эфирныхъ объашіяхъ вкусимъ небесное блаженство. Высочайшая Премудрость не хотѣла насъ удалить отъ нее сими различными затрудненіями, ибо мы можемъ преодошь ихъ, и сражаясь съ оными, чувствуемъ нѣко-

порую радость во глубинѣ сердецъ своихъ: вѣрный знакъ того, что дѣйствуемъ согласно съ нашимъ опредѣленіемъ *! Кажется, будто Напура, скрывая иногда испину — по словамъ Философа Демокрита — на днѣ глубокаго кладезя, хочешь единственно того, чтобы мы долѣе наслаждались пріятнымъ исканіемъ, и тѣмъ живѣе чувствовали красоту ея. Такъ нѣжная Дафна бѣжитъ и скрывается отъ спрасшнаго Палемона, единственно для того, чтобы еще болѣе воспалилъ жаркую любовь его!

Науки съ Искусствами вредны и потому — продолжаютъ ихъ славный Антигонистъ — что мы тратимъ на нихъ драгоценное время; но какъ же, уничтоживъ все Науки и все Искусства, будемъ употреблять его? На земле-

* Во всякомъ случаѣ, гдѣ мы удаляемся отъ мудраго плана Напуры, отъ ея цѣли, обыкновенно чувствуемъ въ душѣ своей нѣкоторую тоску, неудовольствіе, непріятность. Сіе прошивное чувство говоритъ намъ: «ты оставилъ путь, предписанный тебѣ Напурою: обрати на него!» Кто не повируется сему гласу, тотъ вѣчно будетъ несчастливъ. — Напротивъ того всегда, когда дѣйствуемъ сообразно съ нашимъ опредѣленіемъ, или съ волею великаго Творца, чувствуемъ нѣкоторое тихое удовольствіе, радость. Сіе чувство говоритъ намъ: «ты идешь путемъ, предписаннымъ тебѣ Напурою: не свращайся съ него!»

дѣліе, на скошоводство? Правда, что земледѣліе и скошоводство всего нужнѣе для нашего существованія; но можемъ ли заняты ими всѣ часы свои? Что станемъ мы дѣлать въ тѣ мрачные дни, когда вся Природа съшуетъ и облекается въ трауръ? когда сѣверные вѣтры обнажаютъ рощи, пушистые снѣга усыпаютъ желѣзную землю, и дыханіе хлада замыкаетъ двери жилищъ нашихъ; когда земледѣлецъ и пасухъ со вздохомъ оставляютъ поля, и заключаются въ своихъ хижинахъ? Тогда не будешь уже книгъ, благословенныхъ книгъ, сихъ вѣрныхъ, милыхъ друзей, копорые доселѣ улаждали для насъ печальную осень и скучную зиму, но обогащая душу великими истинами Философіи, но извлекая слезы чувствительности изъ глазъ нашихъ прогательными повѣствованіями. Священная небесная Меланхолія, мать всѣхъ безсмертныхъ произведеній ума человѣческаго! ты будешь чужда хладному нашему сердцу; оно забудетъ тогда всѣ благороднѣйшія свои движенія, и сіе пламя всемірной любви, которое развѣваютъ въ немъ творенія истинныхъ мудрецовъ и друзей человѣчества, подобно угасающей лампадѣ блеснетъ — и померкнетъ!.... Руссо! Руссо! память твоя теперь любезна людямъ; ты умеръ, но духъ твой живешь въ Эмиль, но сердце твое живешь въ Элоизъ — и ты возскавалъ противъ Наукъ, противъ Словесности! и ты проповѣдывалъ счастье невѣжества, славилъ безсмысліе, блажен-

ство звѣрской жизни! ибо что иное какъ не звѣрь есть пошъ человѣкъ, копорый живешъ только для удовольстворенія своимъ физическимъ попребностямъ? Не уже ли скажущъ намъ, что онъ, удовольстворя симъ попребностями, спокоенъ и щасливъ? Ахъ, нѣтъ! на злапомъ диванѣ и въ темной хижинѣ онъ бѣденъ и злополученъ; на злапомъ диванѣ и въ темной хижинѣ чувствуешъ онъ вѣчный недоспашокъ, вѣчную скуку. Одинъ, чтобы наполнить сію мучительную пустошу сердца, выдумываешъ тысячу мнимыхъ нуждъ, тысячу мнимыхъ попребностей жизни; * другой, угнетаемый бременемъ мысленной силы своей, ищешъ облегченія въ совершенномъ забвеніи самого себя, или прибѣгаешъ къ ужасному распущству. — Такъ конечно! человѣкъ носишъ въ груди своей пламень Эпны: живое побужденіе дѣятельности, копорое мучишъ празднаго — Искусства же и Науки суть благошворный источникъ, уполяющій сію душевную жажду.

Но развѣ добродѣтель не можетъ занять души твоей? возражаешъ Руссо. Учись быть нѣжнымъ сыномъ, супругомъ, отцомъ, полезнымъ гражданиномъ, человѣкомъ, и ты не будешъ празденъ! Что же есть Мораль, изъ Наукъ важнѣйшая, Альфа и Омега всѣхъ Наукъ и всѣхъ Искусствъ? Не она ли доказываешъ человѣку,

* Вошъ главная причина роскоши! Слѣдственно Науки, будучи врагами праздности, суть враги и сей самой роскоши, копорая питаешся праздностію.

что онъ для собственнаго своего щастія долженъ быть добрымъ? Не она ли представляетъ ему необходимость и пользу гражданского порядка? Не она ли соглашаетъ волю его съ законами, и дѣлаетъ его свободнымъ въ самыхъ узахъ? Не она ли сообщаетъ ему нѣ правила, копорыя разрѣшаютъ его недоумѣнія во всякомъ затруднительномъ случаѣ, и вѣрною спешью ведешь его къ добродѣтели? — Всѣ жившныя, кромѣ чловѣка, подвержены уставу необходимости: для нихъ нѣтъ выбора, нѣтъ ни добра, ни зла; но мы не имѣемъ сего, шакъ сказать, *деспотическаго чувства*, сего естественнаго побужденія, управляющаго ими; вмѣсто его данъ чловѣку разумъ, копорый долженъ *искать* истины и добра. Звѣрь видитъ и дѣйствуетъ; мы видимъ и разсуждаемъ, шо есть сравниваемъ, разбираемъ, и пошомъ уже дѣйствуемъ.

=

«Ошъ чего же шѣ люди, копорые посвящаютъ жизнь свою Наукамъ, не рѣдко имѣютъ порочныя нравы?» — Конечно не ошъ шого, что они въ Наукахъ упражняются, но совсѣмъ ошъ другихъ причинъ: на прим. ошъ худаго воспитанія, сего главнаго источника нравственныхъ золъ, и ошъ худыхъ навыковъ глубоко вкоренившихся въ ихъ сердце. Любезныя Музы вра-
2**

чують всегда душевныя болѣзни. Хотя и бывають такіе злыя недуги, копорыхъ не могутъ онѣ излечить *совершенно*; но во всякомъ случаѣ дѣйствія ихъ благошворны — и чело-вѣкъ, копорый, не взирая на нѣжный союзъ съ ними, все еще предается порокамъ, во мракъ невѣжества сдѣлался бы, можетъ быть, страшнымъ чудовищемъ, извергомъ шворенія. Искусства и Науки, показывая намъ красоты величественной Природы, возвышаютъ душу; дѣлають ее чувствительнѣе и нѣжнѣе, обогащаютъ сердце наслажденіями, и возбуждаютъ въ немъ любовь къ порядку, любовь къ гармоніи, къ добру, слѣдственно ненависть къ безпорядку, разгласію и порокамъ, которые разстроивають прекрасную связь общежитія. Кто чрезъ міриады блестящихъ сферъ, кружащихся въ голубомъ небесномъ пространствѣ, умѣетъ возноситься духомъ своимъ къ престолу невидимаго Божества; кто внимаетъ гласу Его и въ громахъ и въ зефирахъ, въ шумѣ морей и — собственномъ сердцѣ своемъ; кто въ атомѣ видитъ міръ и въ мірѣ атомъ безпредѣльнаго шворенія; кто въ каждомъ цвѣткѣ, въ каждомъ движеніи и дѣйствии Природы чувствуетъ дыханіе вышней Благости, и въ алыхъ небесныхъ молніяхъ лобызаетъ край Саваоовой ризы: тотъ не можетъ быть злодѣемъ. На мраморныхъ скрижаляхъ Истории, между именами изверговъ, покажутъ ли намъ имя Бакона, де-Карта, Галлера, Томсона, Геснера?.... Наблюдатель челоѣчества! будь впо-

рымъ Говардомъ, и посѣпи мрачныя обиталища, гдѣ ожесточенные преступники ждуть себя праведнаго наказанія — сіи несчастные, долженствующіе кровію своею примириться съ раздраженными законами; спроси — естли не онѣмѣюшъ успа швой въ семъ жилищѣ страха и ужаса — спроси, кто они? и ты узнаешь, что просвѣщеніе не было никогда ихъ долею, и что благодѣтельные лучи Наукъ никогда не озаряли хладныхъ и жестокихъ сердецъ ихъ. Ахъ! тогда повѣришь, что ночь и тѣма естъ жилище Грей, Горгонъ и Гарпій; что все изящное, все доброе любишь свѣтъ и солнце.

Такъ! просвѣщеніе естъ Палладіумъ благонравія — и когда вы, вы, копорымъ вышняя Власть поручила судьбу челоѣковъ, желаете распространить на землѣ обласъ добродѣтели, то любите Науки, и не думайте, чтобы онѣ могли бытъ вредны; чтобы какое нибудь состояніе въ гражданскомъ обществѣ должно спвовало пресмыкашся въ грубомъ невѣжествѣ — нѣтъ! сіе златое солнце сіяетъ для всѣхъ на голубомъ сводѣ, и все живущее согрѣвается его лучами; сей текущій кристаллъ утоляетъ жажду и властелины и невольника; сей столѣтній дубъ обширною своею тѣнію прохлаждаетъ и пасуха и Героя. Всѣ люди имѣюшъ душу, имѣюшъ сердце: слѣдспвенно всѣ могутъ наслаждаться плодами Искусства и Науки — и кто наслаждается ими, тотъ дѣлается лучшимъ челоѣкомъ и спокойнѣйшимъ гражданиномъ — спокойнѣйшимъ, гово-

рю: ибо находя вездѣ и во всемъ тысячу удовольствій и пріятностей, не имѣетъ онъ причины роптать на Судьбу и жаловаться на свою участь. — Цвѣты Грацій украшаютъ всякое состояніе — и просвѣщенный земледѣлецъ, сидя послѣ трудовъ и работы на мягкой зелени съ нѣжною своею подругою, не позабываетъ щастію роскошнѣйшаго Самрапа.

Просвѣщенный земледѣлецъ! — Я слышу тысячу возраженій, но не слышу ни одного справедливаго. Быть просвѣщеннымъ есть быть здравомыслящимъ, не ученымъ, не полиглотомъ, не педантомъ. Можно судить справедливо и по правиламъ спражайшей Логики, не читавъ никогда схоластическихъ бредней о сей Наукѣ; не думая о томъ, кто лучше опредѣляетъ ее: Томазіи или Тиригаузы, Меланхтонъ или Рамусъ, Клерикусъ или Буддеусъ; не зная, что такое энѳимемата, барбара, целарентъ, ферио, и проч. Для сего конечно не достаешь земледѣльцу времени — ибо онъ долженъ обрабатывать поля свои; но для того, чтобы мыслить здраво, нужно только впечатлѣть въ душу нѣкоторыя правила, нѣкоторыя вѣчныя истины, которыя составляютъ основаніе и существо Логики — для сего же найдетъ онъ въ жизни своей довольно свободныхъ часовъ, равно какъ и для того, чтобы узнать премудрость, благость и красоту Натуры, которая всегда предъ глазами его, — узнать, любить ее, и быть щастливѣе.

Я поставлю въ примѣръ многихъ Швейцарскихъ, Англійскихъ и Нѣмецкихъ поселянъ, копорыѣ пашутъ землю и собираютъ библіотеки; пашутъ землю и читаютъ Гомера, и живутъ такъ чисто, такъ хорошо, что Музамъ и Граціямъ не стыдно посѣщать ихъ. Кто не слыхалъ о славномъ Цирихскомъ крестьянинѣ Клейнъ-йокъ, у котораго Философы могли учиться Философіи, съ копорымъ Бодмеръ, Геснеръ, Лафатеръ, любили говорить о красотахъ Природы, о величествѣ Творца ея, о санѣ и должностяхъ человека? — Не далеко отъ Мангейма живетъ и теперь такой поселянинъ, копорый читалъ всѣхъ лучшихъ Нѣмецкихъ и даже иностранныхъ Авторовъ, и самъ пишетъ прекрасные стихи *. Сии упражненія не мѣшаютъ ему быть трудолюбивѣйшимъ работникомъ въ своей деревнѣ и прославлять долю свою. «Всякой день, говоритъ «онъ **, благодарю я Бога за то, что Онъ «опредѣлилъ мнѣ быть поселяниномъ, копорого состояніе есть самое ближайшее къ Нашу, и слѣдственно самое щастливѣйшее.»

Законодатель и другъ человѣчества! ты хочешь общественнаго блага: да будетъ же первымъ закономъ твоимъ — *просвѣщеніе!* Гласомъ онаго благодѣтельного грома, копорый не умерщвляетъ живущаго, а напаяетъ землю и воздухъ пышными и плодотворными

* Многие изъ нихъ читалъ я въ Нѣмецкомъ Музеумѣ.

** Одинъ изъ моихъ знакомыхъ былъ у него въ гостяхъ.

силами, вѣщай человѣкамъ: созерцайте Природу, и наслаждайтесь ея красотою; познавайте свое сердце, свою душу; дѣйствуйте вѣщими силами, Творческою рукою вамъ данными, — и вы будете любезнѣйшими чадами Неба!

Когда же свѣтъ ученія, свѣтъ истины озаритъ всю землю и проникнетъ въ самыя темнѣйшія пещеры невѣжества: тогда, можетъ быть, исчезнутъ всѣ нравственные Гарпіи, доселѣ осквернявшія человѣчество, — исчезнутъ, подобно какъ привидѣнія ночи на разсвѣтъ дня исчезающъ; тогда, можетъ быть, наступитъ златый вѣкъ Поэтовъ, вѣкъ благонравія — и тамъ, гдѣ возвышались теперь кровавые эшафоты, тамъ сядетъ добродѣтель на свѣпломъ тронѣ.

Между тѣмъ вы составляете мое утѣшеніе, вы нѣжныя чада ума, чувства и воображенія! Съ вами я богатъ безъ богатства, съ вами я не одинъ въ уединеніи, съ вами не знаю ни скуки, ни тяжкой праздности. Хотя живу на краю Сѣвера, въ отечествѣ грозныхъ Аквилоновъ, но съ вами, любезныя Музы! съ вами вездѣ долина Темпейская — коснется рукою, и печальная сосна въ лавръ Аполлоновъ превращается; дохнутъ божественными устами, и на желтыхъ хладныхъ пескахъ цвѣты Олимпійскіе расцвѣтающъ. Осыпанный вашими благами, дерзаю презирать блескъ тщеславія и суешности. Вы и Природа, Природа и любовь добрыхъ душъ — вотъ мое счастье,

моя опрада въ горесяхъ!.... Ахъ! я иногда
проливаю слезы, и не спыжусь ихъ!

Меня не будешь — но память моя не со-
всѣмъ охладѣетъ въ мѣрѣ; любезный, нѣжно-
образованный юноша, чистая нѣкошорыя мысли,
нѣкошорыя чувсва мои, скажешь: онъ имѣлъ
душу, имѣлъ сердце!

г. 1793.

НѢЖНОСТЬ ДРУЖБЫ

ВЪ НИЗКОМЪ СОСТОЯНІИ.

=

Госпожа М*, возвращаясь изъ деревни въ Москву, остановилась ночевать въ городкѣ О* на постояломъ дворѣ. Въ избѣ все было чисто и порядочно. Три прекрасные мальчика, какими пишущся Купидоны, играли между собою, безъ всякой робости подбѣгали къ госпѣ, смѣялись на ея часы, табакерку, муфту, — смѣялись и прыгали. Госпожа М* хвалила, ласкала ихъ, и примѣшила радость на лицѣ молодой женщины, которая стояла у печи. — «Конечно ты мать ихъ?» спросила она съ улыбкою. — «Нѣтъ, сударыня!» отвѣчала женщина: «это дѣти покойнаго брата моего. Мать ихъ пошла за водою.» — «И такъ не ты хозяйка въ домѣ?» — «Все одно, сударыня! Мы обѣ хозяйки.» — «Видно, что ты любишь своихъ племянниковъ?» — «Какъ не любишь, сударыня! Вы сами ихъ хвалите.» Тутъ мальчики подбѣжали къ пещкѣ, схватили ее за руки, и подняли вверхъ головенки свои; она съ нѣжностію всѣхъ перецѣловала. — Скоро пришла мать, женщина лѣтъ въ тридцать, миловидная лицомъ. — «Бѣдная! какъ ты озя-

бла!» сказала золовка, взявъ ее за руку: «поди скорѣе на печь: я буду служишь барынѣ.»

Между тѣмъ Госпожа М* опущинала, и всѣ люди ушли спать, кромѣ ее и двухъ хозяекъ, кошорыя просили, чшобы она дозволила имъ работашъ подлѣ свѣчи. Онѣ спали шишъ и разговаривашъ между собою, но очень тихо, боясь обезпокоишь свою госпыю.

Госпожа М*. Говорише! говорише! Я не хочу спать; вы мнѣ не помѣшаете.

Золовка. Да вамъ скучно будешъ насъ слушашъ, сударыня. Мы не умѣемъ хорошо говоришь. Маша, невѣстка моя, не глупа, очень не глупа; только робка и боишся чужихъ людей — а я никогда не умѣю сказашь того, чшо думаю.

Маша взглянула на нее, разсмѣялась и покачала головою. Она хотѣла сказашь: *не правда; ты хорошо говоришь.*

Госпожа М*. Мнѣ кажется, чшо вы живете согласно.

Золовка. Да, сударыня! Мы, слава Богу! никогда не ссоримся. Маша моя такъ смирна, какъ овечка; а я люблю ее больше сестры родной: какъ же намъ жишъ не согласно?

Маша. Анюша любишь ребяпишекъ моихъ какъ дѣшей своихъ, сударыня; а дѣши мои любяшь ее какъ мать родную.

Госпожа М*. Вамъ должно бышь очень весело, друзья мои?

Анюта. Какъ не весело, сударыня! Мы рады всегда бѣлому свѣшу; встаемъ, молимся Богу,

цѣлуемся, работаемъ съ охотой, шутимъ, смѣемся, говоримъ почти безъ умолку; а когда скажешь не чего, такъ взглядываемъ другъ на друга. Послѣ работы отдыхаемъ, играемъ съ дѣтьми, и не видимъ какъ проходитъ день.

Госпожа М*. Давно ли живете вы въ одномъ домѣ?

Анютa. Болѣе десяти лѣтъ, сударыня.

Госпожа М*. И никогда не разставались?

Анютa. Только одинъ разъ — правда, что надолго.

Госпожа М*. Вѣрно вы тогда не были еще такъ дружны?

Анютa. Нѣтъ, сударыня! Маша и тогда была мнѣ всего на свѣтъ милѣе. Мы съ самаго ребячества любили другъ друга — и я послужила въ церкви большой молебень, когда братъ мой помолвилъ на ней жениться.

Госпожа М*. Жаль, что они не долго жили вмѣстѣ. Братъ швой, думаю, очень любилъ ее?

Маша взглянула на своего друга, и опустила глаза въ землю. Анюша задумалась, сняла со свѣчи, и сказала со вздохомъ: «Братъ мой, сударыня — братъ мой умеръ. Суди Богъ шѣхъ людей, копорые сбивали его съ пуши и научали худому!»

Тутъ Маша опять посмотрѣла на друга своего; въ глазахъ ея блиспали слезы.

Анютa. Я поклялась, сударыня, никогда не выходишь за мужъ. Мы женщины право лучше мушинъ; они не умѣютъ любить насъ, и слезы наши имъ ничего.

Госпожа М* (съ улыбкою). Хорошо, что ты говоришь не съ мущиною.

Маша. Онъ, право, былъ добрый человекъ, Анюша!

Анюта. Богъ съ нимъ! — Перестанемъ объ этомъ говорить.

Госпожа М. Когда же ты разлучалась съ другомъ своимъ!

Анюта. Вошь видишь, сударыня — братъ мой не оставилъ намъ ничего, кромѣ худой избы и — проихъ дѣшей, копорыя пребовали хлѣба. Чѣмъ жишь? чѣмъ кормишься? Я вздумала ѣхать въ Москву, къ шепкѣ своей башмашницѣ, чшобы выучишься масшерспву ея. Маша плакала, не хотѣла отпустить меня; я крѣпилась, уговаривала ее; продала лишнее свое плашье, оставила ей рублей пять денегъ, залилась слезами и поѣхала въ Москву.

Маша. Я не могу объ этомъ вспомнить!

Анюта. Тешка взялась учишь меня съ охотою, и хотѣла, чшобы я всегда жила у нее; только мнѣ было скучно и грустно. Днемъ думала я о Машѣ, ночью думала о Машѣ; ходила по праздникамъ въ церковь, и молилась о Машѣ. Однажды, мѣсяца черезъ три, сдѣлалось мнѣ такъ тошно, что работа выпала у меня изъ рукъ, и я хотѣла броситься на колѣни передъ Образомъ — шупъ вдругъ отворилась дверь, и Маша кинулась мнѣ на шею. Копомка висѣла у нее за плечами; а въ рукахъ былъ посохъ. Бѣдная пришла пѣшкомъ.

Маша. Ахъ, сударыня! всякой кусокъ хлѣба

казался мнѣ безъ нее горекъ; и дѣши переспали веселишь меня. Пришла весна, красные дни; ласпочка свила гнѣздо подъ нашею кровлею — Анюшы не было! Я просиживала у ворошѣ до самой ночи, и глядѣла на большую дорогу.

А н ю т а. Дурочка спосковалась по мнѣ, и передъ Троицынымъ днемъ вздумала сама итти въ Москву, оставила дѣшей у нашего дяди, и пошла.

Госпожа М*. Какъ вы, думаю, обрадовались другъ другу!

А н ю т а. Такъ обрадовались, сударыня, что — не умѣю сказать вамъ. — Тетяшка моя, смотря на насъ, плакала; она доброй человекъ, сударыня; у нее жалостливое сердце. — «Мнѣ хотѣлось взглянуть на тебя,» говорила Маша: «слава Богу, что ты жива, — что ты здорова, — что ты меня любишь! Теперь мнѣ можно возвратиться къ моимъ ребятишкамъ. — Нѣтъ Маша! сказала я: нѣтъ, ты пойдешь домой не одна. Мнѣ было безъ тебя очень тошно; я пойду съ тобою. Богъ насъ прокормитъ.»

Анюша обтерла слезы свои, и продолжала: «На другой день, въ праздникъ Троицы, повела я Машу свою въ городъ, на Красную площадь, въ Соборы. Ей все казалось чудно; однакожь я тихонько говорила ей, чтобы она ни на что не заглядывалась, и не очень дивилась.»

Госпожа М*. Для чего же?

А н ю т а. Для того, сударыня, чтобы люди

не назвали ее деревенскою, шакъ какъ меня, когда я въ первый разъ увидѣла высокія каменныя башни, большой колоколъ и страшную пушку. — Когда заблагоговѣсшили въ Соборѣ, Маша вынула изъ кармана два пучечка цвѣшковъ — «одинъ для тебя, Анюша (сказала она), а другой для меня; будемъ стоять съ ними у обѣдни.»

М а ш а. Подходя къ Москвѣ, сударыня, я нарвала въ лѣсу душистыхъ правокъ и цвѣшочковъ, и связала изъ нихъ два пучечка. Мнѣ хотѣлось чпо нибудь принести Анюшѣ для Троицына дня.

А н ю т а. Обѣдню слушали мы въ Архангельскомъ Соборѣ. Мнѣ было очень весело; только я плакала — и Маша плакала — наши цвѣшочки взмокли опъ слезъ; однакожь не завяли. Вышедши изъ церкви, мы ими помѣнялись; и шеперь, сударыня, лежатъ они у насъ за Образомъ.

М а ш а. Я часпо смотрю на нихъ; сшебельки и лисшочки высохли, а все еще хорошо пахнутъ.

А н ю т а. Въ тотъ же день проспились мы съ шешкою, кошорая дала мнѣ двадцать рублей денегъ; я сказала вамъ, сударыня, чпо она доброй человѣкъ. — Время было лѣпнее; мы пошли пѣшкомъ; ночевали всегда въ полѣ, на бережку чистенькихъ ручейковъ, и спали подъ кусточками.

М а ш а. Соловьи пѣли тогда очень хорошо.

А н ю т а. Соловьи и жаворонки. Какъ весело было намъ слушать ихъ! — Благополучно при-

шли мы домой, взяли своихъ малюшокъ, наняли себѣ эту избу, и спали держась постоялой дворъ. — Богъ къ намъ милоспивъ, сударыня; дѣши наши не терпяшъ нужды.

Госпожа М*. И такъ вы совершенно довольны своимъ соспояніемъ, друзья мои?

Анюта. Конечно, сударыня!

Госпожа М*. И ничего больше не желаете?

Анюта. Кромѣ того, что бы Маша моя была жива и здорова. Ахъ, сударыня! она часно не можешъ!.... Вотъ одно мое горе!

Маша. Не бойся, Анюша! Богъ помилуетъ меня для тебя. Я не говорю о дѣшяхъ — у нихъ и безъ меня будешъ машъ. Ты мнѣ жалка — я не хочу умереть!

Анюта. Сохрани Боже! Никогда не могу я видѣшь въ лѣсу одной горлицы, чшобы не залишья слезами. Дай Господи намъ жишь и умереть вмѣсшъ — умереть, когда Ему угодно, шолько вмѣсшъ, въ одно время, чшобы и въ могилѣ лежали мы другъ подлѣ друга!

Маша. Чшобы и на шомъ свѣшъ были мы другъ подлѣ друга!

Анюта. Я не могу жишь безъ Маши.

Маша. Я не могу жишь безъ Анюшы.

Анюта. Маша!

Маша. Анюша!

Тутъ обнялись онѣ въ воспоргъ, въ жаркомъ изліяніи сердець своихъ, забывъ все; слезы ихъ лились градомъ; онѣ рыдали....

Чишашель! эпо не выдумка. Сіи нѣжные
друзья живушъ и нынѣ въ городкѣ О*. Госпо-
жа М* всегда къ нимъ заѣзжаетъ, и никогда
безъ чувства съ ними не расстаешся. Такія
души, такая дружба, и въ такомъ соспо-
ніи! — Мизанпропъ!....

г. 1793.

АѢИИСКАА ЖИЗНЬ.

Греки, Греки! кто васъ не любитъ? Кто съ холоднымъ сердцемъ можетъ вообразить себѣ прекрасную картину древнихъ АѢиновъ? Кто не скажетъ иногда со вздохомъ: «для чего я не современникъ Плапоновъ?»

Нашъ вѣкъ имѣетъ свои преимущества — знаю — и великія преимущества. Однакожъ —

Скажутъ ли вамъ, государи мои, что мнѣ кажется? — Мы *ученье* Грековъ, а Греки были — умнѣ насъ, такъ какъ дѣти, бѣгающіе по весеннему лугу за пестрою бабочкою, умнѣ взрослыхъ людей, плывущихъ въ Америку или въ Индію за пряными кореньями.

Тамъ, въ опечесствѣ Сократовъ, болѣе нежели гдѣ нибудь, болѣе нежели когда нибудь занимались люди важнымъ искусствомъ счастья. Наслажденіе было цѣлю ихъ Философіи, Экономіи, народныхъ собраній; празднествъ, зрѣлищъ, шудовъ и работъ. Вездѣ и во всемъ искали они — наслажденія; искали съ жаромъ спроси, съ живѣйшимъ чувствомъ потребности, какъ любовникъ ищетъ свою любовницу — и жизнь ихъ была, такъ скажутъ, самою цвѣтущею Поэзіею.

Смѣйтесь, друзья мои! но я опдалъ бы съ

радоснію свой любимый темный фракъ за какой нибудь Греческой *хитонъ* * — и въ минуты пріятныхъ мыслей отдаю его — завертываюсь въ пурпуровую мантію (разумеется, въ воображеніи) — покрываю голову большою, распущеною шляпою, и выстунаю, въ Альцибіадовскихъ башмакахъ, ровнымъ шагомъ, съ философскою важностію — на древнюю Аѳинскую площадь. Тутъ многочисленный народъ волнуется; тутъ знакомые и незнакомые составляютъ одно шумное семейство, привѣтствуютъ и забавляютъ другъ друга, рассказываютъ новыя происшествія свѣша, Греціи, своего опечесства, домашніе анекдоты, прогательные и веселые, — шумятъ другъ надъ другомъ съ тою пріятною и нѣжною оспрошюю, копорая ошъ Аѳинъ получила свое названіе, и смѣшила людей безъ обиды и оскорбленія. Тутъ Рипоры и Спихопворцы читаютъ наизустъ свои произведенія, и собираютъ достойныя похвалы: ибо всякой гражданинъ есть знающій кришникъ, умной судья всего умнаго; тутъ живописецъ показываетъ свою картину, ваятель спашую; слушаетъ мнѣнія зришелей, и поправляетъ ея недоспашки. Тутъ Философы и Софиспы спорятъ объ опвлеченныхъ испинахъ, о самыхъ важнѣйшихъ предметахъ Мешафизики и Морали, и народъ одобряетъ плесками того, кто побѣждаетъ своихъ прошивниковъ силою краснорѣчія и дока-

* Родъ полукафтанья, копорое носили Греки подъ мантіею.

зашельствъ. Тупъ ученикъ Гераклишовъ представляеиъ Напуру спрашнымъ чудовищемъ, безжалостною тиранкою, которая производишь чувствительныхъ тварей единственно для того, чтобы онѣ терзались и мучились. Тупъ пріятель Абдерскаго мудреца * живыми красками описываетъ благость сей самой Напуры, и вездѣ видишь безконечную жизнь и радость. Другой соединяетъ противоположныя системы, и находишь въ необозримыхъ областяхъ творенія зло и добро, разрушеніе и новое бытіе, вѣчную комедію и вѣчную трагедію. Третій весь міръ и все сущее въ немъ называетъ ничтожнымъ привидѣніемъ, всѣ знанія невѣжествомъ, всѣ истины ложью, и человека несчастною жертвою вѣчныхъ обмановъ. Наконецъ, упомленный шумомъ и множествомъ любопытныхъ предметовъ, наполнившихъ, шакъ сказать, всю мѣру души моей, я удаляюсь — ищу тишины, пріятнаго уединенія, — и древнія аллеи, осыняющія берегъ свѣтлаго Иласса, влекутъ меня въ прохладную тѣнь свою. Чувства мои нѣмѣютъ подобно эху, вдали умирающему.... я теряюсь въ сладостномъ забвеніи.

Ариспенъ, добрый юноша, приближается ко мнѣ съ дружелюбною улыбкою — беретъ меня за руку — и мы, вдоль по теченію свѣтлаго Иласса, выходимъ на обширныя равнины и пучныя поля, гдѣ зрѣлые колосы какъ зла-

* Демокрита.

тое море волнуется опъ въпра. Вездъ при-
носятся благодарныя жершвы богинѣ Церерѣ;
сельскіе олшари украшаются первенцами бла-
гословенной жашвы, и жнецы поюшъ радосш-
ныя пѣсни:

Весело въ полѣ работашъ:
Будьше прилѣжны, друзья!
Класы злашые ссѣкайте
Махомъ блестящей косы!

Солнце сіяетъ надъ нами;
Пшеницы въ кусточкахъ поюшъ.
Весело въ полѣ работашъ:
Будьше прилѣжны друзья!

Чувствуйте милость Цереры,
Доброй богини плодовъ!
Жителямъ неба любезенъ
Гласъ благодарныхъ сердецъ.

Скоро наступитъ и вечеръ;
Вечеръ для отдыха данъ.
Пользуйтесь часомъ работы,
Пользуйтесь временемъ дня!

Мы мѣшаемся съ веселыми толпами, и вмѣ-
стѣ со всѣми поемъ:

Весело въ полѣ работашъ:
Будьше прилѣжны, друзья!
Класы злашые ссѣкайте
Махомъ блестящей косы!

Звѣри работы не знаютъ,
Пшеницы живутъ безъ труда:

Люди не звѣри, не птицы —
Люди работою живутъ.

Между сими жнецами вижу я пурпуровыя маншіи; вижу Архоншовъ, Сенапоровъ, Полководцевъ. Собираніе земныхъ плодовъ, непосредственнаго дара богини Цереры, есть для Грековъ нѣчто священное, — есть часть ихъ Богослуженія. Тамъ, за зеленою решешкою густыхъ вѣшвей, пылаетъ и развѣвается розовое пламя: тамъ обѣдъ для жнецовъ гостовишся. Здѣсь сельскія красавицы изъ блестящихъ источниковъ черпаютъ свѣжую воду для прохладенія жаждущихъ работниковъ; шумъ сѣдые старцы сидятъ въ тѣни померанцевыхъ деревьевъ, смотрятъ на шурдящихся юношей, и съ удовольствіемъ воспоминаютъ о лѣтахъ своей младости.

Мы возвращаемся въ городъ, и видимъ передъ собою храмъ Музъ, окруженный густыми, крышыми аллеями — шумъ шумятъ водопады; шумъ шумятъ древніе яворы; шумъ мудрый Плашонъ бесѣдуетъ съ друзьями и учениками своими. Приближаемся — глубокое молчаніе царствуетъ. Всѣ взоры устремлены на божественнаго мудреца; его взоръ устремленъ на небо; глубокія чувства изображающіяся на лицѣ его; слезы, священныя слезы, блистающія въ его очахъ. Плашонъ говорилъ о своемъ незабвенномъ училелѣ: ахъ! могъ ли онъ говорить объ немъ безъ сердечнаго умиленія? «Такъ, друзья мои (продолжаетъ чувствитель-

ный Философъ) такъ! Сократъ былъ величайшій изъ божественныхъ смертныхъ; былъ славою не однихъ Аѳинъ, но всего человѣчества; былъ живымъ образомъ бессмертныхъ. Щасливъ, кто зналъ его! Щасливъ, кто любилъ его! Щасливъ, кто объ немъ слезы проливаетъ!.... Сіи слезы будутъ всегда сладкою пищею моего сердца.» — Платонъ съ блестящимъ и разительнымъ краснорѣчіемъ описываетъ всю жизнь великаго Сократа, жизнь, единой добродѣтели и мудрости посвященную; описываетъ чистоту и стройность его души, гармонію всѣхъ ея склонностей и побужденій; великія идеи его о Божествѣ и Натурѣ; пламенную любовь къ ближнимъ; ревность къ испребленію всѣхъ предразсудковъ, унижающихъ достоинство человека; усердіе къ распространенію всѣхъ благихъ истинъ, имѣющихъ вліяніе на судьбу земнородныхъ; всегдашнюю дѣятельность, постоянство, неутомимость; любезную скромность, которая обнаруживалась во всѣхъ его дѣлахъ, во всѣхъ бесѣдахъ и умствованіяхъ; его спросъ ко всему изящному, которое почиталъ онъ зеркаломъ внутренней доброты; его нѣжность къ друзьямъ, ученикамъ и ко всѣмъ искреннимъ любителямъ мудрости. — «И такой человѣкъ имѣлъ враговъ, враговъ злобныхъ и непримиримыхъ? Но враги добродѣтели были его врагами! — И такой человекъ изверженъ изъ гражданскаго общества рукою правосудія? Но правосудіе людей не

«есть Небесное правосудіе!... О человѣчеству!
«я оплакиваю твою ослѣпленіе! О человѣчеству!
«я спенаю о твоихъ заблужденіяхъ! Ослѣпле-
«ніе не можетъ быть вѣчно; заблужденія ис-
«чезаютъ отъ свѣта истины — но ахъ! бла-
«годѣтели твои лежатъ уже во прахъ, умерщ-
«вленные, расперзанные, бездушные! Ты про-
«ливаешь слезы.... слезы не оживятъ ихъ, —
«и Муза Истории изобразитъ на мраморъ вѣч-
«ный стыдъ твой! — Но смерть была Сокра-
«ту торжествомъ и славою. Невиненъ въ сво-
«емъ сердцѣ, онъ безспрашно проспиралъ къ
«ней руки свои. Невиненъ въ своемъ сердцѣ,
«онъ не хотѣлъ прибѣгнуть къ силѣ красно-
«рѣчія для своего оправданія. *Изслѣдуйте всю*
«*жизнь мою, говорилъ мудрый: ей должно ме-*
«*ня оправдывать.* — Съ какою горестію, съ
«какимъ сладкимъ душевнымъ умиленіемъ мы
«внимали ему въ послѣдніе часы его! Онъ го-
«ворилъ о жизни, о добрѣ и злѣ ея; говорилъ
«такъ, какъ плавашель, достигшій берега, го-
«воришь о пусяхъ моря. Онъ говорилъ о без-
«смертіи — и лучъ душевнаго веселія, подобно
«крошкѣ свѣту Авроры, озарялъ лице его;
«и живое предчувствіе вѣчности, изливаясь
«изъ его сердца, проникало въ наше. Онъ го-
«ворилъ о своихъ непріятеляхъ.... Нѣтъ! про-
«спи мнѣ, бессмертный духъ бессмертнаго
«мужа! Нѣтъ! ты не хотѣлъ именовать ихъ
«своими непріятелями! Ты вѣрилъ Провидѣнію,
«зрѣлъ во всемъ руку Его, и съ мирною, сер-
«дечною тишиною покорялся Небесному уста-

«ву. — Обвинители мои торжествуютъ, въ-
«щаль мудрый: они не знаютъ, что добродѣ-
«тельный остается всегда побѣдителемъ! —
«Мы проливали слезы.... ахъ! болѣе о жалкой
«своей участи, нежели о его судьбѣ! Мы оста-
«вались сиротами!... Онъ упѣшалъ насъ, сло-
«вами, взорами, обѣщаніями. Уже смертоносная
«чаша была въ рукѣ его ... * Криптонъ, лю-
«безнѣйшій ему ученикъ, блѣдный Криптонъ
«цѣловалъ его руку. Юный, чувствительный
«Аполлоторъ рыдалъ безпрестанно. Другіе за-
«крылись мантіями.... Ахъ! кто будетъ Гени-
«емъ хранителемъ нашимъ? воскликнулъ Анпи-
«схенъ. Добродѣтель, опившійся свѣ-
«тый другъ нашъ — и выпилъ чашу смерти.
«Всѣ оцѣпенѣли отъ ужаса.... Сократъ въ по-
«слѣдній разъ воззрѣлъ на друзей своихъ — и
«еще любовь сіяла въ очахъ его!... въ послѣд-
«ній разъ!... Уже ядъ свирѣпствовалъ въ его
«сердцѣ.... пламя жизни угасало.... угасло!....
«Міръ лишился вѣнца своего!.... Криптонъ за-
«крылъ глаза добродѣтельнаго!» — Платонъ
преклонилъ голову — всѣ слушающіе рыдали —
мы тихими шагами удалились отъ Храма Музъ,
съ полными, опягченными сердцами.

Арисхенъ ведетъ меня въ Театръ, огромное
зданіе, копорому небо служишь кровомъ. Съ
одной стороны возвышается сцена съ блестя-
щими украшеніями, на другой — величествен-

* Платонъ, за болѣзнію, не былъ свидѣтелемъ послѣднихъ ми-
нущъ Сократовой жизни; онъ говоритъ здѣсь то, что слы-
шалъ отъ соучениковъ и друзей своихъ.

ный амфитеатръ съ безчисленными уступами, гдѣ тысячи зришелей сидяшъ въ глубокомъ молчаніи. Представляють Софоклова Эдипа. Являешся несчастный старецъ, жертва судьбы, преступникъ невинный въ душѣ своей, изгнанный изъ опечесства, лишенный зрѣнія, оставленный людьми и богами. Исмена и Антигона, дочери и единственныя друзья сердца его, раздѣляютъ съ нимъ всѣ бѣдствія. Оракуль предсказалъ ему близкій конецъ; небо покрывается черными тучами; страшная гроза свирѣпствуетъ. Старецъ чувствуетъ холодную руку смерти и обнимаетъ своихъ любимыхъ....

Гремишъ ужасный громъ, небесный сводъ пылаешъ —

О боги! часъ насталъ гибели моей!

Эдипъ, Эдипъ сей міръ навѣки оставляешъ

И сердца своего любезнѣйшихъ друзей!....

Прощице!..... громъ гремишъ!

Х О Р Ъ.

Громъ гремишъ

И разишъ!....

Мы сердцами

И слезами

Молимъ васъ,

Боги гнѣва

И Эрева,

Въ страшный часъ!

Ахъ! пошлите

Солнца лучъ!

Разгоните

Мраки тучь!
Нытъ спасенья,
Избавленья
Намъ въ бѣдахъ!
Погибаемъ!
Ощущаемъ
Смерть въ сердцахъ!

Эдипъ лишается жизни. Ужасъ на всѣхъ лицахъ — въ душѣ сладкое удовольствіе. О чудо Искусства! кто изъяснитъ твои Мистеріи? — О Софоклъ! — Трагедія кончилась. Я вижу на сценѣ олтарь и съдовласыхъ Архонтовъ, приносящихъ жертву изліянія богу Вакху. Такъ Греки освящаютъ забавы свои, и тѣмъ болѣе наслаждаются!

Солнце позлащаетъ уже послѣдними лучами своими великолѣпный храмъ Минервинъ. Мы идемъ по Гермесовой улицѣ, и высокой, огромной домъ представляется глазамъ нашимъ, съ надписью: *жилище Гиппія, сына Хабріева; храмъ удовольствій и щастія, отверстый для всѣхъ мудрыхъ любителей наслажденія.* «Мы можемъ войти въ него,» говоритъ мнѣ Аристенъ: «юный Гиппій угощаетъ нынѣ друзей своихъ.» Подъ аркадами встрѣчаютъ насъ богато-одѣтые невольники, и ведутъ въ прекрасную купальню, гдѣ свѣшная ключевая вода блискаетъ въ бѣлыхъ мраморныхъ бассейнахъ *. Мы освѣжаемся въ прохладной влагѣ, намираемъ себя драгоценными ароматами; оп-

* Греки всегда купались или мылись передъ ужиномъ.

дыхаемъ на шелковыхъ Вавилонскихъ коврахъ, и спѣшимъ къ любезному хозяину, кошорый, съ ласковою улыбкою, принимаетъ насъ въ великолѣпной галлерей, украшенной золотомъ и слоновою костью. — Многочисленное собраніе друзей окружаетъ Гиппія, собраніе Философовъ, Орашоровъ, Поэшовъ, художниковъ и веселыхъ юношей. Тушъ Синопскій Діогенъ забавляетъ гостей своимъ остроуміемъ; издѣвается надъ Платономъ; называетъ его мудрецомъ *ощипанныхъ пѣтуховъ* *; слушаетъ съ нестерпѣніемъ Орашора Анаксимена, важно читающаго свое новое произведеніе, — ищетъ глазами конца рукописи — восклицаетъ: *берегъ, берегъ, друзья мои!* и заставляетъ всѣхъ смѣяться. Тушъ нѣжный Ксанѳосъ съ жаромъ описываетъ Аѳинскихъ красавицъ, сравниваетъ Лаису съ Кипридою, Дорису съ Діаною, Эвхарису съ Юноною, и заключаетъ со вздохомъ: *но Левкиппа всѣхъ прекраснѣе, Левкиппа всѣхъ милѣе!* «Левкиппа его любовница,» говорятъ юноши съ усмѣшкою, и не хотѣя ему прошиворѣчить. — Тушъ Ликосъ, не давно бывшій въ Спартѣ, превозноситъ до небесъ Лакедемонцевъ, ихъ простоту, презвостъ, мужество и добродѣтели. Теагенъ доказываетъ, что въ Спартѣ учатъ людей презирать жизнь, а въ Аѳинахъ ея поль-

* Платонъ, говоря однажды о человѣкѣ, сказалъ, что онъ есть *двуножное животное безъ перьевъ*. Діогенъ, желая доказать несправедливость сего опредѣленія, принесъ въ Академію *ощипаннаго пѣшука*, бросилъ его на землю и закричалъ: *друзья! смотрите: вотъ человѣкъ Платоновъ!*

зоваться — и всѣ мы громкимъ рукоплесканіемъ изъявляемъ согласіе свое съ Теагеномъ. — Спихошворецъ Гиппархъ краснорѣчиво изображаешь намъ различныя доспоинства Аѳинскихъ Трагиковъ; сравниваешь Эсхила съ шумною рѣкою, копорая спремится между дикихъ, грозныхъ ушесовъ; Софокла съ прозрачнымъ каналомъ, орошающимъ сады и миршовыя рощи; Эврипида съ быспрымъ ручьемъ, копорый во-кругъ зеленыхъ луговъ извиваешь.

Ужинъ гошовъ — ужинъ, какъ будто бы самою богинею сласполубія пригошвленый. Видъ каждаго блюда даешь уже предчувсшвовашъ вкусъ онаго. Рыбы Сиціонскія, рыбы Беошійскаго озера лежашъ въ серебряныхъ сосудахъ вмѣстѣ съ разными пшицами, копорыми оспровъ Мелось надѣляетъ Аѳины; вмѣстѣ съ лучшими плодами садовъ и лѣсовъ. — Въ углахъ комнашы куряшся ѳиміамы и благовонныя масши.

Приносяшъ злашую чашу, обвишую розами и наполненную виномъ Гераклеѣскимъ. Гипшій изливашъ на Діанинъ жершвенникъ нѣсколь-ко капель сего драгоцѣннаго, аромашическаго некшара, и всѣ госши пьюшъ изъ чаши, въ знакъ общаго, искренняго дружесшва. Прекрасныя мальчики, подобные Эрошамъ, увѣнчева-юшъ насъ цвѣшами, и подаюшъ каждому миршовую вѣшвъ, сплешенную съ лаврами. Веселіе сіяешъ на всѣхъ лицахъ, веселіе, не помра-ченное ни малѣйшимъ облакомъ забошы. Вина Коркирскія и Лезбійскія пѣняшся въ фіалахъ,

которыя изъ рукъ въ руки переходяшъ. Самъ Циникъ * начинаешъ улыбаясь. Чувствуя пріятную теплоту въ сердцѣ и на лицѣ своемъ, забываешъ свою бочку и съ убѣдительно-нымъ краснорѣчіемъ доказываешъ, что и мудрый можешъ иногда наслаждаться всѣмъ избыткомъ благъ земныхъ. — Первая фіала посвящается опеческву, и мы поемъ:

Цвѣти, опеческво святое,
Сынамъ любезное, драгое!
Мы всѣ богошворимъ тебѣ,
И въ жертву принесемъ себя
Для пользы твоея гошовой.
Ахъ! смерть ничто, когда оковы
И стыдъ грозятъ твоимъ сынамъ!
Такъ древле Кодры умирали,
Такъ Леониды погибали
Въ примѣръ героямъ и друзьямъ.
Союзъ родства и узы крови
Не такъ священны для сердецъ,
Какъ святъ законъ твоей любви.
Оставивъ милыхъ чадъ отецъ,
И сынъ родителя забудешъ,
Слѣша опеческву служишь;
Умрешъ опъ, но потомство будешъ
Героя полубогомъ чинишь.

Менишъ, искусный музыканшъ, берешъ арфу, наспроиваешъ, играешъ, и каждый изъ насъ поешъ въ свою очередь веселую пѣсню. Мы прославляемъ Вакха; описываемъ его шумное

* То есть Діогенъ.

пушешествіе въ Индію, — щасшливыя побѣды, копорыя не стоили челѣвчеству ни капли крови, и осыпали побѣжденныхъ благодѣянїями и новыми для нихъ дарами Природы *.

Вакхъ не терпипъ мрачныхъ взоровъ;
Вакхъ, любитель громкихъ хоровъ,
Радость въ сердце шихо льепъ;
Зависъ, злобу испребляепъ;
Горестъ, скорби умерщвляепъ;
Въ миръ съ добрыми живепъ.

Пойте Вакха, пойте радость;
Пойте щастье, пойте младость —
Вакхъ прекрасный вѣчно юпъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ спрупъ.

Впредь что будепъ, мы не знаемъ —
Что прошло, позабываемъ:
Настоящее для насъ.
Презримъ суешносъ земную,
Важносъ скучную, пусую;
Часъ веселья сладкой часъ.

Пойте Вакха, пойте радость;
Пойте щастье, пойте младость —
Вакхъ прекрасный вѣчно юпъ,
Вакхъ, любитель звонкихъ спрупъ.

Вдругъ передъ глазами нашими поднимаетсѣ занавѣсъ, и мы видимъ на сценѣ девять Музъ **, копорыя ведутъ за руку Амура и при-

* Покоряя себѣ народы, онъ научалъ ихъ сажденію винограда.

** Богачи Греческіе не рѣдко забавляли прїятелей своихъ, за ужиномъ, такими представленїями.

вязывающъ его цвѣтами къ миршовому дереву. Тщешно умоляешъ ихъ маленькой богъ: нѣтъ прощенія! Онъ хочешъ плакашъ, но слезы изъ глазъ его не льются — веселая и коварная улыбка играешъ на розовыхъ устахъ прелестнаго Амура! Въ сію минуту являешся Венера; сходишъ съ колесницы своей, и просишъ Музъ сжалясь надъ божественнымъ малюшкою, и возвратишъ ему свободу; но хитрый Купидонъ смѣешся, ласкаешъ Парнасскихъ богинь, и не хочешъ свободы. Хоръ поешъ:

Я неволенъ,
Но доволенъ,
И желаю плѣннымъ быти.
Милы узы
Ваши, Музы:
Ихъ не тягостно носить.
Что мнѣ въ волѣ?
Я въ неволѣ
Веселъ, щасливъ и блаженъ.
Наслаждаюсь,
Восхищаюсь
И любовью упоенъ.

Музы обнимающъ, цѣлующъ милаго своего плѣнника—и густое облако скрываетъ ихъ.— Скоро видимъ мы другое явленіе. Вдали синѣется и шумитъ море; дикая скала возвышается надъ онымъ. Блѣдная женщина, съ распущенными волосами, съ открытою грудью, съ пламеннымъ взоромъ, приближается къ намъ медленными, тихими шагами. Злапоспрунная

лира въ рукахъ ея. Все умолкаетъ — мы внимаемъ — она играетъ и поетъ:

Почпо, о богъ любви коварный!
Ты грудь мою спрьлой пронзилъ?
Почпо Фаонъ неблагодарный
Меня красой своей плънилъ?

Почпо? — Фаонъ не знаетъ спраспи,
Фаонъ не вѣдаетъ любви,
Ея надъ сердцемъ лютой власпи,
Огня, волненія въ крови!

Когда на юношу взираю,
Мрачнися свѣтъ въ моихъ глазахъ —
Дрожу, томлюся, умираю
Въ воспоргъ, въ пламенныхъ слезахъ *.

Миѣ все прошивно, все поспыло,
Когда сокроеся Фаонъ;
Брожу въ лѣсахъ одна уныло, —
Зрю тьму вездѣ и слышу спонъ.

Жестокій Сафою скучаетъ:
Ему несносенъ взоръ ея.
Жестокій Сафы убѣгаетъ:
Ему несносна жизнь моя!

На что же миѣ вздыхапи, помипься?
Любовь злощасная естъ адъ.
Иду опъ спраспи исцѣлипься
Въ твоихъ пучинахъ, о Левкадъ **!

* Чипашель вспомнипиъ послѣднюю спроту извѣстной Сафиной оды.

** Древніе Греки думали, что несчастные любовники, броса-
ясь въ море съ Левкадской скалы, исцѣляются опъ своей
спраспи; многіе бросались и — погибали.

Пусть жизнь съ любовью прекрашится
Въ шумящихъ пѣнисныхъ волнахъ:
Рѣка забвенія спрунися
Въ блаженныхъ Орковыхъ справахъ *.

Ея питательныя воды
Жаръ груди, сердца прохладяшъ,
И щастье мирныя свободы
Невинной Сафѣ возвращающъ.

Я шамъ жестокаго забуду,
Какъ ушромъ забывающъ сонъ....
О радость!.... я люблю не буду,
Тебя, безжалостный Фаонъ!

Она спѣвши на дикую скалу, и низвер-
гаешся въ морскую пучину. Тихій и печаль-
ный хоръ поешъ:

Погибаешъ!.... погибаетъ!....
Бездна Сафу поглощаетъ!
Лира Сафина въ волнахъ —
Нѣтъ души въ ея спрунахъ!....
Жертва спроси, не порока!
Жертва бѣдственнаго рока!
Даръ небесный, сладкій гласъ,
Ошъ Судьбы шебя не спасъ!

Раздается ударъ грома — и сцена перемѣ-
няешся. Мы видимъ Оракійскія долины и бе-

* Мифологія говоришъ, что въ справахъ Орковыхъ, то есть
въ жилищѣ мертвыхъ, печетъ Лета, *рѣка забвенія*. Ду-
ши умершихъ прежде всего къ ней провождаются — пьюшъ
съ жадностію воду ея, и забывающъ всѣ горести земной жи-
зни. Прекрасная выдумка! и много такихъ найдемъ мы въ
Греческой Мифологіи.

регъ дикаго Спримона; мы слышимъ шумъ рѣ-
ки — но шумъ рѣки умолкаетъ — Орфей, сидя
въ уныніи среди печальныхъ кипарисовъ, игра-
етъ на своей лирѣ. Лавровый вѣнокъ увялъ
на головѣ пѣснопѣвца. Орфей поетъ:

«Могу ли надѣяться, боги мрачнаго Оркуса,
«могу ли надѣяться, что нѣжная лира моя про-
«нешъ еще ваше хладное сердце; что вы, без-
«смертныя Силы, вѣпорично возвратите мнѣ
«Эвридику, милую Эвридику?»

«Ядовитое жало змѣи прекратило юную,
«весеннюю жизнь ея. Несчастный Орфей лилъ
«слезы день и ночь, скипался въ лѣсахъ и
«пустыняхъ, одинъ съ своею горестію, одинъ
«съ своею лирою, томною и печальною. Ея
«унылые звуки были опзывомъ моего уны-
«лаго сердца.»

«Но скорбь моя не облегчалась; время не мо-
«гло ушлишь ее. Гонимый поскою, я нисшелъ
«въ мрачное царство грознаго Плутона; про-
«шелъ густые, темныя лѣса, гдѣ вѣчный ужасъ
«обитаешь; приблизился къ вратамъ ада, къ
«жилищу оныхъ спрашныхъ боговъ, копорыхъ
«никогда моленіе смертныхъ не смягчало....
«Звуки лиры моей раздались въ глубочайшихъ
«пещерахъ Тарпара, и блѣдныя пѣни изуми-
«лись. Зміевласыя Фуріи внимали, и чувство-
«вали сладость гармоніи; умолкъ презвѣный
«Церберъ, и колесо Иксионово остановилось.»

«Смягчились жестокіе владыки ада, и воз-
«вратили мнѣ любезную. О восторгъ! о бла-
«женство! торжество любви и гармоніи! — Но

«гласъ Судьбы изрекъ: страшишь въ предѣлахъ
«Тартара воззрѣть на прекрасную: ты снова
«лишишься ея, и на вѣки! — Уже приближа-
«лись мы къ спранамъ свѣта, къ обителемъ
«земнородныхъ; уже грозный лай адскаго спра-
«жа едва, едва достигалъ изъ отдаленія до
«нашего слуха.... о боги! внезапное движеніе
«сердца возмутило кровь мою — изреченіе Судь-
«бы зашѣмилось въ умѣ моемъ — я обратилъ
«взоръ на Эвридику!.... увы!.... Эвридика ис-
«чезла, подобно легкому, воздушному мешео-
«ру.... Тщешно я спремился за нею, тщешно
«призывалъ любезнѣйшую! Она скрылась, съ
«блещущею слезою, съ умильнымъ взглядомъ —
«уста ея не произнесли ни упрека, ни жалобы
«на ея злощаснаго убійцу!.... Ахъ! любовь,
«любовь была моимъ пресупленіемъ! — Вереи
«ада спрашно заскрыпили, и врапа желѣзныя
«зашворились.»

«Могу ли надѣяться, боги мрачнаго Оркуса,
«могу ли надѣяться, что нѣжная лира моя про-
«нешъ еще ваше хладное сердце; что вы, без-
«смертныя Силы, вторично возвратите мнѣ
«Эвридику, милую Эвридику?»

«Нѣтъ! законъ Судьбы вѣченъ; завѣтъ Тар-
«тара подобенъ діаманту неплѣнному; уснавъ
«вышнихъ Силъ не премѣняется! — Я возвра-
«тился на печальную землю; поскую непре-
«снано! Уже слезы изъ глазъ моихъ не льют-
«ся; лира не улаживаетъ сердца. Нѣтъ для
«меня радостей въ жизни! Имя любви ужасно
«моему слуху! — Боги, адскіе боги! во мракъ

«Таршара соедините Орфея съ Эвридикою!»

Гласъ пѣвца прерывается. Мы слышимъ опять шумъ рѣки — и неспройные звуки мусикійскихъ орудій. Изсупленные жрицы Вакховы какъ Фуріи спремаша къ Орфею, съ *тирсами* * и съ пламенниками, и восклицая: *эвое! эвое* **! окружающъ печальнаго. Тщешно думаешъ онъ спасхисъ отъ ихъ свирѣпыхъ восторговъ! злобныя мучашъ, шерзающъ его, и наконецъ увлекающъ съ собою ***. Невидимый хоръ поешъ:

Нимфы, плачьте! пѣтъ Орфея!

Вѣшрѣ унылый, шихо вѣя,

Намъ вѣщаешъ: *нѣтъ его!*

Яросшь Фурій изсупленныхъ,

Гнусной спрасшью воспаленныхъ,

Прекрапила жизнь того,

Кто плѣнялъ своей игрою

Кровожаждущихъ звѣрей,

Гармонической спруною

Трогалъ сердце люшыхъ Грей,

И для нѣжной Эвридики

Въ Таршарѣ мрачный нисходилъ.

Ахъ спешайте! — Берегъ дикій

* Копья Вакханокъ.

** Обыкновенныя восклицанія Вакховыхъ жрицъ.

*** Оракійскія женщины, какъ повѣспивующъ Мнѣологисшы, растерзали Орфея за то, что онъ, соблюдая вѣрность къ незабвенной Эвридикѣ своей, былъ нечувствителенъ къ любви, и не хотѣлъ удовлетворять ихъ сладострастнымъ вожделѣніямъ. — Платонъ говоритъ не то, по ненависти своей къ Поэтамъ; но мы не хотимъ вѣрить Платону.

Прахъ его въ себя вмѣспилъ.
Сиропѣющая лира
Опѣ дыханія зефира
Звукъ печальный издаетъ:
Нѣтъ Пѣвца! Орфѣя нѣтъ!
Эхо повторяетъ: *нѣтъ!*
Надъ могилою священной,
Мягкимъ дерномъ покровенной,
Филомела слезы льетъ.

Легкое облако задумчивости осѣнило пирующихъ. Чаши, розами оплещенныя, стояли передъ нами неподвижно. Молчаніе царствовало. Наконецъ крошкѣй Филоклесъ перервалъ оное: «Что есть жизнь наша?» сказалъ юноша съ тихимъ вздохомъ: «мечта тѣни, какъ говоришь «Пиндаръ; темное, печальное сновидѣніе, короткое, исчезая въ пространствахъ ничтожества, оставляетъ горестную слезу въ окѣ спящаго.» — «Нѣтъ, будемъ чувствительны, но будемъ и благодарны!» отвѣчаетъ ему мудрый Аристъ: жизнь есть благій даръ боговъ, милоспивыхъ и любезныхъ. Горестъ соединена съ нею, но горестъ имѣетъ свою опраду. «Сія опрада, крошкѣй свѣтъ души, бываетъ мила сердцу. Не всегда лучезарный Фебъ сіяетъ на небѣ; но и тихая, ночная лампада имѣетъ красоту свою. Горестъ соединена съ жизнью; но самая горестъ приготавливаетъ сердце наше къ нѣжному чувству удовольствій. Печаленъ видъ Природы, когда гремятъ громаы и шумный дождь лѣется изъ облаковъ рѣками; но подъ кровомъ сей глубокой тѣмы

«оживляюща въ земныхъ нѣдрахъ сѣмена пло-
«дотворныя. Мракъ исчезнетъ: фіалка и ли-
«лія расцвѣтутъ на зеленыхъ лугахъ благо-
«словенной Ашшики..... Часто лучъ веселія
«меркнетъ въ душѣ смертнаго: спрашная
«ночь остѣняетъ ее; слабый унываетъ; сердце
«его поскуеетъ... Утѣшься, спрадалецъ! Обра-
«ти взоръ свой на восточное небо: тамъ бѣ-
«лѣется уже юный день, тамъ скоро новый
«лучъ возсіяетъ, и утренній пѣвецъ воспаритъ
«къ небесамъ надъ тобою? — Друзья! будемъ
«чувствительны, но будемъ и благодарны!
«Всемогущіе боги вліяли много радостей въ
«чашу жизни нашей. Кто безъ душевнаго ве-
«селія можетъ взирать на сапфиръ неба, гдѣ
«пылаетъ великолѣпное солнце, гдѣ сверкаютъ
«милліоны звѣздъ блестящихъ, гдѣ ясная луна
«смирненно красуется въ тихомъ своемъ пече-
«ніи? Кто безъ сладкаго чувства можетъ всту-
«пить во святилище пальмовой роши, чтобы
«подъ шумящими листьями укрываясь отъ
«зноя, на мягкой муравѣ ожидаешь къ себѣ лю-
«безнаго Агашона или прелестной Лидіи, и
«бесѣдуешь съ ними о милыхъ сокровенно-
«стяхъ сердца или предаешься восторгамъ
«нѣжной любви? Когда же на размаринной
«вѣтви, въ минушы вечернія, поетъ соловей;
«когда невидимыя Нимфы по лугамъ гуляютъ,
«и нѣжными руками своими обновляютъ на
«нихъ красоты цвѣтовъ и травъ, поблек-
«шихъ отъ дневнаго жара; когда въ сладост-
«номъ вѣяніи зефира вся Природа объявляетъ

«намъ, кажется, любовь свою и призываетъ къ
«сердечному наслажденію — ахъ! можешь ли чело-
«вѣкъ жаловаться тогда на участь свою?— Фи-
«локлесъ! я понимаю томный взглядъ твой.
«Кришонъ! я разумью крошкѣй вздохъ твоего
«сердца. Меандръ! блестящая слеза твоя не
«скрылась отъ глазъ моихъ. Вы вкусили го-
«рестъ жизни. Филоклесъ! ты лишился свое-
«го Агафона, незабвеннаго, добродѣтельнаго.
«Кришонъ! ты потерялъ свою Лидію, прекра-
«сную, чувствительную. Слезы ваши ороша-
«ютъ кипарисъ и хладную гробницу; но — са-
«мая слезы служатъ вамъ утѣшеніемъ. Мысль
«о любезныхъ питаетъ душу; память любви
«ихъ есть цѣлебный бальзамъ для вашего
«сердца. Тамъ, гдѣ спенаетъ горлица; тамъ,
«гдѣ съшеуется Филомела; гдѣ анемонъ съ гіа-
«циномъ напоминаютъ намъ безвременное увя-
«даніе цвѣтущей юности — тамъ духъ вашъ
«сладостно погружится въ самого себя, и нѣ-
«жно обнимется съ милою тѣнію. — Меандръ!
«ты любилъ; но любовь твою презирала же-
«стокая!.... Ободришь, юноша! Время, рассу-
«докъ, Философія, тебя успокоятъ. Священная
«дружба согрѣетъ твое сердце. Ты можешь
«еще пользоваться жизнью, и благословлять
«ея пріятности.»

«Друзья сограждане! мы весело провели сей
«вечеръ: мы были щастливы. Да будетъ та-
«ковъ вечеръ жизни нашей — и съ тихой улыб-
«кою подадимъ руку Майну сыну, провождаю-
«щему смертныхъ въ свѣтлыя поля Елисейскія!»

Электрическій огонь любви разливается въ сердцахъ нашихъ. Мы всѣ клянемся жить и умереть друзьями боговъ и человѣковъ.

Тутъ спѣшаютъ къ намъ хороводы юныхъ красавицъ: однѣ играють на флейсахъ; другія, наученныя Терпсихорою, прельщаютъ глаза искусными плѣтсодвиженіями и призываютъ насъ къ пляскѣ. Крошкая радость усну-паетъ мѣсто шумной. Нимфы приводятъ въ волненіе кровь нашу своими взглядами.... О чудо! я вижу суроваго Діогена, верпящагося съ рѣзвою Дафною, и важнаго Ликоса, хвали-теля спротивныхъ Ликурговыхъ законовъ, вижу — у ногъ смѣющейся Феаны! — Но мнѣ ли открывать тайны Элевзинскія? Угрюмый Гарпократъ кладетъ палецъ на уста мои — и темная ночь одѣваетъ насъ покровомъ своимъ.

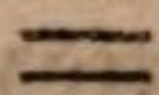
=

О друзья! все проходитъ, все исчезаетъ! Гдѣ Аѳины? Гдѣ жилище Гиппиево? Гдѣ храмъ наслажденія? Гдѣ моя Греческая мансія? — Мечта! мечта! Я сижу одинъ въ сельскомъ кабинетѣ своемъ, въ худомъ шлафроктѣ, и не вижу передъ собою ничего, кромѣ догорающей свѣчки, измараннаго листа бумаги и Гамбургскихъ газетъ, копорыя завтра поутру (а не

прежде: ибо я хочу спать нынѣшнюю ночь
покойнымъ сномъ) извѣспяшъ меня объ ужа-
сномъ безумствѣ нашихъ просвѣщенныхъ со-
временниковъ.

г. 1793.

МЕЛОДОРЪ КЪ ФИЛАЛЕТУ.

Гдѣ ты, любезный Филалетъ? Въ какомъ уединеніи скрываешься? Какіе предметы занимають душу твою? Чѣмъ питается твое сердце? Что дѣлаешь тебѣ жизнь пріятною? — И думаешь ли нынѣ о своемъ Мелодорѣ?

Ахъ! гдѣ ты? Сердце мое тебя проситъ, требуетъ. Оно помнитъ любезные твои взоры, сладкой голосъ, и нѣжныя, чувствомъ согрѣваемые обѣщанія, въ которыхъ жизнь бывала ему вдвое милѣе — помнитъ, и велишь глазамъ моимъ искать тебя — велишь рукамъ моимъ къ тебѣ просшираться!

Океанъ шумѣлъ между нами: теперь мы въ одной землѣ — и не вмѣстѣ! — Скажи слово, и Мелодоръ лепишь къ тебѣ! — Въ ожиданіи сей минуты буду хоща писать къ любезнѣйшему изъ друзей моихъ.

Пяшь лѣтъ мы не видались: сколько времени? Сколько переменъ въ свѣтѣ — и въ сердцахъ нашихъ?.... Тысячи мыслей волнуются въ душѣ моей. Я хощѣлъ бы вдругъ перелишь ихъ въ твою душу, безъ помощи словъ, которыхъ искать надобно: хощѣлъ бы открышь тебѣ грудь мою, чпобъ ты собственными глазами могъ чипашъ въ ней сокровенную исто-

рію друга пвого, и видѣшь — прости мнѣ смѣлое выраженіе — видѣшь всѣ развалины надеждъ и замысловъ, надъ копорыми въ тихіе часы ночи съшуешь нынѣ духъ мой, подобно спраннику, воздыхающему на развалинахъ Иліона, сповратныхъ Оивъ или великолѣпнаго Греческаго храма, когда блѣдный свѣтъ луны освѣщаетъ ихъ!

Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравспвенномъ мірѣ, ловили въ Исторіи всѣ благородныя черпшы души человѣческой, пишали въ груди своей эфирное пламя любви, копорого вѣянiе возносило насъ къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: *человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердце!* Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что родъ *человѣческой* возвышается, и хотя медленно, хотя неровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству. Ахъ! съ какою нѣжностью обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣшей небеснаго Ошца! — Радость сіяла на лицахъ нашихъ — и свѣтлой ручеекъ, и зеленая травка, и алой цвѣточикъ, и поющая пшичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ копоромъ зрѣешь божеспвенность *человѣчества*.

Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка: свѣтъ Философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства,

размноженіе жизненныхъ удовольствій, всеобщее распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, крошечка Правленій, и пр. и пр.? — Хотя и являлись еще нѣкоторыя черныя облака на горизонтѣ человѣчества; но свѣтлый лучъ надежды зашилъ уже края оныхъ предъ нашимъ взоромъ — надежды; «все исчезнетъ, «и царство общей мудрости насъпанетъ, рано «или поздно насъпанетъ — и блаженъ тотъ «изъ смертныхъ, кто въ краткое время жизни «своей успѣлъ разсѣять хотя одно мрачное заблужденіе ума человеческого, успѣлъ хотя «однимъ шагомъ приблизить людей къ истинѣ «никуда всѣхъ истинъ, успѣлъ хотя единое плодородное зерно добродѣтели вложить рукою «любви въ сердце чувствительныхъ, и такимъ «образомъ ускорить ходъ всемірнаго совершенія!»

Конецъ нашего вѣка почиали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностью; что люди, увѣрившись нравственнымъ образомъ въ истинность законовъ высшаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, наслаждаясь истинными благами жизни.

О Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система?.... Она разрушилась въ своемъ основаніи!

Осьмойнадесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра? — Осьмойнадесять вѣкъ кончается, и несчастный филантропъ * мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, расперзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки!

Кто могъ думать, ожидать, предчувствовать!.... Мы надѣялись скоро видѣть человечество на горней степені величія, въ вѣнцѣ славы, въ лучезарномъ сіяніи, подобно Ангелу Божію, когда онъ, по священнымъ сказаніямъ, являлся очамъ добрыхъ, — съ небесною улыбкою, съ мирнымъ благовѣстіемъ! — Но вмѣсто сего восхищительнаго явленія видимъ... Фурий съ грозными пламенниками!

Гдѣ люди, копорыхъ мы любили? Гдѣ плодъ Наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе крошкихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастья? — Вѣкъ просвѣщенія! я не узнаю тебя — въ крови и пламени не узнаю тебя — среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!... Небесная красота прельщала взоръ мой, восплаляла мое сердце нѣжнѣйшею любовію; въ сладкомъ упоеніи спремился къ ней духъ мой; но — небесная красота исчезла — змѣи шипятъ на ея мѣстѣ! — Какое превращеніе!

Свирѣпая война опустошаетъ Европу, столицу Искусствъ и Наукъ, хранилище всѣхъ драгоценностей ума человеческого; драгоценностей, собранныхъ вѣками; драгоценностей, на

* То есть, другъ людей.

кошорыхъ основывались всѣ планы мудрыхъ и добрыхъ!—И не только милліоны погибають; не только города и села исчезаютъ въ пламени; не только благословенныя, цвѣщущія сѣрны (гдѣ щедрая Натура опъ начала міра изливала изъ полной чаши лучшіе дары свои) въ горестныя пустыни превращающіяся — сего не довольно: я вижу еще другое, ужаснѣйшее зло для бѣднаго человѣчества.

Мизософы * торжествуютъ: «Вопъ плоды вашего просвѣщенія! говорятъ они: вопъ плоды вашихъ Наукъ, вашей мудрости! Гдѣ воспылалъ огонь раздора, мяшежа и злобы? Гдѣ первая кровь обагрила землю? и за что?.... И откуда взялись сіи пагубныя идеи?.... Да погибнетъ же ваша Философія!....»—И бѣдный, лишенный опечесства, и бѣдный, лишенный крова, и бѣдный, лишенный отца, или сына, или друга, повторяетъ: *да погибнетъ!* И доброе сердце, раздираемое зрѣлищемъ людскихъ бѣдствій, въ горести своей повторяетъ: *да погибнетъ!* — А сіи восклицанія могутъ соспавить наконецъ общее мнѣніе: вообрази же слѣдствія!

Кровопротіе не можетъ быть вѣчно: я увѣренъ. Рука, сѣкущая мечемъ, упомишя; сѣра и селифра истощающя въ нѣдрахъ земли, и громы умолкнутъ; пишина рано или поздно настанетъ — но какова будетъ пишина сія? Естли мершвая, хладная, мрачная?

Такъ, мой другъ, паденіе Наукъ кажется мнѣ

* Непависшники Наукъ.

не только возможнымъ, но и вѣроятнымъ; не только вѣроятнымъ, но даже неминуемымъ, даже близкимъ. Когда же падуть онѣ... когда ихъ великолѣпное зданіе разрушится, благодѣтельные лампы угаснутъ — что будетъ? Я ужасаюсь, и чувствую прелесть въ сердцѣ! — Положимъ, что нѣкоторыя искры и спасутся подъ пепломъ; положимъ, что нѣкоторые люди и найдутъ ихъ, и освѣщая ими шихія, уединенныя свои хижины: но что же будетъ съ міромъ, съ цѣлымъ человѣческимъ родомъ? Ахъ, мой другъ! для добрыхъ сердецъ нѣтъ счастья, когда они не могутъ дѣлать его съ другими. Истинный мудрецъ благословляетъ мудрость свою для того, что можетъ сообщать оную ближнимъ; иначе — смѣю сказать — будетъ она бременемъ для его человѣколюбивой души. Александръ не принялъ сосуда съ водою, и не хотѣлъ утолять жажды своей тогда, когда все воинство его помилось; въ сію минуту былъ онъ подлинно Великимъ Александромъ! Такія движенія неизвѣстны эгоистамъ; за то первый врагъ истинной Философіи есть эгоизмъ.

Сверхъ того внимательный наблюдатель видитъ теперь повсюду отверстыя гробы для *нужной нравственности*. Сердца ожесточаются ужасными происшествіями, и привыкая къ феноменамъ злодѣяній, теряютъ чувствительность. Я закрываю лице свое!

Ахъ, другъ мой! уже ли родъ человѣческой доходилъ въ наше время до крайней степени

возможнаго просвѣщенія, и долженъ, дѣйствіемъ какого нибудь чуднаго и тайнаго закона, ниспадать съ сей вышины, чтобы снова погрузиться въ варварство и снова мало по малу, выходишь изъ онаго, подобно Сизифову камню, который, будучи взнесенъ на верхъ горы, собственною своею тяжестью скашивается внизъ, и опять рукою вѣчнаго пруженика на гору возносятся? — Горестная мысль! печальный образъ!

Теперь мнѣ кажется, будто самыя льстивыя доказывающія *вѣроятность* сего мнѣнія. Намъ едва извѣстны имена древнихъ Азіатскихъ народовъ и царствъ; но по нѣкоторымъ историческимъ опривкамъ, до насъ дошедшимъ, можно думать, что сіи народы были не варвары; что они имѣли свои Искусства, свои Науки: кто знаетъ тогдашніе успѣхи разума человеческого? Царства разрушались, народы исчезали; изъ праха ихъ, подобно какъ изъ праха фениксова, рождались новыя племена, рождались въ сумракѣ, въ мерцаніи, младенчествовали, учились и — славились. Можешь бышь эоны погрузились въ вѣчность, и нѣсколько разъ сіялъ день въ умахъ людей, и нѣсколько разъ ночь шемнила души, прежде нежели возсіялъ Египетъ, съ котораго начинается полная Исторія. Библіотека Озимандіасова была конечно не первая въ мірѣ; была вѣрно не что иное, какъ спасенный оспашокъ древнѣйшихъ библиотекъ.

Египетское просвѣщеніе соединяется съ Гре-

ческимъ: первое оставило намъ однѣ развалины, но великолѣпныя, краснорѣчивыя развалины; картина Греціи жива передъ нами. Тамъ все прельщаетъ зрѣніе, душу, сердце; тамъ красуются Ликурги и Солоны, Кодры и Леониды, Сократы и Платоны, Гомеры и Софоклы, Фидіи и Зевксисы — однимъ словомъ, тамъ должно дивиться упоиченнымъ дѣйствіямъ разума и нравственности. Римляне учились въ сей великой школѣ, и были достойны своихъ учителей.

Что жъ послѣдовало за сею блестящею эпохою человѣчества? Варварство многихъ вѣковъ, варварство ума и нравовъ — эпоха мрачная — сцена, покрытая чернымъ флеромъ для глазъ чувствительнаго философа!

Медленно рѣдѣла, медленно прояснялась сія густая тѣма. Наконецъ солнце Наукъ возсіяло, и Философія изумила насъ быспрыми своими успѣхами. Добрые, легковѣрные человѣколюбцы заключали опъ успѣховъ къ успѣхамъ; исчисляли, измѣряли пушь ума; напрягали взоръ свой — видѣли близкую цѣль совершенства, и въ радостномъ упоеніи восклицали: *берегъ!...* Но вдругъ небо дымишся, и судьба человѣчества скрывается въ грозныхъ шумахъ! — О попомство! какая участь ожидаетъ тебя?

Еслили опять возвратишся на землю третій и четвертый-надесять вѣкъ?... Мы конечно не доживемъ до сего; но можемъ ли умирать покойно? И что надпишемъ надъ гроба-

ми своими? Развѣ скажемъ съ Сарданапаломъ: *Прохожій! услаждай свои чувства; все прочее ничто *!* — О мой другъ!

Печальныя сомнѣнія волнуютъ мою душу, и шумной городъ, въ которомъ живу, кажешся мнѣ пустынею. Вижу людей; но взоръ мой не находишь сердца въ ихъ взорахъ. Слышу разсужденія, и опускаю глаза въ землю. — Говорю, но въперъ разносишь слова мои... мертвое эхо повворяешь ихъ!

Иногда несносная грусть тѣснитъ мое сердце; иногда упадаю на колѣни, и проспираю руки свои — къ Невидимому.... Нѣтъ ошвѣта! — Голова моя клонится къ сердцу.

Самая Природа не веселишь меня. Она лишилась вѣнца своего въ глазахъ моихъ, съ того времени, какъ не могу уже въ ея объятіяхъ мечтать о близкомъ щастіи людей; съ того времени, какъ удалась отъ меня радостная мысль о ихъ совершенствѣ, о царствѣ истины и добродѣтели; съ того времени, какъ я не знаю, что мнѣ думать о феноменахъ нравственнаго міра, чего ожидать и надѣяться!

Вѣчное движеніе въ одномъ кругу; вѣчное повтореніе, вѣчная смѣна дня съ ночью и ночи со днемъ; вѣчное смѣшеніе истинъ съ заблужденіями, и добродѣтелей съ пороками; капля радостныхъ и море горестныхъ слезъ.... мой другъ! начпо жишь мнѣ, тебѣ и всѣмъ? Начпо

* Квинтъ-Курцій пишетъ, что Александръ Великій нашелъ гробъ Сарданапаловъ съ сею надписью.

жили предки наши? Начто будешъ жить потомство?

Суди о хаосъ души моей, который представляешь мнѣ все твореніе въ безпорядкѣ! Смотрю на восходящее солнце, и спрашиваю: почто восходишь? Спою подъ сѣнію шумящаго дуба, и спрашиваю: почто шумишь? — Теперь все существуешь для меня безъ цѣли.

Вообрази себѣ человѣка, заснувшаго сладкимъ сномъ въ шихомъ своемъ кабинетѣ, подлѣ нѣжной супруги, среди милыхъ дѣшей, и вдругъ, очарованіемъ какихъ нибудь злыхъ волшебниковъ, пренесеннаго на степь Африканскую — удары грома пробуждаютъ его — несчастный открываетъ глаза, видитъ ночь и пустыню вокругъ себя — изумляется — думаетъ, и не понимаетъ, гдѣ онъ, и что съ нимъ случилось — слышитъ вездѣ ревъ звѣрей, и не знаетъ, куда идти.... Гдѣ мирное жилище его? гдѣ нѣжная супруга? гдѣ милыя дѣти?... Нѣтъ души! нѣтъ спасенія!... Онъ перзается, проливаетъ слезы, и уснаряетъ взоръ на небо; но небо покрыто тьмою, небо грозно! — Состояніе сего человѣка нѣкоторымъ образомъ подобно моему.

Дружба, священная, любезная дружба! въ твои объятія изливаетъ сердце мое — сердце, жестоко уязвленное — горестныя свои чувства. Оживи его благошворнымъ своимъ бальзамомъ; улади нѣжнымъ состраданіемъ!

Филалетъ! ты вмѣстѣ со мною веселился некогда жизнию, Природою, человѣче-

спвомъ; шеперь скорби со мною, или ушѣшь
меня!

Духъ мой уныль, слабъ и печалень; но я
достоинъ еще дружбы швоей, ибо я—люблю
еще добродѣшель! — Вопъ черша, по копорой
пы всегда узнаешь Мелодора; узнаешь и въ
бурю и въ грозу, и на краю могилы!

ФИЛАЛЕТЪ КЪ МЕЛОДОРУ.

Мелодоръ! слезы капились изъ глазъ моихъ, когда я читалъ любезное письмо твое. Давно уже такія сладкія чувства не посѣщали моего сердца. Благодарю тебя! Самая неразрывная дружба есть та, которая начинается въ юности — неразрывная и пріятнѣйшая. Она сливается въ чувствительной системѣ нашей со всѣми плѣнительными воспоминаніями весеннихъ лѣтъ, сего краснаго утра жизни, лучшей эпохи нравственнаго бытія. Два добрыхъ сердца, привыкшія любить другъ друга, находящъ въ сей любви источникъ нѣжнѣйшихъ удовольствій и добродѣтельнѣйшихъ радостей. Ахъ, мой другъ! можешь ли сомнѣваться въ постоянствѣ своего Филалета? Вездѣ, гдѣ ни былъ я, — и въ жаркихъ и въ холодныхъ Зонахъ — вездѣ образъ твой путешествовалъ со мною, освѣжалъ томнаго странника подъ огненнымъ небомъ Линіи, и согревалъ его въ предѣлахъ льдиспаго Полюса. Наконецъ я въ опечесствѣ, и не съ побою? но мнѣ сказали, что ты уѣхалъ въ чужія земли. Къ щасію сіе извѣстіе, огорчившее меня, было несправедливо. Мелодоръ въ одной странѣ съ Филалетомъ!.... Спѣши, спѣши къ своему другу!

Въ сельскихъ куцахъ ожидаю тебя — тамъ, гдѣ нѣкогда съ улыбкою встрѣчали мы весну, съ грустію провожали лѣто; гдѣ заключился навѣки союзъ душъ нашихъ.

Мой другъ! письмо твое ознаменовано печатію меланхоліи. Ты безпокоенъ, ты печаленъ; сердце твое спрадаешъ, милыя надежды твои исчезли; ты ищешь на театръ міра — и не находишь тѣхъ благородныхъ существъ, тѣхъ людей, копорыхъ нѣкогда любили мы съ такимъ жаромъ. Однимъ словомъ, новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ!

Мелодоръ! я не надѣюсь утѣшить тебя совершенно, не надѣюсь сказать тебѣ ничего новаго; но любовь имѣетъ особливую силу, и всяко даръ любви всякое слово любви производитъ благое дѣйствіе. Часно самая просная мысль, согрѣтая огнемъ дружбы, бываетъ яркимъ лучемъ свѣта, разсѣвающимъ густую хладную тьму сердца нашего.

Подобно тебѣ смогрю я внимательнымъ окомъ на всѣ явленія въ мірѣ; вздыхаю, подобно тебѣ, о бѣдствіяхъ человѣчества, и признаюсь искренно, что грозныя бури нашихъ временъ могутъ поколебать систему всякаго добродушнаго Философа.

Но не уже ли, другъ мой, не найдемъ мы никакого успокоенія во глубинѣ сердецъ нашихъ?

Ужели, въ опчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, Природу и человѣчество? Ужели опкажемся навѣки опъ своего разума, и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? — Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны. Сердце мое опвергаетъ ихъ, и, сквозь густоту ночи, спремится къ благошворному свѣту, подобно мореплавателю, копорый въ гибельный часъ кораблекрушенія — въ часъ, когда всѣ спихи угрожаютъ ему смертію — не теряетъ надежды, сражается съ волнами, и хвапается рукою за плывущую доску.

Такъ, Мелодоръ! я хочу спастись опъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, копорое соспавляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смершоносными громами, и улыбка моя, среди всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: *Ты благо и премудро; благо твореніе руки Твоей; благо сердце человеческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной!*

Уничпожься навѣки мысленная и чувспвишальная сила моя, прежде нежели повѣрю, что сей міръ есть пещера разбойниковъ и злодѣевъ, добродѣшель — чуждое распѣніе на земномъ шарѣ, просвѣщеніе — оспрый кинжалъ въ рукахъ убійцы! Нѣтъ, мой другъ! пусть докажутъ мнѣ напередъ, что Богъ не сущеспвуетъ; что Провидѣніе есть одно слово безъ значенія; что мы дѣши случая, слѣпленіе ашомовъ, и болѣе ничего! Но гдѣ же тогда

безумный извергъ, который захошѣлъ бы увѣришь меня въ сихъ спрашныхъ нелѣпостяхъ? Я взгляну на сафирное небо, взгляну на цвѣщую землю, положу руку на сердце, и скажу атеисту: ты безумецъ!

Неужели, видя Бога въ естественномъ мірѣ, видя руку Его въ теченіи планетъ, въ порядкахъ солнечныхъ, въ перемѣнѣ годовыхъ временъ и во всѣхъ физическихъ явленіяхъ нашей земной обители, будемъ мы отрицать Его содѣйствіе въ одномъ нравственномъ мірѣ, который по существу своему долженъ быть, если мы смѣемъ сказать, ближе перваго къ сердцу великаго Божества? Соглашаюсь, что порядокъ нравственный не столь ясенъ для насъ, какъ порядокъ физическій; но сіе затрудненіе не происходитъ ли отъ слабости нашего разума? Можемъ ли мы быть единственно отъ того, что мы и не постигаемъ нравственной гармоніи, что она есть высочайшая, совершеннѣйшая. Дай несвѣдущему творенію Локковы: что онъ скажетъ объ нихъ? Дай ему сказку Кребилль-онову: онъ восхищется ею. Последняя хороша въ своемъ родѣ; но въ ней ли наиболѣе удивляетъ насъ умъ человѣческій? — Можемъ ли мы, что кажется смертному великимъ неустройствомъ, есть чудесное согласіе для Ангеловъ; можемъ ли мы, что кажется намъ разрушеніемъ, есть для ихъ небесныхъ очей новое, совершеннѣйшее бытіе. Сии мысли ведутъ меня ко святилищу Божественной премудрости, густымъ мракомъ окруженному;

духъ мой, бренною плошію одѣянный, не можешь проникнуть въ оное; упадаю во прахъ своего ничтожества, и въ младенческомъ сердцѣ обожаю Всевворящаго.

Скажи, мой другъ, скажи, чего бы не лѣзя было ожидать отъ Всевышняго и тогда, когда бѣ рука Его возжгла только единое солнце на голубомъ небесномъ сводѣ? Но тамъ горятъ ихъ билліоны. Тотъ, кто великолѣпно прославилъ Себя въ Натурѣ, великолѣпно прославитъ Себя и въ человѣчествѣ. — Не будемъ требовать отъ вѣчной Премудрости отчета въ темныхъ пучкахъ Ея; не будемъ требовать того для собственнаго нашего спокойствія! — Знаешь ли, что всего болѣе плѣняетъ меня въ дружбѣ? Довѣренность, которую два сердца имѣютъ одно къ другому. Пусть гнусное злословіе всѣми спрѣлами своими язвитъ отдаленнаго Писіаса: Дамонъ внимаетъ клеветѣ и съ презрѣніемъ отвергаетъ ее *. *Итъ!* я знаю моего друга; гдѣ бы онъ ни былъ, добротель вездѣ съ нимъ; что бы онъ ни сдѣлалъ, дѣло его не преступленіе. Мелодоръ! для чего къ Провидѣнію не имѣшь намъ той довѣренности, которую два человека могутъ имѣть одинъ къ другому? Богъ вложилъ чувство въ наше сердце; Богъ вселилъ въ мою и въ твою душу ненависть ко злѣ, любовь къ добродѣтели: сей Богъ конечно обратитъ все къ цѣли общаго блага.

* Дамонъ и Писіасъ — славные друзья въ древности.

Сія драгоцѣнная вѣра можешъ чудеснымъ образомъ успокоить доброе сердце, возмущенное страшными феноменами на театрѣ міра. Вкуси сладость ея, мой любезный другъ, и лучъ утѣшенія крошко озаритъ мракъ души твоей! — Горе той философїи, которая все рѣшивъ хочешъ! Теряясь въ лабиринтъ неизъяснимыхъ запрудненій, она можешъ довести насъ до опчаянія, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ естественнo-доброѣ сердце наше. Иногда, признаюсь тебѣ, я самъ бываю слабъ и печаленъ; опшрацаюсь опъ свѣта, опъ людей, и говорю съ Грессеномъ:

Je suis mal où je suis, et je veux être bien;

душа моя спремилъся во мракъ какихъ нибудь неизвѣстныхъ лѣсовъ, во мракъ — самаго ничтожества; но я стараюсь уменьшать число такихъ минутъ въ жизни моей, оживляя въ душѣ мысль о всепворящемъ Божествѣ, Которое не есть Божество Лукреціево, не есть Божество Эпикурово. «Развѣ Оно не любитъ человека!» думаю самъ въ себѣ: «развѣ Оно не печется о судьбѣ людей? Развѣ міръ нашъ не въ Его рукъ вмѣстѣ съ милліонами другихъ міровъ?.....» Думаю, взираю на сводъ лазоревый; возношусь духомъ выше, выше — и взоръ мой проясняется; опираю слезы — и мирюсь съ судьбою, мирюсь съ человѣческимъ родомъ. Иду въ тихій кабинетъ свой, чишаю добрыхъ философовъ, утѣшителей; размышляю — и

Томъ VII.

5

сравниваю жестокія потрясенія въ нравственномъ мірѣ съ Лиссабонскимъ или Мессинскимъ землетрясеніемъ, которое свирѣпствовало, разрушало и наконецъ утихло; на берегахъ Тага снова возвышается великолѣпный городъ — и обитатели Мессины снова наслаждаются мирною жизнью.

Будемъ, мой другъ, будемъ и нынѣ утѣшаться мыслию, что жребій рода человѣческаго не есть вѣчное заблужденіе, и что люди когда нибудь перестанутъ мучить самихъ себя и другъ друга. Сѣмя добра есть въ человѣческомъ сердцѣ, и не исчезнетъ вѣки; рука Провидѣнія хранитъ его отъ хлада и бурь. Теперь свирѣпствуютъ Аквилоны; но рано или поздно настанетъ благодѣтельная весна, и сѣмя распушится отъ живошворнаго дыханія зефировъ.

Вѣрю, и всегда буду вѣрить, что добродѣтель свойственна человѣку, и что онъ совершенъ для добродѣтели. Кто не плѣняется описаніемъ злашаго вѣка, вѣка невинности? Кто не проливаетъ слезъ умиленія, внимая повѣствованію о дѣлахъ великодушія и геройства? Кто не любитъ воображать себя добрымъ, благодѣтельнымъ существомъ? Мой другъ! я былъ среди такъ называемыхъ просвѣщенныхъ народовъ, былъ среди народовъ дикихъ, и видѣлъ, что вездѣ, во всѣхъ сферахъ человѣкъ дѣлаетъ зло съ пасмурнымъ лицомъ, а добро съ пріятною улыбкою!.... Сія черта нравственности любезна философу.

Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишно величали осьмой-надесять вѣкъ, и слишкомъ много ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена; что природа человѣческая болѣе усовершенствуется — на примѣръ, въ девятнадцатомъ вѣкѣ — нравственность болѣе исправится — разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устройство мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ къ добру будущему.

Что принадлежитъ до Мизософовъ, мой другъ, то они никогда, никогда поржесствовашь не будутъ. Знаю, что распространеніе нѣкопрыхъ ложныхъ идей надѣлало много зла въ наше время; но развѣ просвѣщеніе тому виною? Развѣ науки не служатъ напрошивъ того средствомъ къ открытію истины и къ разсѣянію заблужденій, пагубныхъ для нашего спокойствія? Развѣ не истина, развѣ ложь есть существо наукъ? — Разогнемъ книгу Исторіи: за что не лилась кровь человѣческая? На примѣръ, распри суевѣрія вооружили сына противъ отца, брата противъ брата; но какой безумецъ вздумаетъ обвинять тѣмъ самую Религію? Напрошивъ того не она ли обезоружила наконецъ сихъ фанатиковъ, озаривъ свѣтомъ своимъ, свѣтомъ любви и кротости, ихъ пагубныя заблужденія? Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ! я имѣю довѣренность къ мудрости Властителей, и

спокоенъ; имѣю довѣренность ко благости Все-
вышняго, и спокоенъ. Нѣтъ! свѣтильникъ на-
укъ не угаснетъ на земномъ шарѣ. Ахъ! развѣ
не онъ служашъ намъ оспрадою въ горесняхъ?
Развѣ не въ ихъ мирномъ святилищѣ укры-
ваемся отъ всѣхъ бурь житейскихъ? Нѣтъ,
Всемогущій не лишитъ насъ сего драгоценна-
го утѣшенія добрыхъ, чувствительныхъ, пе-
чальныхъ. Просвѣщеніе всегда благошворно;
просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, доказы-
вая намъ тѣсный союзъ частнаго блага съ об-
щимъ, и открывая неизсякаемый источникъ
блаженства въ собственной груди нашей; про-
свѣщеніе есть лекарство для испорченнаго
сердца и разума; одно просвѣщеніе живодѣтель-
ною теплою своею можетъ изсушить сію
пину нравственности, которая ядовитыми
парами своими мерзвитъ все изящное, все до-
брое въ мірѣ; въ одномъ просвѣщеніи найдемъ
мы спасительный antidote для всѣхъ бѣдствій
человѣчества! — Кто скажетъ мнѣ: науки вред-
ны, ибо осьмойнадесятъ вѣкъ, ими гордившійся,
ознаменуется въ книгѣ бытія кровію и слезами;
тому скажу я: «осьмойнадесятъ вѣкъ не могъ
именовать себя просвѣщеннымъ, когда онъ въ
книгѣ бытія ознаменуется кровію и слезами.

Мысли твои о вѣчномъ возвышеніи и паденіи
разума человѣческаго кажутся мнѣ — извини
искренность дружбы — воздушнымъ замкомъ;
я не вижу ихъ основанія. Положимъ, что въ
древней Азіи были многочисленные народы; но
гдѣ же слѣды ихъ просвѣщенія? Исторія за-

стала людей во младенчествѣ, въ начальной проспошѣ, кошорая не совмѣстна съ великими успѣхами наукъ. Даже въ Египтѣ видимъ мы только первыя дѣйствія ума, первыя магазины знаній, въ кошорыхъ истины были перемѣшаны съ безчисленными заблужденіями. Самые Греки — я люблю ихъ, мой другъ; но они были не что иное, какъ — милья дѣши! Мы удивляемся ихъ разуму, ихъ чувству, ихъ талантамъ; но такъ, какъ взрослый человекъ удивляется иногда разуму, чувству и талантамъ юнаго опрока. Читай вмѣстѣ Платона и Боннеша, Аристотеля и Локка — я не говорю о Кантѣ — и потомъ скажи мнѣ, что была Греческая философія въ сравненіи съ нашею?

Для чего и теперь не думаешь намъ, что вѣки служатъ разуму лѣствицею, по кошорой возвышается онъ къ своему совершенству, иногда быстро, иногда медленно?

Ты указываешь мнѣ на варварство среднихъ вѣковъ, наступившее послѣ Греческаго и Римскаго просвѣщенія; но самое сіе, такъ называемое варварство (въ кошоромъ однакожь, отъ времени до времени, сверкали блестящія, зрѣлыя идеи ума) не послужило ли въ цѣломъ къ дальнѣйшему распространенію свѣта наукъ? Солнце, разсѣявъ облака, сіяетъ шѣмъ лучезарнѣе, и шѣмъ благотворнѣе дѣйствуетъ на землю. Дикіе народы сѣвера, кошорые въ грозномъ своемъ нашествіи гасили, подобно шумному дыханію Борея, свѣшильники разума

въ Европѣ, наконецъ сами просвѣтились, и новый олимпіамъ возкурился Музамъ на земномъ шарѣ.

Нѣтъ, нѣтъ! Сизифъ съ камнемъ не можетъ быть образомъ человѣчества, которое безпрестанно идетъ своимъ путемъ, и безпрестанно измѣняется. Прохладимъ, успокоимъ наше воображеніе, и мы не найдемъ въ Исторіи никакихъ повторовъ. Всякой вѣкъ имѣетъ свой особый нравственный характеръ, — погружается въ нѣдра вѣчности, и никогда уже не являясь на землѣ въ другой разъ.

Мой другъ! мы должны смотрѣть на міръ какъ на великое позорище, гдѣ добро со зломъ, гдѣ истина съ заблужденіемъ ведетъ кровавую брань. Терпѣніе и надежда! Все несправедливое, все ложное гибнетъ, рано или поздно гибнетъ; одна истина не спрашивается времени; одна истина пребываетъ вѣки!

Природа уже не веселишь тебя?.... тебя, моего добраго, моего любезнаго Мелодора? Нѣтъ! пока чувствительное сердце бьется въ груди твоей, люби Природу; утѣшайся ею; ищи радости въ ея объятіяхъ! Люди, по несчастному заблужденію, могутъ быть злы: Природа никогда! Нѣтъ, Мелодоръ! будемъ всегда нѣжными чадами нѣжной матери; будемъ наслаждаться ея благословіемъ и безчисленными красотою! Иногда жаркая слеза выкашится изъ глазъ нашихъ: крошкѣй зephyръ осушитъ ее.

Въ отвѣтъ на горестное заключеніе письма твоего скажу: — «если ужасное пробужденіе

описаннаго побою нещасливца было не что нное — какъ новый сонъ; есѣли онъ вѣпорично ошкроетъ глаза; есѣли всѣ ужасы вокругъ его исчезнутъ; есѣли Морфей унесетъ ихъ съ собою въ царство ничтожества и тѣней?....»

Мелодоръ! намъ не вѣкъ жить въ семъ мѣрѣ. Ударитъ часъ, и все переменится! Съ сею любовью къ добродѣтели, кошорая была, есѣ и будешь вѣчнымъ характеромъ души твоей, падемъ въ могилу и закроемся тихою землею!....

Тамъ, тамъ, за синимъ океаномъ,
Вдали, въ мерцаніи багрянѣмъ,

тамъ вѣнецъ безсмертія и радости ожидаетъ
земныхъ пружениковъ!

г. 1794.

ДЕРЕВНЯ.

=

Благословляю васъ, мирныя сельскія шѣни, густыя, кудрявыя рощи, душистые луга, и поля, злапыми класами покрытыя! Благословляю тебя, тихая рѣчка, и васъ, журчащія ручейки, въ нее текущія! Я пришелъ къ вамъ искашь отдохновенія.

Давно уже душа моя не наслаждалась такимъ совершеннымъ уединеніемъ, такою совершенною свободою. Я одинъ — одинъ съ своими мыслями — одинъ съ Нашурою.

Какъ мила Природа въ деревенской одеждѣ своей! Ахъ! она воспоминаетъ мнѣ лѣта моего младенчества, — лѣта, проведенныя мною въ тишинѣ сельской, на краю Европы, среди народовъ варварскихъ. Тамъ воспитывался духъ мой въ простотѣ естественной; великіе феномены Нашуры были первымъ предметомъ его вниманія. Ударъ грома, скапавшійся надъ моею головою съ небснаго свода, сообщилъ мнѣ первое понятіе о величествѣ Міроправителя; и сей ударъ былъ основаніемъ моей Религіи.

Вижу садъ, аллеи, цвѣтники — иду мимо ихъ — осиновая роща для меня привлекательнѣе. Въ деревнѣ всякое искусство пропитано. Луга, лѣсъ, рѣка, буеракъ, холмъ, лучше Фран-

цузскихъ и Англійскихъ садовъ. Всѣ сіи маленькія дорожки, пескомъ усыпанныя, обсаженные березками и липками, производяшъ во мнѣ какое-то прошивное чувство. Гдѣ видны прудъ и работа, тамъ нѣтъ для меня удовольствія. Дерево пересаженное, обрѣзанное, подобно невольнику съ золошою цѣпью. Мнѣ кажется, что оно не шакъ и зеленѣетъ, не такъ и шумитъ въ вѣяніи вѣтра, какъ лѣсное. Я сравниваю его съ такимъ человѣкомъ, который смѣется безъ радости, плачетъ безъ печали, ласкается безъ любви. Нашура лучше нашего знаетъ, гдѣ раски дубу, вязу, липѣ; человѣкъ мудритъ и поришетъ.

Нѣтъ, нѣтъ! я никогда не буду украшать Природы. Деревня моя должна быть деревнею — пустынею. Дикость для меня священна; она возвеличиваетъ духъ мой. Рощи мои будутъ цѣлы — пусть заростающъ онъ высокою правою! Пастушка пойдетъ искасть заблудшейся овцы своей, и проложитъ мнѣ тропинку. Къ тому же я люблю преодолевать затрудненія — люблю продираюсь сквозь чащу кустарника и раздѣляю сросшіяся вѣтви. Ядовитая змѣя услышитъ шорохъ и удалится отъ ноги моей. Листья, къ которымъ дыханіе человѣческое рѣдко прикасается, свѣжѣе и ароматнѣе.

Не хочу имѣть въ деревнѣ большаго, высокаго дому; всякая огромность прошивна сельской простотѣ. Домикъ какъ хижина, низенькой, со всѣхъ сторонъ осѣняемый деревьями —

жилище прохлады и свѣжести — вошъ чего желаю! Не будешъ виду изъ оконъ — правда — но его и не надобно. Ешъли я, сидя въ своей комнашъ, вижу прелесшныя ландшафш, то мнѣ не такъ скоро захочешся ишши гуляшъ. Нѣшъ, гораздо лучше смотрѣшъ на нихъ съ какого нибудь холма. Да и какъ улыбнушся передо мною долины и пригорки, когда я взгляну на нихъ, вышедши изъ моего сумрачнаго жилища! Въ комнашъ надобно только опдыхашъ или рабошашъ, а наслаждашся въ полѣ.

День мой.

И человекъ просыпаетъ сіи поржесшвенные часы ушра, когда бѣлыя облака на позлащенныхъ хребтахъ своихъ изъ безднъ океана выносяшъ свѣшозарнаго жениха Нашуры, привѣшсшвуемаго громкими хорами живаго шворенія! — Молчу, и покланяюсь! — Удивишельно ли, чшо младенцы человекешва, чада дикой Природы, просшодушные народы древности обожали сіе великолѣпное свѣшило, на все жизнь и свѣшъ изливающее? Оно ешъ покровъ и одежда невидимаго Божешва.

Какая свѣжешъ въ воздухъ! Моря благоуханій волнушся между небомъ и землею, какъ между двумя берегами, раздѣленными великимъ просшрансшвомъ.

Уже спада разсыпающся вокругъ холмовъ; уже блистающъ косы на лугахъ зеленыхъ; поющій жаворонокъ вѣшся надъ шрудящимся

поселяниномъ — и нѣжная Лавинія пригош-
вляетъ завтракъ своему Палемону.

Гуляю среди полей разноцвѣтныхъ. Здѣсь
сребрился расцвѣтѣ Азіи; шамъ желтѣетъ ко-
лосистая рожь; шумъ зеленѣетъ ячмень съ
острыми иглами своими. Живописецъ! кисть
швоя никогда не изобразитъ всѣхъ ошпѣнокъ
сей прекрасной картины!

Возвращаюсь въ свое тихое жилище. Спаканъ
густыхъ, желтыхъ сливокъ ожидаетъ меня:
какъ они пріятны послѣ упренней прогулки!
— Теперь перебираю книги свои; нахожу Том-
сона — иду съ нимъ въ рощу, и читаю — кла-
ду книгу подлѣ малиноваго кустика, смошрю
на высокія деревья, на густую зелень вѣтвей,
кошорая, при мерцающемъ свѣтѣ солнца, изъ
тѣни въ тѣнь переливается; слушаю разно-
гласный шумъ листвьевъ, споль ошличный ошъ
городскаго, Парижскаго, Лондонскаго шуму —
погружаюсь въ задумчивость, и пошомъ снова
берусь за книгу.

Время летишъ, и часы мои показываютъ
полдень. Выхожу изъ рощи — солнце льетъ
на меня пламя — вѣтерокъ не дышетъ — сре-
брящіеся листочки осинника не колеблются;
легкое перо лежишъ на муравѣ неподвижно —
василекъ повѣсилъ свою головку: песпрая Силь-
фида ошдыхаетъ на немъ. Все молчишъ, кро-
мѣ спрекозы, сидящей подъ помною правкою
— пчела съ сладкимъ запасомъ своимъ сокры-
лась въ улей — селянинъ покоишся на бальза-
мической правѣ, имъ скошенной. Рѣчка жур-

чишъ и манишъ меня къ берегамъ своимъ —
подхожу — ея спруи прельщаютъ, влекутъ
меня — не могу прошивишься сему влеченію,
и бросаюсь въ текущій кристаллъ. Двѣ ивы
сплешають надо мною зеленую бесѣдку — лучъ
солнечный едва, едва проникаешъ сквозь кровь
ея, и песпришъ остненную воду. Прохлада
освѣжаетъ мое сердце.... Ахъ! тошъ не зна-
ешъ одного изъ живѣйшихъ чувственныхъ удо-
вольствій, кто въ жаркое время никогда въ
рѣкѣ не купался!

Обѣдъ мой гошовъ — два блюда, самыя про-
сшыя, соспавляють его. — Сажусь подъ тѣ-
нію вяза, распущаго прошивъ самыхъ оконъ
моихъ; чишаю ла-Фоншена, Грессепа, — книга
изъ рукъ моихъ выпадаешъ, и тонкая дремоша
на нѣсколько минушъ покрываетъ глаза мои
Флеромъ — зефиръ свѣваетъ его — пробужда-
юсь, и чувствую легкой жаръ въ моей вну-
шренности — услужливой садовникъ приносишъ
мнѣ корзинку съ благовонною малиною... Какъ
пріятны, освѣжипельны сіи сочные плоды ще-
дрой Нашуры! Ахъ! можно ли не любишъ ее
за все то, чѣмъ она тѣшишъ и нѣжишъ чело-
вѣка!

Жаръ проходишъ — иду на лугъ бошанизи-
ровать, какъ маленькой Коммерсонъ — люблю
шправками и цвѣточками — разсмаприваю
ихъ тонкія жилочки, зубчатые краешки, пе-
спренскіе листочки, будто бы изъ тончайшаго
шелка сошканные, то гладкіе, то пушистые
— удивляюсь разнотушисшымъ испареніямъ,

разносвойственнымъ сокамъ, варимымъ въ цвѣ-
точныхъ чашечкахъ искусною Природою—уди-
вляюсь тонкимъ сосудамъ, въ кошорыхъ сіи
пишательные соки обращаются, и кошорые
впягивающъ во внутренность растѣнія живи-
тельный воздухъ. Срываю — и каждую прав-
ку, каждый цвѣпочикъ бережно заверпываю
въ особливую бумажку. Возвращаясь въ свою
комнату, разбираю, кладу ихъ на солнце, и
не будучи многоученымъ Ботаникомъ, на каж-
дое растѣніе пишу краткія примѣчанія.... На
прим.: «Сіи бѣлые цвѣточки съ желтою оп-
«шѣнкою, на гладкомъ, темнозеленомъ, сочномъ
«стеблѣ, пріятны для глазъ, но еще пріятнѣе
«для обонянія. Когда сокроемъ дневное свѣщи-
«ло и вечерній мракъ сгустится въ простран-
«ствѣ воздуха, поди въ темную рошу: тамъ
«нервы твои запрепещутъ отъ небеснаго бла-
«гоуханія, и ты въ сладостномъ упоеніи чувствъ
«воскликнешь: *Ангель на крылахъ ночи спу-*
«*стился въ рошу!* Нѣтъ! сіе благоуханіе изли-
«вается изъ колокольчиковъ, кошорые бѣлѣ-
«ются въ густой травѣ, и по справедливости
«называются *красотою ночи.*»

Я слышу свирѣль пасуха — сюда возвра-
щаешься въ деревню, и каждая овечка находитъ
дворъ свой: но селянинъ еще не возвратился
съ поля. — Какъ пріятенъ чай на чистомъ
воздухѣ! Вечерніе ароматы льются ко мнѣ въ
чашку. Но я спѣшу видѣть конецъ лучезарна-
го дня — спѣшу на высокой песчаный берегъ
излучистой рѣчки. Тамъ обширный гладкій

лугъ представляется глазамъ моимъ — и за симъ лугомъ, по свѣшлomu небу, кашился вечернее солнце, въ шихомъ велелѣпїи и въ крошкѣмъ величествѣ. Уже доспигаетъ оно до вращъ запада — мерцаешъ за шонкимъ, злаповолнистымъ облакомъ — распопляешъ его лучами своими — являешся снова во всей полношѣ — бросаешъ на землю блескъ и сіяніе — и скрывается. Вечерняя заря алѣешъ теперь на западѣ. — Такъ мудрый и добродѣшельный мужъ, копорого жизнь была благошворнымъ свѣшломъ для нравшвенныхъ сущесшвъ, собрашїй его, тихо и великолѣпно приближаешся къ цѣли своего печенїя. Пылкое воображенїе съ лѣшами прохлаждаешся, но разумъ не шемнешъ и на западѣ жизни; спокойное величештво блисшаешъ на челѣ мудраго и въ самое шо время, когда мрачная могила передъ нимъ разверзаешся; послѣднїй ясный взоръ его ешъ послѣднее благодѣянїе для челѣвчештва. Онъ скрывается, но память его сіяешъ въ мїрѣ какъ заря вечерняя. — Я преклоняю колѣна. Всемогушїй! сердце мое Тебѣ опкрыто: исполни его желанїе, досшойное челѣвка!

Величештвенная ночь несешся на черныхъ орлахъ своихъ; ея шемная маншїя развѣвается по воздуху, и все на землѣ засышаешъ.

Я одинъ иду по шихой равнинѣ, въ молчанїи, въ глубокой задумчивосши. Но вдругъ душа моя содрогаешся опъ внезапнаго блеска огненныхъ лучей. Смошрю на восшочное небо — шамъ въ сизыхъ шучахъ блисшаешъ молнїя, и освѣща-

ешъ передо мною развалины старой церкви и густою шравою заросшія могилы. Съ другой стороны восходишь свѣшлая луна; небо вокругъ ее чисто. — Такъ мракъ и свѣтъ, порокъ и добродѣтель, буря и спокойствіе, скорбь и радость, совокупно владычествуютъ въ нашемъ мірѣ!

г. 1792.

О ЛЮБВИ КЪ ОТЕЧЕСТВУ

и

НАРОДНОЙ ГОРДОСТИ.

=

Любовь къ отечеству можетъ быть *физическая, нравственная и политическая.*

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ; есть дѣло Природы, и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не мѣстными красотою, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминапіями, окружающими, такъ сказать, утробу и колыбель человѣчества. Въ свѣтъ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастье — а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные любовники и друзья освящаютъ въ памяти первый день любви и дружбы своей. Лапланецъ, рожденный почти въ гробъ Природы, не смотря на то любитъ холодный мракъ земли своей. Переселили его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его

душѣ, какъ день сумрачный, какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему опечесство! — Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ Медики советуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ жишель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію; а возвращаясь въ дикой Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растѣніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ Природы и для человѣка не измѣняется. — Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды опчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣкоторыя земли, обогащенныя Природою, могутъ быть шѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ опечесству: ибо она не была бы тогда общою.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ шѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею; дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ; служишь предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вѣпорая или нравственная любовь къ опечесству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣ-

копрыхъ лѣсахъ сильнѣе: ибо время ушвер-
ждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ еди-
ноземцевъ, копорые въ чужой землѣ находятъ
другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они
обнимаются и спѣшаютъ изливашъ душу въ
искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ пер-
вый разъ, но уже знакомы и дружны, ушвер-
ждая личную связь свою какими нибудь об-
щими связями опечества! Имъ кажется,
что они, говоря даже иносипраннымъ языкомъ,
лучше разумѣютъ другъ друга, нежели про-
чихъ: ибо въ характеръ единоземцевъ есть
всегда нѣкоторое сходство, и жилили одного
государства образуютъ всегда, такъ сказать,
электрическую цѣпь, передающую имъ одно
впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ
колець или звеньевъ. — На берегахъ прекра-
снѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ
богатой Напурѣ, случилось мнѣ встрѣишъ
Голландскаго Папріуса, копорый, по ненави-
спи къ Шпангаллеру и Ораниспамъ, выѣ-
халъ изъ опечества и поселился въ Швейцаріи
между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный
домикъ, физическій Кабинетъ, библіотека;
сидя подъ окномъ, онъ видѣлъ передъ собою
великолѣпнѣйшую картину Природы. Ходя
мимо домика, я завидовалъ хозяину, не знавъ
его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и ска-
залъ ему о томъ. Опвѣшъ Голландскаго флег-
матика удивилъ меня своею живоспію: «Ни-
«кто не можетъ быть щасливъ внѣ своего
«опечества, гдѣ сердце его выучилось разумѣть

«людей, и образовало свои любимыя привычки. «Никакимъ народомъ не лѣзя замѣнишь согражданъ. Я живу не съ шѣми, съ кѣмъ жилъ «40 лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ 40 «лѣтъ: трудно пріучаешь себя къ новоспямъ, «и мнѣ скучно!»

Но физическая и нравственная привязанность къ отечеству, дѣйствіе Напуры и свойства человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, кою славятся Греки и Римляне. Патриотизмъ есть любовь ко благу и славу отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ пребудетъ разсужденія — и пошому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая Философія есть та, кою основываетъ должностъ человѣка на его счастье. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его шипина и добродѣтели служатъ щипомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго опца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, кою служитъ опорой Патриотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя

первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ новѣйшія времена болѣе другихъ славятся Папріошизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтающъ.

Я не смѣю думать, чѣобы у насъ въ Россіи было не много Папріоповъ; но мнѣ кажется, что мы излишно смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ — а смиреніе въ Полишкѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважають не будутъ.

Не говорю, чѣобы любовь къ опеческву долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русской долженъ по крайней мѣрѣ знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе: ибо обшпоятельсхва были для нихъ щасшливѣе; но почувсхвуемъ же и всѣ благодѣянія Судьбы въ разсужденіи народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими, скажемъ ясно имя свое, и повшоримъ его съ благородною гордосхію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чѣобы возвыситъ наше происхожденіе: слава была колыбелію народа Русскаго, а побѣда вѣспнищею бытія его. Римская Имперія узнала, что есхъ Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Испорики Визаншійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло прошивишья, и которые опличались отъ другихъ Сѣверныхъ

народовъ не только своею храбросцію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ, въ десятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ погдашней новой столицы міра: имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Консѣанпинополя, чѣобы взять дань съ Царей Греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ Русскіе, всегда превосходные храбросцію, не уступали другимъ Европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по Религіи тѣсную связь съ Царемъ-градомъ, копорый дѣлился съ нами плодами учености; и во время Ярослава были переведены на Славянской языкъ многія Греческія книги. Къ чести твердаго Русскаго характера служишь то, что Консѣанпинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на общество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказашь ихъ за малѣйшіе знаки дерзости.

Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе Князей приготвили поржесство Чингисъ-Хановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являющъ свое величіе. Такъ Россія, перзаемая люшымъ врагомъ, гила со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жилиши Владимира, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости, и тѣмъ спасли имя Русскихъ отъ поношенія. Историкъ, упомяну-

ный сими несчастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, опдыхаешъ на могилахъ, и находишъ опраду въ помъ, чшобы оплакивашъ смерть многихъ доспойныхъ сыновъ опечесшва.

Но какой народъ въ Европѣ можешъ похвалишся лучшею судьбою? Кошорый изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоевашили наши успрашали воспокъ и западъ. Тамерланъ, сидя на пронѣ Самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ шакъ славно разорвалъ свои цѣпи? шакъ славно опмсшилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало шолько бышъ на пресполѣ рѣшишельному, смѣлому Государю: народная сила и храбростъ, послѣ нѣкошораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣсшили свое пробужденіе.

Время Самозванцевъ предшавляешъ опяшъ горесшную каршину мяшежа; но скоро любовь къ опечесшву воспламеняешъ сердца—граждане, земледѣльцы шребуюшъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, вспаешъ съ одра болѣзни. Добродѣшельный Мининъ служишъ примѣромъ; и кшо не можешъ опдашъ жизни опечесшву, опдаешъ ему все, чшо имѣешъ.... Древняя и новая Ишпорія народовъ не предшавляешъ намъ ничего шрогашельнѣе сего общаго, геройскаго Пашріюшизма. Въ царшвованіе Александра позволено желашъ Русскому сердцу, чшобы какой нибудь доспойный монументъ, сооруженный въ Ни-

жнемъ Новѣгородъ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ опечеспѣву), обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Русской Исторіи. Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный Монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ *Его щастливое время*.

Петръ Великій, соединивъ насъ съ Европою, и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Русскихъ. Мы взглянули, шакъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва Великій Государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, лешѣли сражашься съ первою Европейскою арміею. Явились Генералы, нынѣ ученики, завшра примѣры для училелей. Скоро другіе могли и должны были перенимашь у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турковъ — и наконецъ Французовъ. Сіи славные Республиканцы, копорые еще лучше говорятъ, нежели сражающься, и шакъ часто швердятъ о своихъ ужасныхъ шшыкахъ, бѣжали въ Испаліи отъ перваго вмаха шшыковъ Русскихъ. Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души; народъ, имъ опличенный, долженъ гордиться собою.

Въ военномъ искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались какъ нужнѣйшимъ для ушверженія государственнаго бытія нашего; однакожь

не одними лаврами можемъ хвалимся. Наши гражданскія учрежденія мудроспїю своею равняюшся съ учрежденіями другихъ государствъ, копорыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаюшся. Наша людкоспъ, понъ общества, вкусъ въ жизни, удивляюшъ иноспранцевъ, прїѣзжающихъ въ Россію съ ложнымъ понашіемъ о народъ, копорый въ началъ осьмага-надесашъ вѣка счишался варварскимъ.

Зависпники Русскихъ говоряшъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *переимчивость*; но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываюшъ, что учители Лейбница находили въ немъ также одну *переимчивость*.

Въ наукахъ мы спѣимъ еще позади другихъ, для шого — и для шого единспвенно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣешъ у насъ такой обширной сферы, какъ, на примѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Еспшли бы наши молодые дворяне *учасъ* могли доучиваться и посвящашъ себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннешовъ. Успѣхи Литшерашуры нашей (копорая шребуешъ менѣе учености, но, смѣю сказаъ, еще болѣе разума, нежели спспвенно такъ называемыя науки) доказываюшъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что шакое слогъ въ спихахъ и прозѣ? и можемъ въ нѣкопорыхъ часпяхъ уже равнашъся съ иноспранцами. У Французовъ еще въ шешпомъ-надесашъ вѣкѣ философшвовалъ и

писалъ Моншанъ: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напрошивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живописи мыслей, такъ и въ опшѣнкахъ слога? Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужою славою: Французскіе, Англійскіе Авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе Русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу! совсѣмъ прошивно сапирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, копорые, зная лучше Парижскихъ жишелей всѣ произведенія Французской Литшерауры, не хошяшъ и взглянуть на Русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о Русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ Французскіе и Нѣмецкіе кришическіе Журналы, копорые опдають справедливостъ нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ *. Кому не будетъ обидно походить на Даланбершову мамку, копорая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала опъ другихъ, что онъ умный человекъ? Нѣкоторыя извиняющся худымъ знаніемъ Русскаго языка: это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любез-

* Такимъ образомъ самой худой Французской переводъ Ломоносова Одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ Журналистовъ.

нымъ свѣтскимъ дамамъ утверждаешь, что Русской языкъ грубъ и не пріятенъ; что *charmant* и *séduisant*, *expansion* и *vapeurs* не могутъ быть на немъ выражены; и что, однимъ словомъ, не стоишь труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной Поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богаче гармоніею, нежели Французской; способнѣе для изліянія души въ стихахъ; представляетъ болѣе *аналогическихъ* словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-Французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка: мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговоръ? Одинъ иностранный Министръ сказалъ при мнѣ, что «языкъ нашъ долженъ быть весьма шемень, ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ Французскому.» Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? — Языкъ важенъ для Патриота; и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ *свистать* и *шипѣть* по-Англійски съ самыми нѣжными любовницами своими, нежели говорятъ чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ челоуѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть самъ собою, чѣмбы сказать: *я существую нравственно!* Теперь мы уже имѣемъ сполько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живуть въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ ѣдятъ, и какъ убираютъ дома? Папріотъ спѣшилъ присвоить обществу благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и челоуѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ — и мы еще въ срединѣ нашего славнаго печенія! Наблюдатель вездѣ видитъ новыя отрасли и раскрытія; видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣща. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его есть: *труды и надежда!* — Побѣды очистили намъ путь ко благоденствію; слава есть право на счастье.

г. 1802.

ИЛЛЯ МУРОМЕШЪ.

БОГАТЫРСКАЯ СКАЗКА *.

Le monde est vieux, dit-on: je le crois; cependant
Il le faut amuser encore comme un enfant.

La Fontaine.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Не хочу съ Поэтомъ Греціи
звучнымъ гласомъ Калліопинымъ
пѣшь вражды Агамемноновой
съ храбрымъ правнукомъ Юпишера;
или, слѣдуя Виргилію,
плышь опѣ Трои разоренныя
съ хитрымъ сыномъ Афродитинымъ
къ злачнымъ берегамъ Италіи.
Не желаю въ Миѳологіи
черпашъ дивныхъ, спранныхъ вымысловъ.
Мы не Греки и не Римляне;

* Вошъ начало бездѣлки, кошорая занимала нынѣшнимъ лѣпномъ
уединенные часы мои. Продолженіе оспается до другаго вре-
мени; конца еще нѣтъ, — можешъ бышь и не будешъ. —
Въ разсужденіи мѣры скажу, что она совершенно Русская.
Почти всѣ наши старинныя пѣсни сочинены такими спи-
хами.

мы не вѣримъ ихъ преданіямъ;
мы не вѣримъ, чшобы богъ Сашурнъ
могъ любезнаго родишеля
превратишь въ урода жалкаго;
чшобы Леды были — курицы,
и несли весною яйца;
чшобы Поллуксы съ Еленами
родились опъ бѣлыхъ лебедей.
Намъ другія сказки надобны;
мы другія сказки слышали
опъ своихъ покойныхъ мамушекъ.
Я намѣренъ слогомъ древности
разсказать шеперь одну изъ нихъ
вамъ, любезные чшашатели,
если вы въ часы свободные
удовольствіе находите
въ Русскихъ басняхъ, въ Русскихъ повѣстяхъ,
въ смѣси былей съ небылицами,
въ сихъ игрушкахъ мирной праздности,
въ сихъ мечтахъ воображенія.
Ахъ! не все намъ горькой испиной
мучишь томныя сердца свои!
ахъ! не все намъ рѣки слезныя
лишь о бѣдствіяхъ существенныхъ!
На минушу позабудемся
въ чародѣйствѣ красныхъ вымысловъ!

Не хочу я на Парнасъ ийти;
нѣтъ! Парнасъ гора высокая,
и дорога къ ней не гладкая.
Я видалъ, какъ наши вишазы,
наши стихо-риѣмо-дѣтели,

упиваясь одопѣніемъ,
лѣзущъ на вершину Пиндову,
обступаяюся и внизъ лешяшъ,
не съ вѣнцами и не съ лаврами,
но съ ушами (ахъ!) ослиными,
для позорища насмѣшникамъ!
Нѣшъ, любезные чишашели!
я прошу васъ не шуда съ собой.
Близъ моей смиренной хижины,
на берегу рѣки прозрачныя,
роща древняя, дубовая,
насъ укроешъ опъ лучей дневныхъ.
Тамъ мой дѣдушка на спароспи
въ жаркой полдень опдыхалъ всегда
на колѣняхъ милой бабушки;
шамъ виситъ его пернатый шлемъ;
шамъ виситъ его булашный мечъ,
коимъ онъ враговъ опечесства
за гордыню ихъ наказывалъ —
(кровь Турецкая и Шведская
и шеперь еще видна на немъ).
Тамъ я сяду на берегу рѣки,
и подъ шѣною древъ развѣсисшихъ
буду повѣстъ вамъ рассказывать.
Тамъ вы можете шихохонько,
ешъли скучно вамъ покажется,
раза два зѣвнувъ, сомкнуть глаза.

Ты, копорая въ подсолнечной
всюду видима и слышима;
шы, копорая какъ богъ Протей
всякой образъ на себя берешъ,

всякимъ голосомъ умѣешь пѣшь,
удивляешь, забавляешь насъ, —
все вѣщаешь, кромѣ..... истины;
объявляешь съ газетирами
сокровенности Полишки;
сочиняешь съ стихотворцами
знапнымъ похвалы прекрасныя;
величаешь Пантомороса *
славнымъ, безпримѣрнымъ авторомъ;
съ Алхимистомъ открываешь намъ
тайну камня философскаго;
изъясняешь съ систематикомъ
связь души съ плѣсной сущностью
и свободы человѣческой
съ непремѣнными законами; —
ты, которая съ Людьмилою
нѣжнымъ и дрожащимъ голосомъ
мнѣ сказала: я люблю тебя!
о богиня свѣта бѣлаго —
Ложь, Неправда, призракъ истины!
будь теперь моей богинею,
и цвѣтами луга Русскаго
убери Героя древности,
величайшаго изъ вишазей,
чудодѣя *Илью Муромца!*
Я объ немъ хочу бесѣдовать, —
объ его безсмертныхъ подвигахъ.
Ложь! съ тобою не учисья мнѣ
небылицы выдавать за быль.

* То есть, обер-дурака.

Солнце красное явилось
на лазури неба чистаго,
и лучами злата яркаго
освѣщило рощу пихую,
холмъ зеленый и цвѣщущій долъ.
Улыбнулось все швореніе;
воды съ блескомъ заструилися;
травки, ночью освѣженныя,
и цвѣточки благовонныя
расшворили воздухъ ушренній
сладкимъ духомъ, аромашами.
Всѣ кушочки оживилися,
и пернашья малюшочки,
конопляночка съ малиновкой,
въ нѣжныхъ пѣсняхъ славишь начали
день, безпечность и спокойствіе.
Никогда въ Россійской обласпи
не бывало утро лѣтнее
веселѣе и прекраснѣе.

Кшожь симъ ушромъ наслаждаешся?
Кшо на спашномъ соловомъ конѣ,
черный щипъ держа въ одной рукѣ,
а въ другой копье булатное,
ѣдешъ по лугу какъ грозный царь?
На главѣ его пернашый шлемъ
съ золошою, свѣтлой бляхою;
на бедрѣ его тяжелый мечъ;
лапы, солнцемъ освѣщенныя,
сыплютъ искры и огнемъ горятъ.
Кшо сей вишязь, богатырь молодой?
Онъ подобенъ Маю красному:

розы алыя съ лилеями
расцвѣтають на лицѣ его.

Онъ подобенъ миршу нѣжному:
понокъ, прямъ и величавъ собой.

Взоръ его быспрѣй орлинаго,
и свѣплѣе ясна мѣсяца.

Кто сей рыцарь? — Илья Муромецъ.

Онъ проѣхалъ дикой темной лѣсѣ,
и глазамъ его является
поле гладкое, обширное,

гдѣ Природою разсыпаны
въ изобиліи дары земли.

Вишязь Геснера не чистывалъ;
но имѣя сердце нѣжное,
любовался красою дня;

пихимъ шагомъ ѣхалъ по лугу,
и въ душѣ своей чувствительной
жертву упреннюю, чистую,
приносилъ Царю небесному.

«Ты, Который украшаешь все,
«Русской Богъ и Богъ вселенныя!

«Ты, Который надѣляешь насъ
«всеми благами щедрошь Своихъ!

«будь всегда моимъ помощникомъ!

«Я клянуся вѣчно слѣдовать

«богатырскимъ предписаніямъ

«и уславамъ добродѣтели,

«быть защитникомъ невинности,

«бѣдныхъ, сирыхъ и несчастныхъ вдовъ,

«и наказывать мечемъ своимъ

«злыхъ пирановъ и волшебниковъ,

«устрашающихъ сердца людей!» —

Такъ Герой нашъ размышлялъ въ себѣ,
и повсюду обращая взоръ,
за кустами, впереди себя,
надъ спруями рѣчки быспрыя,
видишь свѣшло — голубой шаперъ,
видишь спавку богатырскую
съ золошою круглой маковкой.
Онъ къ кусточкамъ приближается,
и спучишь копьемъ въ желѣзный щипъ;
но опвѣшу богатырскаго
нѣтъ на спукъ его оружія.
Бѣлый конь гуляешъ по лугу,
не осѣданный, не взнузданный, —
щиплетъ шправку аромашную,
и слѣды подковъ серебряныхъ
осшавляешъ на росъ цвѣшовъ.
Не выходишь вишязъ къ вишязю
поклонишься, ознакомишься.

Удивляется нашъ Муромецъ;
смошришь на небо и думаешъ:
«солнце выше горъ лазоревыхъ,
«а Россійской богатырь въ шапрѣ
«не ужель еще покоишся?» —
Онъ пускаешъ на зеленой лугъ
своего коня надежнаго,
и всшупаешъ смѣлой поступью
въ спавку съ золошою маковкой.

Для чего Природа дивная
не дала мнѣ дара чуднаго
нѣжной кистію прельщашъ глаза,

и писашь живыми красками
съ Тиціаномъ и Корреджіемъ?
Ахъ! тогда бы я представилъ вамъ,
что увидѣлъ вишязь Муромецъ
въ спавкѣ съ золошою маковкой
Вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли —
безпримѣрную красавицу,
всѣхъ любезносшей собраніе,
рѣдкосць милыхъ женскихъ прелесшей;
вы бы вмѣстѣ съ нимъ увидѣли,
какъ она пріятнымъ, тихимъ сномъ
наслаждалась въ голубомъ шашрѣ,
размешавшись на цвѣшной правѣ:
какъ ея густые волосы,
свѣшлорусые, волнисшые,
осѣняли бѣлизну лица,
шеи, груди алебастровой,
и свиваясь, развиваясь,
упадали на колѣна къ ней;
какъ ея рука лилейная,
гдѣ всѣ жилки васильковыя
были съ нѣжносшью означены,
ея голову покоила;
какъ одежда снѣго-бѣлая,
полошняя, тончайшая,
ошъ дыханья груди полныя
препешала тихимъ препешомъ.
Но не можно въ сказкѣ выразишь,
и не можно написашь перомъ,
чѣмъ глаза Героя нашего
услаждались на ея челѣ,
на ея усахъ малиновыхъ,

на ея бровяхъ возвышенныхъ,
и на всемъ лицѣ красавицы. —
Лапы съ золошой насѣчкою,
шлемъ съ перомъ заморской жаръ-птицы,
мечъ съ попазной рукояшкою,
копѣ съ булашнымъ оспріемъ,
щипъ изъ сшали вороненныя
и сѣдло съ блестящей осыпью
на правѣ лежали вкругъ ее.

Сердце швердое, геройское,
швердо въ биввахъ и сраженіяхъ
со врагами добродѣтели —
швердо въ бѣдствіяхъ, опасностяхъ;
но не швердо прошивъ женскихъ спрѣлъ,
мягче воску бѣлояраго
прошивъ нѣжныхъ, милыхъ прелесшей.
Вишязь зналъ красавицъ множество
въ безпредѣльной Русской области,
но такой еще не видывалъ.
Взоръ его не отвращается
отъ румянаго лица ея.
Онъ боится разбудить ее;
онъ досадуешь, что сердце въ немъ
бьется съ частымъ, сильнымъ препенемъ;
онъ дыханіе въ груди своей
останавливать спарается,
чтобы долѣе красавицу
безпрепятственно разсматривать.
Но ему опять желается,
чтобъ красавица очнулась вдругъ;
ему хочется глаза ея —

вѣрно свѣшлые, любезные —
видѣшь подѣ бровями черными;
ему хочешся внимашь ея
гласу тихому, пріятному,
ему хочешся узнать ея
любопытную исторію,
и откуда, и куда она,
и зачѣмъ дѣвица красная
(вишазь думалъ и угадывалъ,
что она была дѣвицею)
ѣздишь по свѣшу геройствовашь,
подвергаешся опасностямъ
жизни трудной, жизни рыцарской,
не щадя весеннихъ прелесшей,
не бояся жара, холода.

«Руки слабой, плѣнной женщины
могушь шишь серебромъ и золопомъ
въ красномъ и покойномъ шеремѣ, —
не мечемъ и не копьемъ владѣшь;
могушь друга, сердцу милаго,
жашь съ любовью къ сердцу нѣжному, —
не гиганшовъ на поляхъ разишь.

Есшѣли кто изъ злыхъ волшебниковъ
въ плѣнъ возьмешъ дѣвицу юную:
ахъ! чего злодѣй безчувственной
съ нею въ ярости не сдѣлаешъ?» —
Такъ Илья съ собой бесѣдуешъ,
и взираешъ на прекрасную.

Время быспрою стрѣлой лепишь;
часъ проходишь за минушами,

и за ушромъ полдень слѣдуешь —
незнакомка спишь глубокимъ сномъ.

Солнце къ западу склоняется,
и съ эфирною прохладою
вечеръ сходишь съ неба яснаго
на луга и поле чистое —
незнакомка спишь глубокимъ сномъ.

Ночь на облакъ спускается,
и густыя тьмы покровами
одѣваешь землю пихую;
слышно ручейковъ журчаніе,
слышно эхо опдаленное,
и въ кусточкахъ соловей поетъ —
незнакомка спишь глубокимъ сномъ.

Тщешно вишязь дожидается,
чтобы грудь ея высокая
вздохомъ нѣжнымъ всколебалася;
чтобъ она рукою бѣлою
хотя разъ шихонько пронулась,
и открыла очи ясныя!
Незнакомка спишь по прежнему.

Онъ сядишь въ голубомъ шашрѣ,
и взирая на прекрасную,
видишь въ самой шемношѣ ночной
красоту ея небесную,
видишь — въ пронупой душѣ своей,
и въ своемъ воображеніи;
чувствуешь ея дыханіе,

и не мыслишь успокоиться
въ часъ глубокія полуночи.

Ночь проходишь, наступаетъ день;
день проходишь, наступаетъ ночь —
незнакомка спишь по прежнему.

Рыцарь нашъ сидишь какъ вкопаной;
забываешь пищу, нужный сонъ.
Всякой часъ, минушу каждую
онъ находишь нѣчто новое
въ милыхъ прелестяхъ красавицы;
и — недѣли цѣлой нѣтъ въ году!

Здѣсь, любезные чашапели,
должно будешь изъясниться намъ,
уничтожишь возраженія
строгихъ, блѣднлицыхъ кришиковъ:
«какъ Илья, хоша и Муромецъ,
хошь и вишязь Руси древнія,
могъ сидѣть недѣлю цѣлую,
не вспавая, на одномъ мѣстѣ;
могъ ни маковыя росинки
въ рошѣ не брашь, дремы не чувствовашь?»
Вы слыхали, какъ монахъ свяшой,
наслаждаясь дивнымъ пѣніемъ
райской песнрой конопляночки,
могъ безъ пищи и безъ сна пребыть
не недѣлю, но сполѣтіе.
Развѣ прелести красавицы
не имѣють чародѣйствія
райской песнрой конопляночки?

О друзья мои любезные!
еслибъ знали вы, что женщины
могутъ дѣлать съ нами бѣдными!....
Ахъ! спросите спариковъ съдыхъ;
ахъ! спросите самого меня....
и краснѣя, вамъ признаюсь,
что волшебный видъ прелестницы —
не хочу теперь называть ее! —
былъ мнѣ пищею небесною,
Олимпійскою амброзіей;
что я радъ былъ цѣлый вѣкъ не спать,
лишь бы видѣть могъ жестокою!....
Но боюсь говорить объ ней,
и къ Герою возвращаюсь.

«Что за чудо! рыцарь думаетъ:
я слыхалъ о богатырскомъ снѣ;
иногда онъ продолжается
три дни съ часомъ, но не болѣе;
а красавица любезная.... »
Тутъ онъ видитъ муху черную
на ея устахъ малиновыхъ;
забываетъ разсужденія,
и рукою богатырскою
гонитъ злаго насѣкомаго;
машетъ пальцемъ указательнымъ,
(гдѣ сіялъ большой златой перстень,
съ шалисманомъ *Велеславинымъ*) —
машетъ, шихо прикасается
къ алымъ розамъ бѣлолицыя —
и красавица любезная
растворяетъ очи ясныя!

Кто опишетъ милый взоръ ея,
кто улыбку пробужденія,
пу любезность несказанную,
съ коей, вспавъ, она привѣшпвуешъ
незнакомаго ей рыцаря?

«Долгобъ спашъ мнѣ непрерывнымъ сномъ,
юный рыцарь! (говоришъ она)
есшълибъ ты не разбудилъ меня.

Сонъ мой былъ очарованіемъ
злаго, хитраго волшебника,
Черномора ненавистника.

Вижу перспень на рукъ швоей,
перспень добрыя волшебницы,
Велеславы благодѣтельной:

онъ своею тайной силою,
прикоснувшись къ моему лицу,
уничтожилъ заклинаніе

Черномора ненавистника.»

Випязъ снялъ съ себя пернашый шлемъ:
чернобархатные волосы
по плечамъ его разсыпались.

Какъ заря алѣешъ на небѣ,
разливаясь въ моръ розовомъ
предъ восходомъ солнца краснаго:
такъ румянецъ на щекахъ его
разливался въ аломъ пламени.

Какъ роса сіяешъ на полѣ,
осребренная свѣпиломъ дня,
такъ сердечная чувспвишельность
въ маслѣ глазъ его свѣпилася.

Сшоя съ видомъ милой скромности
предъ любезной незнакомкою,

тихимъ и дрожащимъ голосомъ
онъ красавицъ ошвъпспвуешъ:
«даръ волшебницы любезныя
милъ и дорогъ моему сердцу;
я ему обязанъ щаспіемъ
видѣть ясный свѣтъ очей твоихъ.» —
Взоромъ нѣжнымъ, выразительнымъ
онъ сказалъ гораздо болѣе.

Тутъ красавица примѣшила,
что одежда полошная
не шемница для красы ея;
что любезный рыцарь-юноша
догадаться могъ легохонько,
гдѣ подъ нею что тайлося.....
шакъ съдѣй шуманъ, волнуясь
надъ долиною зеленою,
не совсѣмъ скрываетъ холмики
посреди ея цвѣтушіе;
глазъ внимательнаго странника
сквозь волненіе туманное
видишь ихъ вершинки круглыя.

Незнакомка взоръ пошупила —
закраснѣлася какъ маковъ цвѣтъ,
и взялась рукою бѣлою
за доспѣхи богатырскіе.
Рыцарь понялъ, что красавицъ
безъ свидѣтелей желается
нарядиться юнымъ вишаземъ.
Онъ изъ спавки вышелъ бережно —
посмотрѣлъ на небо синее —

прислонился къ вязу гибкому —
бросилъ шлемъ пернашый на землю,
и рукою подперъ голову.
Что онъ думалъ, — мы не скажемъ вдругъ;
но въ глазахъ его задумчивость
почто такъ изображалася,
какъ въ ручьѣ густое облако;
шомный вздохъ изъ сердца вылетѣлъ.
Конь его, товарищъ вѣрный другъ,
видя рыцаря, бѣжитъ къ нему;
ржетъ и прыгаетъ вокругъ Ильи,
поднимая гриву бѣлую,
извивая хвостъ изгибистый.
Но Герой нашъ нечувствителенъ
къ ласкамъ, къ радости товарища,
своего коня надежнаго;
онъ спойтъ, молчитъ и думаетъ.
Долголь, долголь думаетъ Муромцу?
Нѣтъ, не долго: — раскрывающся
полы свѣтло-голубой сшавки,
и глазамъ его являеся
незнакомка въ видѣ рыцаря.
Шлемъ пернашый раздвѣвается
надъ ея челомъ возвышеннымъ.
Героиня подпирается
копьемъ съ булатнымъ остріемъ;
мечъ блистаетъ на бедрахъ ея. —
Въ ту мину солнце красное
возсіяло ярче прежняго,
и лучи его съ любовію
пролилися на красавицу.

Съ крошкой, нѣжною улыбкою
смогришь милая на вишязя,
и движеньемъ глазъ лазоревыхъ
говоришь ему: — «мы можемъ сѣсть
«на правѣ благоухающей,
«подъ сѣниспыми кусточками.» —
Рыцарь скоро приближается,
и сядишь съ Героинею
на правѣ благоухающей,
подъ сѣниспыми кусточками.
Двѣ минушы продолжается
ихъ глубокое молчаніе;
въ прешью чудо совершается.....

(Продолженіе впредь).

г. 1794.

РАЗГОВОРЪ О ЩАСТІИ.

ФИЛАЛЕТЪ и МЕЛОДОРЪ.

=

ФИЛАЛЕТЪ.

Нѣсколько минушъ смопрю на себя, и жалю, что я не живописецъ: не лзя найши лучшей модели для изображенія бога задумчивоспи.

МЕЛОДОРЪ.

Ахъ! извини меня. Я въ самомъ дѣлѣ забылся, и не видалъ, какъ ты вошелъ. — *(Подаетъ ему руку)*.

ФИЛАЛЕТЪ.

Что, есшлы смѣю спросишь, занимаешъ швое глубокомысліе? Философскій камень, безпреспанное движеніе, связь души съ шѣломъ, средство сдѣлашь безумцевъ умными: не правда ли?

МЕЛОДОРЪ.

Ты почти угадалъ. Я думалъ.... о средствѣ бышь щаспливымъ въ жизни. Эшо споишъ Философскаго камня.

Филалетъ.

Съ нѣкошорой спороны.

Мелодоръ.

Въ самомъ дѣлѣ, любезный другъ, начпо мы прудимся, учимся, чипаемъ, пишемъ, споримъ — и Богъ знаешъ, чего не дѣлаемъ — когда не умѣемъ найши благополучія въ жизни? Я предспавляю себѣ здѣшній свѣшъ великолѣпнымъ храмомъ: на порпикахъ, на переспи-лѣ, на колоннахъ, вездѣ сіяешъ надпись: *Щастіе!* Вхожу во внушренносшь: гремашъ хоры — *Щастію!* Вижу безчисленное множеспво людей: спѣшашъ, пѣсняшся, прѣспираюшъ руку — ко *Щастію*, единспвенному божеспву храма; но божеспво.... невидимо! Моляшся съ усердіемъ, зовушъ его: оно не являешся! Герой манишъ его къ себѣ окровавленнымъ мечемъ, любовникъ миршовой вѣшвѣю, роскош-ный блескомъ сокровищъ своихъ: оно не являешся! Здѣсь проливаюшъ слезы, шамъ другихъ заспавляюшъ плакашъ — все для щаспія; но оно глухо, слѣпо — не слушаешъ моленій, не смопришъ на жершвы — и вѣчно, вѣчно невидимо!

Филалетъ.

Довольно Поэзіи, но мало ушѣшенія!

Мелодоръ.

Ушѣшенія! гдѣ найши его въ эшомъ хаосѣ

заблужденій, обмановъ и безчисленныхъ золъ всякаго рода? Я смотрѣлъ, мыслилъ, говорилъ съ Философами, съ сердцемъ своимъ — и готовъ спрыгнуть съ земнаго шара.

Филалетъ.

Друзья схватяшъ тебя за руку, будутъ просить, кланяшся — и нѣжной, снисходительной Мелодоръ останешся съ ними.

Мелодоръ.

Развѣ только для нихъ; а мнѣ право уже наскучило бытъ Дон-Кишотомъ, гоняшся за воображаемою Дульцинеею, за пустою мечпою, и смѣшишь холодныхъ людей моими плачевными вздохами.

Филалетъ.

Учасъ всѣхъ рыцарей въ наше время!

Мелодоръ.

Кто же не рыцарь щасія? Но оставимъ шушку, и поговоримъ съ важностію о такомъ предметѣ, копорый всего милѣе для нашего сердца. Все велишь мнѣ разспаться съ прелестною надеждою; но я хочу знать твои мысли, и сравниваю себя съ такимъ любовникомъ, копорый видѣлъ, видѣлъ собственными глазами измѣну любовницы своей, но все еще *хотѣлъ бы сомнѣваться*; ненавидишь свое увѣреніе, и говоря ей: *не оправдывайся!* слушаешь..... ея оправданіе.

Филалетъ.

Я помню слова одного Философа. «Есть ли щаспіе?» спросилъ у него любопытный чело-вѣкъ. — Люди съ начала міра ищутъ его, и по сіе время не нашли, отвѣчалъ онъ: слѣд-ственно.... «Слѣдственно его нѣтъ?» сказалъ любопытный. — Однакожь, продолжалъ му-дрецъ, есѣли бы оно было не что иное, какъ пусшой фантомъ, то люди давно бы уже пе-респали искашъ его; но какъ они все упор-ствуюшъ въ своихъ мысляхъ, и все ищутъ, то надобно.... «Чтобъ оно существовало? Два про-тивныя слѣдствія: кошорое же справедливо?» спросилъ опять любопытный. — Рѣши самъ! отвѣчалъ Философъ; завернулъ въ свою ман-тію и замолчалъ.

Мелодоръ.

Надѣюсь, что ты будешь снисходительнѣе эшого Философа, и скажешь мнѣ, есть ли, по швоему мнѣнію, испинное щаспіе въ мірѣ? мо-жешъ ли челоѣкъ найши его?

Филалетъ.

Нѣтъ и есть! не можешъ и можешъ!

Мелодоръ.

Прекрасной отвѣтъ! онъ напоминаетъ мнѣ Аполлонову Піѣію, кошорая всегда говорила: да и нѣтъ! нѣтъ и да! или Шекспировыхъ вѣдьмъ, увѣрявшихъ Дунканова Генерала, что

онъ будешъ меньше и больше, ниже и выше Макбеша.

Филалетъ.

Естьли мы разумѣмъ подъ щаспьемъ такое состояніе души, въ которомъ бы она могла непрестанно наслаждаться живыми удовольствіями.....

Мелодоръ.

Потерявъ всѣ чувства недоспашка, сливаясь, такъ сказать, со внѣшними предметами, какъ тоны сливаются между собою въ гармоническомъ спрѣ, и находя въ одномъ наслажденіи чувство бытія своего.....

Филалетъ.

То оно невозможно по образованію души нашей. Напрасно человѣкъ думаетъ найши его въ исполненіи всѣхъ желаній: одно раждаетъ другое, и цѣпь безконечна. Но положимъ и то, чшобы всѣ они исполнились; на примѣръ: молодой Эраспъ, общій нашъ знакомецъ, спраспно влюбленъ въ Плѣниру; ея сердце, ея рука, сдѣлающъ его, какъ онъ говоритъ, совершенно блаженнымъ. Пусть рокъ соединишъ ихъ: Эраспъ, по обыкновенію всѣхъ щаспливыхъ любовниковъ, скоро увидишъ ошибку свою; увидишъ, чшо Плѣнира хоща мила, очень мила, однакожь не мѣшаетъ желать еще другихъ пріятностей въ жизни. Вообразимъ, чшо я Эра-

сповъ благодѣтельный и всемогущій Геній:
чего онъ желаетъ, то въ минушу исполняю.

Мелодоръ.

Ты берешь на себя много работы. Онъ же-
летъ, на примѣръ, богачства.

Филалетъ.

И богачство течетъ къ нему рѣкою, льетъ
на него золотымъ дождемъ.

Мелодоръ.

Онъ любитъ обходиться съ просвѣщенными,
знающими, остроумными людьми —

Филалетъ.

Предупреждаю его желаніе: всѣ Нѣмецкіе
Профессоры, всѣ Французскіе остроумцы ска-
чутъ къ нему на почтовыхъ.

Мелодоръ.

Онъ самъ захочетъ быть первымъ умникомъ
въ свѣтѣ.

Филалетъ.

Даю ему разумъ Фоншенеля, Вольтера, Руссо.

Мелодоръ.

Захочетъ славы Героя —

Филалетъ.

Лавровые вѣнки лепятъ къ нему на голову.

Мелодоръ.

Пожелаетъ —

Филалетъ.

Конечно не того, чѣмъ два и два соспавили пять: все прочее дѣлаю; онъ дошелъ до послѣдней границы возможносшей; осыпанъ всѣми дарами Природы и Фортуны; всѣ нервы его шрепещутъ въ живѣйшемъ воспоргѣ..... Но что же? Воспоргу его, по свойству, образованію души человѣческой, минуша опъ минушы должно ослабѣвать; каждая секунда уношишь съ собою нѣкоторую часть его способности наслаждаться; каждое мгновеніе умираетъ, такъ сказать, его щасіе. Нѣтъ предметовъ для желаній, нѣтъ предметовъ для надежды! Эрастъ все имѣетъ, кромѣ.... блаженства.

Мелодоръ.

Но онъ можетъ еще желать, чѣмъ душа его, наслаждаясь, не шупѣла въ своихъ чувствахъ.

Филалетъ.

Въ такомъ случаѣ онъ пожелалъ бы, чѣмъ два и два соспавляли пять: по крайней мѣрѣ физической невозможности. Первое впечатлѣніе предмета въ нашихъ чувствахъ бываетъ всегда самое живѣйшее; всякое повтореніе дѣйствуетъ слабѣе — потому челоѣкъ въ 30 лѣтъ,

при всемъ совершенствѣ органовъ своихъ, радуется уже менѣе тѣми предметами, кошорыми восхищался онъ въ 25 лѣтъ.

Мелодоръ.

Слѣдствіе.....

Филалетъ.

Слѣдствіе то, что Богу не угодно было даровать чловѣку совершеннаго блаженства въ здѣшней жизни: оно не возможно по образованію души нашей. Но.....

Мелодоръ.

Посмотримъ, что скажешь намъ въ утѣшеніе!

Филалетъ.

Но еспъли щасъе соспоишъ въ томъ, что-бы находишъ въ жизни многія испинныя пріятности, не скучашъ ею, не ропшашъ на судьбу, бышъ довольнымъ: шо оно возможно и дано чловѣку.

Мелодоръ.

Какъ же я буду доволенъ, когда.....

Филалетъ.

Будешъ, повинуюсь сердцу и разсудку. Первое велишъ искашъ удовольствій, а послѣдній однихъ невинныхъ удовольствій, согласныхъ съ законами Природы и мудрости. Сердце еспъ

младенецъ, копорый бросаешся на все сладкое; но въ сладкомъ бываешъ иногда ядовитое. Разсудокъ долженъ говоришь ему: *это вредно — оставь! это не вредно — наслаждайся!*

Мелодоръ.

Но есшьли послѣдняго шакъ мало, что бѣдное сердце безпрестанно должно себѣ опказывать; есшьли почти всѣ удовольствія стоятъ намъ слишкомъ дорого; есшьли на каждую пріятность можно считать по спу непріятностей; есшьли всѣ спраси пагубны, какъ утверждали Споики; есшьли вѣчное сраженіе съ чувствами будетъ для насъ закономъ мудрости: въ такомъ случаѣ, какъ бѣдно швое возможное шасшье! и начшо родишься человеку?

Филалетъ.

Нѣшъ, я не люблю Споиковъ, копорые чернымъ сукномъ одѣвають всю Природу, и заранее кладушъ сердце въ холодную могилу. Нѣшъ, нѣшъ! Природа любишъ одѣваться зеленью и цвѣтами: она дала намъ чувства для шого, чшобы ушладать ихъ; дала намъ разсудокъ для шого, чшобы выбирать лучшія наслажденія; дала спраси для шого, что онѣ нужны, необходимы для дѣятельности въ физическомъ и нравшвенномъ мірѣ.

Мелодоръ.

Ты хочешъ бышъ Панегирисшомъ спраспей: но я укажу тебѣ на мысь Левкадской, на пе-

пель городовъ, на высокіе бугры, сосшавленные изъ костей человѣческихъ; на Африканскіе берега, гдѣ люди продають людей въ рабство — и скажу: *вотъ дѣйствіе страстей!*

Филлетъ.

Дѣйствіе ихъ заблужденія. Спроси въ своихъ границахъ благодѣтельны, внѣ границъ пагубны.

Мелодоръ.

Кому же назначать предѣлы?

Филлетъ.

Я сказалъ: разсудку. Спросъ для сердца есть не что иное, какъ живое чувство удовольствія; но разсудокъ находишь, что удовольствіе есть только *приманка*; что Натура скрываетъ подъ нимъ нѣчто важнѣйшее: пользу. Тутъ ставишь онъ пограничный столпъ, и говоришь сердцу: *не далье!* Когда чувствительный паспухъ видишь и любишь милую паспушку; вздыхаешь, краснѣешься передъ нею; ласкаешь ея овчекъ; усыпаешь цвѣтами пропинку, по копорой она часто ходишь; играешь на свирѣли нѣжную пѣсню, между пѣмъ какъ паспушка сидитъ на бережку ручейка, и задумчиво смотрится въ зеркало воды кристальной: тогда я вижу намѣреніе Природы — она говоришь въ его сердце; она хочетъ, чтобы паспухи любились, и чтобы нѣжные плоды взаимной склонности играли на колѣняхъ паспушекъ. Для того рука ея украсила роза-

ми любовь Аркадскую. Но можешь ли Природа хопѣть, чтобы Сафы падали на землю ошъ звуковъ Фаонова голоса, шрепешали всегда, какъ вдохновенные Квакеры, и наконецъ.... ушопали въ пучинѣ Левкадской? Тушъ нѣшъ никакой цѣли: одно разрушеніе, прошивное намѣренію любви, которой поручено, шакъ сказашъ, храненіе человѣческаго рода. Лезбійская Героиня служишъ неесшесшвеннымъ примѣромъ заблужденія въ есшесшвенной и самой шасшливой склонности.

Мелодоръ.

Но развѣ паспушокъ швой не можешъ бышъ нешасшливъ въ любовной своей Идилліи? На примѣрѣ, онъ вздыхаетъ, краснѣетъ, а его не примѣчаютъ; гладитъ любимыхъ паспушкиныхъ овечекъ, а его не благодаритъ взоромъ; усышаетъ пропинки цвѣтами, играетъ на свирѣли, а его... не любяшъ! Чшо, есшли нашъ Дафнисъ, пошерявъ надежду, вздумаетъ грусшшшъ, шосковашъ, не глядѣшъ на свѣшъ Божій? Жестокой человѣкъ! можешъ ли шы не пожалѣшъ объ немъ? Можешъ ли не осудишъ Природы, которая говорила въ его сердце для шого, чтобы сказать ему: *будь нешасшливъ?*

Филалетъ.

Нѣшъ, я не позволяю шосковашъ паспушку моему. Пусть онъ вздохнетъ два, шри раза — не больше — и подойдетъ искашъ другой, благосклоннѣйшей красавицы.

Мелодоръ.

Прекрасно, но возможно ли, когда спрасшь завладѣла всѣмъ сердцемъ, всею душею?

Филалетъ.

Нашура того не хочешъ, и предостерегаешъ насъ опъ излишности чувствомъ спраданія. Разсудокъ велишь умѣрять любовь, когда она мучитъ сердце и можешъ погубишь его.

Мелодоръ.

Голосъ разсудка въ такомъ случаѣ не подобенъ ли крику ворона, который предвѣщаетъ намъ бурю, но не можешъ опвратишь ее?

Филалетъ.

Всегда можешъ, пока говоришь; человеку оспашся покоришь ему волю свою, приняшь его совѣшы. На примѣръ: мнѣ очень нравися женщина; я чувствую, что могу полюбишь ее спрасшно. Что совѣпуешъ благоразуміе? Увѣришься въ ея взаимной любви, или... удалишься опъ опасной Цирцей. Благодѣшельная Природа образовала наше сердце такъ, что мы не можемъ сильно любишь безъ надежды и взаимности. Надежда часно обманываешъ: но опъ чего же? Опъ безумнаго, въшренаго самолюбія, которое толкуешъ въ свою пользу всякой взоръ, всякое слово, и слышишь да! гдѣ говоряшь нѣтъ! или ничего не говоряшь. Заблужденіе опкрываешся: что дѣлашь? Проклинашь судьбу, боговъ и чувствительность!

Мелодоръ.

А непостоянство, измена —

Филалетъ.

Бываетъ только въ слабыхъ, или, лучше сказать, въ мнимыхъ привязанностяхъ; но два сердца, образованныя для истинной, взаимной любви, никогда не могутъ разсаяться въ жизни; всякой день утверждаетъ связь ихъ, наслажденіемъ, воспоминаніемъ, чувствомъ благодарности, разсужденіемъ, и наконецъ золотою цѣпью привычки. Непостоянный есть такой человекъ, который никогда не любилъ и никогда (что все одно) не былъ любимъ.

Мелодоръ.

Однакожь Н., мой пріятель, оставленный своею красавицею, былъ въ опчаяніи и хотѣлъ застрѣлиться.

Филалетъ.

Не сердце, а гордость его была въ опчаяніи, которое и продолжалось, кажется, не болѣе семи дней. Онъ терзался мыслию, что красавица предпочла ему друга. Ахъ! я увѣренъ, что и нѣжная, пламенная Сафо не бросилась бы съ Левкадскаго мыса безъ помощи раздраженнаго самолюбія, а можетъ быть и суешнаго желанія, еще болѣе прославить себя въ Испоріи такимъ геройскимъ дѣломъ. — Однимъ словомъ, съ осторожностію, съ бла-

горазуміемъ, любовь дѣлаешъ насъ только щастливыми. — То же можно сказать о другихъ природныхъ спирастяхъ: онѣ нужны и пріятны въ чистотѣ своей, подѣ руководствомъ ума. На примѣръ —

Мелодоръ.

Имѣй сердце похвалишь корыстолюбіе!

Филалетъ.

Да, и корыстолюбіе хорошо въ своемъ источникѣ, когда оно есть не что иное, какъ предвидѣніе муравьевъ, гошоващихъ запасъ на зимнее время. Природа хотѣла, чтобы мы не терпѣли недостатка въ нужномъ и для того собирали: вопѣ что естесвенно въ корыстолюбіи и согласно съ умомъ!

Мелодоръ.

Но еслии оно заставитъ меня присвоивать себѣ чужое, мучитъ людей для умноженія моихъ сокровищъ?.....

Филалетъ.

Тогда Природа и разумъ отступая отъ Мелодора. Первая говоритъ: *собирай*; а второй договариваетъ: «хорошими средствами, для «собственной твоей пользы. Какъ поступаешь «въ отношеніи къ другимъ, такъ другіе имѣ- «ютъ право поступать въ отношеніи къ тебѣ. «Возьмешь чужое, возмущъ свое — и вмѣсто

«того, чтобы обезопасить жизнь свою, будешь
«всегда въ опасности.»

Мелодоръ.

Я угадываю, что ты скажешь о честолю-
біи.

Филалетъ.

То, что оно есть самая благороднѣйшая, нравственная спрашь, собственно челоѣку данная; другія животныя, по грубому образованію души ихъ, не знаютъ ея прекрасныхъ движеній. Не говори мнѣ о Героспрахъ, Александрахъ, Аппилахъ; они служатъ только примѣромъ развращеннаго честолюбія; но истинное, природное, есть желаніе нравиться подобнымъ себѣ нравственнымъ существамъ, заслужить ихъ доброе мнѣніе, почтеніе, любовь. Эта спрашь болѣе всего привязываетъ насъ къ общежитію, единственному оапру ея; она источникъ многихъ добрыхъ дѣлъ — и Напура, вселивъ ее въ наше сердце, утверждаетъ связи гражданской жизни, возвышаетъ челоѣчество, заставляетъ насъ быть благодѣтельными, — такъ какъ нѣтъ инова надежнѣйшаго средства заслужить добрую славу.

Мелодоръ.

Вотъ хорошая спорона спрашей! Соглашайся. Но для чего же, любезный другъ, для чего Природа оставила намъ возможность развращать ихъ движенія? Для чего позволяетъ че-

ловѣку засоряшъ ихъ свѣшлый источникъ, и вмѣсто добра, вмѣсто пріятностей, изливашъ на міръ столько зла и горя?

Филалетъ.

Спроси, для чего она дала намъ свободу; для чего произвела насъ не машинами? Но спроси же у своего сердца, какъ оно бываетъ довольно въ ту минушу, когда приносишъ жертву разсудку на счетъ своихъ слабостей! Кшо имѣешъ столько твердости и силы, чшобы повиноваться закону мудрости, закону ума, шшъ благодаршъ Природу за данную намъ волю слѣдовать ему или не слѣдовать. Нашура употребила съ своей стороны всѣ средства удержашъ наши страсти въ естественномъ или (что все одно) въ благомъ ихъ теченіи, соединивъ съ истиннымъ пушемъ живое удовольствіе, а съ заблужденіемъ горе и спраданіе. Кшо забываешъ цѣль врожденныхъ склонностей, копорая въ жишейскомъ мореплаваніи должна всегда, какъ Фарось, сіяшъ передъ нами; кшо выходишъ изъ чершы, обводимой разсудкомъ вокругъ природнаго дѣйствія страстей; кшо искусственно расправляешъ въ себѣ ихъ чувство, безумно предаешся ихъ бурному стремленію, и хочешъ, шакъ сказашъ, цѣлой міръ пошопишъ въ своихъ живыхъ удовольствіяхъ: шшъ, гоняясь за призракомъ блаженства, бываетъ гонимъ существенною поскою, пьешъ соленую воду для утоленія жажды, и за минутные восторги плашишъ долговременною

мукою — воспорги, копорые дѣлаюшся рѣже и рѣже, болѣе и болѣе изнуряюшъ душу, и усиливая въ ней *алчность къ наслажденіямъ*, ослабляюшъ ея *способность наслаждаться*. Несчастный Таншаль естъ образъ человека, копорый служишъ шакъ называемымъ *сильнымъ страстямъ*, искусственнымъ фаншомамъ нашего воображенія; копорый, на примѣръ, какъ Сафо хочешъ любишъ съ испушленіемъ, не для природной цѣли любви, не для того, чшобы найши вѣрную, крошкую сопушницу въ жизни, но для безпрешанныхъ воспорговъ; копорый, пришупивъ чувшва свои однимъ предметомъ, спѣшишъ оживишъ ихъ другимъ; или копорый, имѣя ненасышное честшлюбіе Александра, лешишъ за лаврами на край свѣша, черезъ кровавыя рѣки, черезъ шрупы людей, вмѣсто того, чшобы заслужишъ истинную, надежную славу благодѣяніями, добродѣшельною жизнью, шамъ, гдѣ Судьба произвела его на свѣшъ; или копорый собираешъ не для того, чшобы жишъ, но живешъ для того, чшобы собирашъ; ошказываешся ошъ настоящихъ удовольствій для будущихъ, ошъ вѣрныхъ для невѣрныхъ, и долженствуюя пріобрѣшеніемъ обезпечишъ жизнь свою, наполняешъ ее заботаши для пріобрѣшеній. — Нѣшъ, нѣшъ! Природа не виноваша, ешшли мы несчастливы и врожденныя склонности, испочникъ вѣрныхъ благъ, превращаемъ въ испочникъ золъ, вопреки ея доброму намѣренію. «Человекъ долженъ бышъ шворцомъ «своего благополучія, приводя спрасши въ

«щасливое равновѣсіе, и образуя вкусъ для
«истинныхъ наслажденій.

Мелодоръ.

Но естли я не нахожу для себя хорошей пищи, то съ самымъ прекраснымъ вкусомъ могу ли наслаждаться? Признайся, что крестьянинъ, живущій въ своей темной, смрадной избѣ, или Камчадалъ, кошорый вокругъ себя не видишь ничего, кромѣ спѣжныхъ равнинъ и холмовъ, и въ низкой хижинѣ своей задыхается опъ дыму, не можешъ найши много удовольствій въ жизни.

Филалетъ.

Однакожь находишь ихъ. Крестьянинъ любилъ свою жену, своихъ дѣшей; радуется, когда идешъ дождь во-время; радуется благополучному ведру, полношъ жишницъ своихъ и щедрой наградѣ за шруды его. У Камчадала шакже естъ сердце, кошорому извѣстны пріятныя движенія чувствительности; онъ любилъ своихъ домашнихъ, любилъ звѣриную ловлю, и съ удовольствіемъ кашился домой на обледенѣлыхъ лыжахъ своихъ, воображая шепло, опдыхъ, поцѣлуй жены и... рыбій жиръ на шполѣ. — Истинныя удовольствія равняютъ людей. Великій Моголъ и послѣдній рабъ его ушопляюшъ голодъ и жажду съ одинакою пріятностію. Богачъ изъ огромныхъ палащъ своихъ, гдѣ великолѣпіе и скука ушопили душу его, сходишъ по мраморной лѣспницѣ опдохнушъ

на зеленомъ лугу, на чистомъ воздухѣ, и взглянушъ на алую вечернюю зарю; онъ сядишъ на правѣ..... подлѣ бѣднаго земледѣльца, копорый также покоишся, также легко дышешъ, и шѣми же предметами наслаждаешся: они оба шеперь равны.—Арисъ, молодой вельможа, говоришъ: «первая блаженная минуша въ жизни моей!» Что привело его въ такое восхищеніе? Онъ стоишъ на колѣняхъ передъ обожаемою имъ женщиною, и въ первый разъ слышалъ ошъ нее магическое слово: *люблю!* Въ самую ту же минушу какой нибудь сельской красавецъ щастливъ нѣжнымъ признаніемъ какой нибудь сельской красавицы, признаніемъ ея взаимной къ нему склонности. Чувства знашнаго любовника и молодаго крестьянина шеперь одинаковы.—Ты знаешъ Клеона, копорый испощаетъ всѣ хитрости роскоши для того, чшобы менѣе скучашъ въ жизни; копорый спитъ на розахъ и просыпаетъ ошъ звуковъ Гайденовой музыки: часпо, завернувшись въ плащъ, украдкою выходишъ онъ изъ великолѣпнаго своего дому и бѣгаетъ по улицамъ въ то время, когда шумишъ осенняя буря, когда дождь льетъ изъ облаковъ рѣками — для чего? чшобы успавъ и промокнувъ насквозь, возвратишся домой, сѣсшъ передъ каминомъ и сказашъ: «какъ пріятенъ огонь въ ненастное время!» Въ самой тошъ же часъ бѣдный дровосѣкъ сушишся передъ огнемъ въ хижинѣ своей и чувствуешъ его пріятность не менѣе Клеона. — Вся разница состоишъ

въ нѣкоторыхъ опшѣнкахъ; но Провидѣніе и
Нашура въ общемъ раздѣлѣ истинныхъ удо-
вольствій никого не обдѣляютъ. Знаешь ихъ
цѣну, есть искусство и вѣнецъ науки жить!
Не все то легко, что кажется просто; и ча-
сто всего менѣе умѣемъ мы употреблять тѣ
вещи, которыя у насъ изъ рукъ не выходятъ.
Такъ любопытной, безпокойной человѣкъ оста-
вляется тихой, родительской кровъ, свое оше-
щество — спростываетъ по чужимъ землямъ,
переплываетъ бурные Океаны, чтобы наконецъ
очутишься опять на милой своей родинѣ, и
сказать: щастливъ, щастливъ пошъ, кто
умираешь, гдѣ родился,

Sans changer de toit, ni d'amour!»

Нашура и сердце — вошъ гдѣ надобно ис-
кать истинныхъ пріятностей, истиннаго воз-
можнаго благополучія, которое должно быть
общимъ добромъ человѣчества, не собсвенно-
стію нѣкоторыхъ избранныхъ людей: иначе
мы имѣли бы право обвинять Небо приспра-
спіемъ. Не всѣмъ можно завоевать Индію; не
всѣмъ можно властвовать надъ людьми; не
всякой можешь блистать въ свѣтѣ и кружить
головы моднымъ красавицамъ; не для всякаго
работаютъ въ золотыхъ минахъ и плывутъ
корабли изъ Бразиліи: слѣдственно не въ лав-
рахъ Александра, не въ миршахъ Альцибіада,
не въ сокровищахъ Крезовыхъ заключило Небо
возможное щастіе для смертныхъ. Но для вся-

каго Природа величественна и прекрасна въ своемъ разнообразіи, въ своихъ ежегодныхъ и ежедневныхъ измѣненіяхъ; вездѣ съ машинскою нѣжностію питаетъ она пшеницы и человека; всякой можетъ имѣть свѣтлую хижину, доброе имя, покойную совѣсть; всякой можетъ любить — любить своихъ родныхъ, семейство, друзей: вошъ истинное благополучіе, которое соединяетъ всѣхъ людей; которое Царю и земледѣльцу даетъ чувствовать, что они братья, дѣти одного Отца, рожденные съ одинакими сердцами, съ одинакими способностями для наслажденія!

Мелодоръ.

Философія твоя довольно утѣшительна; только ей не многіе повѣрятъ.

Филалетъ.

Думаю; но истина останется въ своей цѣнѣ — истина, что всѣ особенныя, случайныя, искусственныя удовольствія не стоятъ общихъ, природныхъ; и что можно быть счастливымъ и несчастливымъ во всѣхъ состояніяхъ, шѣмъ и другимъ отъ себя, отъ умѣнья или неумѣнья пользоваться жизнью, отъ хорошаго или дурнаго расположенія сердца. Natura позволяетъ Искусству, какъ своему Министру, раздавать нѣкоторыя легкія пріятности людямъ; но существенныя, и самыя живѣйшія, раздаетъ она сама — Царица.

Мелодоръ.

Положимъ, что во всякомъ состояніи чело-
вѣкъ можешь найти розы удовольствія; но
гдѣ же такое, въ кошоромъ бы онъ могъ у-
крыться отъ пернія горесшей, отъ бѣдспвій,
неразлучныхъ съ жизнію?

Филалетъ.

Существенныхъ бѣдспвій въ самомъ дѣлѣ
очень немного: тѣлесное спраданіе, потеря
физической вольности, и болѣе ничего вообра-
зить не умѣю. Трезвость, умѣренность можешь
насъ предохранить отъ болѣзней, а честная,
нравственная, благоразумная жизнь отъ те-
мницы. Ты скажешь, что самые презвые люди
бываютъ подвержены болѣзнямъ, самые добро-
дѣтельные заключающа иногда въ цѣпи: со-
гласись, что это чрезвычайность — въ такомъ
случаѣ оспасаемся намъ терпѣньемъ, надѣяясь
и взираемъ на небо, гдѣ живетъ нашъ
общій, нѣжный Отецъ: Онъ видитъ спрада-
ніе дѣшей Своихъ, и не позволилъ ему пре-
зойти мѣру терпѣнія. Къ тому же.... ты
удивишься; но я скажу по чувству души мо-
ей..... скажу, что въ самомъ несчастіи можно
найти нѣкошорое услажденіе. Силою души
своей превозмогаешь болѣзнь тѣлесную; покой-
ною ясностію сердца освѣщаешь мракъ темни-
цы, есть нѣчто святое, божественное, крош-
ко-восхищательное... Минихъ, во глубинѣ Си-
бири, въ хижинѣ, занесенной снѣгомъ, благо-
дарилъ Небо за твердость души своей, и про-

ливалъ слезы умиленія, которыхъ сладость была ему неизвѣстна среди придворнаго блеска и пышности. — О какихъ другихъ несчастіяхъ будешь говорить мнѣ? О бѣдности? Но у меня есть руки и сердце: я найду себѣ пропитаніе, найду удовольствіе, неизвѣстныя многимъ богачамъ въ ихъ изобиліи. Сколько людей съ потерей имѣнія выучились наслаждаться жизнью, собою, своими душевными и плѣсными силами, гораздо болѣе, нежели прежде? Я недавно читалъ въ Нѣмецкомъ Журналѣ объ одномъ Французскомъ Эмигрантѣ, который былъ некогда знаменъ и богатъ въ своемъ опечесствѣ, а теперь.... шьетъ башмаки въ Веймарѣ. Жалѣешь ли объ немъ? Нѣтъ, онъ совершенно доволенъ своимъ состояніемъ, работаетъ прилѣжно, весело; поетъ *водевили* и философствуетъ какъ Сократъ о пріятностяхъ трудолюбія. — Мы, мы сами составляемъ тысячу оправъ для жизни своей; смотримъ въ микроскопъ на всякую непріятность, и кричимъ, что свѣтъ наполненъ бѣдствіями. Я видѣлъ Н. погруженнаго въ самую глубокую печаль отъ того, что одинъ вельможа взглянулъ на него косо — М. двѣ ночи не спалъ, два дни не говорилъ веселаго слова, отъ того, что одна гордая свѣтская женщина назвала его скучнымъ — Стихотворецъ Ф. едва не бросился въ воду, отъ того, что одинъ спрогой Журналистъ нашелъ въ его стихахъ болѣе дурнаго, нежели хорошаго. Такіе люди имѣютъ ли право винить Натуру и судьбу челове-

скую? Ихъ мученіе не есть ли плодъ ихъ безразсудности? Можно ли назвасть его бѣдствіемъ, неразлучнымъ съ жизнью?

Мелодоръ.

Но лишишься того, что дѣлало меня истинно-щасливымъ, не есть ли бѣдствіе? На примѣръ, ты самъ говоришь, что для благополучія жизни надобно любить: когда же любовь моя осиротѣетъ.....

Филалетъ.

Горестъ тогда необходима; но она есть для души то же, что болѣзнь для тѣла: душа всячески спремится выйти изъ такого чрезвычайнаго положенія, и наконецъ выйдетъ. Не только безконечная, но и продолжительная горестъ не естественна, вопреки всѣмъ психическимъ элегіямъ. Природа милосивѣе Спихотворцевъ: у нихъ всегда на языкѣ вѣчность; но въ ея лексиконѣ нѣтъ эпова слова. Видя оскорбленную нѣжность, она тотчасъ посылаетъ къ ней лекаря (время), который извлекаетъ изъ сердца ядъ болѣзни — сперва быстрыми ручьями слезъ, а послѣ тихими вздохами. — Горестъ, глубокая, истинная горестъ есть чрезвычайный феноменъ: рѣдко дѣлаетъ она людей несчастными. Но обыкновенный бичъ сердца есть дурной нравъ и скука.

Мелодоръ.

Что разумѣешь ты подъ дурнымъ нравомъ?

ФИЛАЛЕТЪ.

Какое-то мрачное расположеніе души, которое мѣшаетъ намъ пользоваться жизнію, и которое происходитъ отъ безпокойнаго желанія имѣть, чего не имѣемъ — отъ презрѣнія къ тому, что у насъ есть. Истинный Философъ или (что все одно) истинно-благоразумный человѣкъ смотришь на міръ съ того мѣста, на которое онъ поставленъ судьбою; ищешь удовольствій на своемъ горизонтѣ, вокругъ себя; пользуешься тѣмъ, что у него подъ рукою; знаешь, что всякое состояніе въ гражданскомъ обществѣ имѣетъ свои пріятности и непріятности, и для того покойно отдыхаешь въ своемъ, не завидуя никому; знаешь, что Тиберій въ Капрѣ, обладая сокровищами цѣлаго свѣта, былъ несчастливѣе Камчадала *; знаешь, что будущее не вѣрно, и для того располагаешь только настоящимъ. Пусть всякой имѣетъ такіа чувства, и дурной нравъ перестанетъ темнить предметы вокругъ насъ!

МЕЛОДОРЪ.

А какое лекарство предпишешь отъ скуки?

ФИЛАЛЕТЪ.

Она всего болѣе мучитъ тѣхъ людей, копо-

* Тацитъ сохранилъ слѣдующее письмо его къ Римскимъ Сенаторамъ: «О чемъ пишу къ вамъ, опцы именитые? и какъ? самъ не знаю; и лучше хотѣлъ бы спрашивать, нежели чувствовать такое расслабленіе, такое но я ничего не чувствую.»

рые по связямъ гражданского общества выходяшъ изъ-подъ закона естественнаго. *Нашура* даетъ намъ силы для того, чшобы ими дѣйствовать; готовишъ, шакъ сказаши, для жизни человѣческой только первые матеріалы, чшобы мы сами ихъ обрабатывали. *Трудись, живи и наслаждайся*, есть ея предписаніе. Земледѣлецъ, ремесленникъ повинуется ему, работаетъ и не знаетъ скуки; *трудъ, отдыхъ, забава*, какъ три главныя эпохи жизни его, непосредственно соединяющіяся между собою, и не оставляющія въ ней никакой пустоты. Но люди, рожденные въ изобиліи, въ излишествѣ всего нужнаго для физическаго бытія; люди праздные живутъ прошивъ своего назначенія, прошивъ естественной цѣли, и за усыпленіе силъ своихъ, данныхъ имъ для дѣйствія, наказываются скукою, всегдашнимъ безпокойнымъ чувствомъ, которое тревожитъ, томитъ, изнуряетъ ихъ, и которое можно назвать душевною чахоткою. Чшобы избавишся отъ такой мучительной болѣзни, они должны возвратишся къ Природѣ, и произвольно опдашся подъ ея законъ, который велишъ *жить и работать*; надобно, чшобы *трудъ, отдыхъ, забава*, были также тремя главными эпохами жизни ихъ. Всякой занимайся чѣмъ нибудь; избери для себя должность въ общежитіи, съ которою сопряжена дѣятельность; или трудися по волѣ, сообразно съ своимъ вкусомъ, склонностями, дарованіями, но имѣя въ виду какую нибудь пользу, шакъ какъ *Нашура* не

дѣлаешь ничего безъ цѣли. Работа есть соль удовольствій, и безъ будней нѣтъ праздника. Упошребивъ на трудъ пять, шесть часовъ въ день, мы живо чувствуемъ пріятность бездѣйствія, отдыха, дружеской бесѣды, веселаго разговора, забавы, чтенія, музыки, прогулки. Кто всякой день пользуется своими физическими и душевными силами, всякой день дышетъ чистымъ воздухомъ подъ небеснымъ кровомъ, любитъ красоты Природы, Изящныя Искусства, книги: тотъ конечно никогда не будетъ боленъ скукою. *Дѣятельность, отдыхъ, забава*: вотъ мой девизъ!

Мелодоръ.

Ты говоришь, что во всякомъ состояніи можно быть счастливымъ — положимъ — но въ какомъ легче? Какое избралъ бы ты для себя по собственнѣйшей волѣ, если бы Судьба изъ урны своей высыпала передъ тобою всѣ жребіи?

Филалетъ.

Самое ближайшее къ Природѣ: состояніе независимаго земледѣльца, который умѣреннымъ трудомъ могъ бы доставлять себѣ не только нужное для пропитанія, но и нѣкоторыя удобства въ жизни; могъ бы имѣть свѣтлую хижинку, маленькій садикъ, умъ для вниманія къ премудрымъ дѣйствіямъ Природы и чувствительное сердце для любви къ милой подругѣ. Но какъ, по шеперешнему учрежденію граж-

данскихъ обществъ, едва ли не напрасно будемъ искапъ шакихъ земледѣльцевъ: по самое лучшее есть для меня среднее соспояніе, между изобиліемъ и недоспашкомъ, между знаніемъ и униженіемъ — пвос, мое. Смпотря на великолѣпныя палашы, думаю: «здѣсь чувспво слишкомъ изнѣжено для сильнаго наслажденія!» Глядя на крестьянскую хижину, говорю себѣ: «здѣсь чувспво слишкомъ грубо для нѣжныхъ наслажденій!» Но красивой, чистенькой домикъ всегда предспавляетъ моему воображенію каршину возможнаго щаспія, особливо, когда вижу на окнѣ цвѣшы, а подѣ окномъ... миловидную женщину, за рукодѣльемъ, за книгою, за арфою. Тамъ, кажется мнѣ, живешъ любовь и дружба, споксйспвіе и душевная веселоспъ; тамъ умѣюпъ наслаждапсъя Природою, Искусспвомъ и всѣми испинными земными благами.

Мелодоръ.

Еще одно возраженіе: можешъ ли доброе сердце споксйно наслаждапсъя чѣмъ нибудь, погда, какъ вокругъ его свирѣпспвуютъ развращенныя спраспи, порокъ и злоба? Ты оправдываешъ Нашуру, доказывая, что всѣ склонности, съ копорыми она производитъ насъ, въ основаніи своемъ хороши и щаспливы; но къ чему же люди обращаюпъ ихъ?... Могу ли я, на примѣръ, восхищатъся великолѣпною каршиною ушра и восходящаго солнца, думая, что оно пробуждаешъ милліоны изверговъ, ко-

шорые въ печеніе дня будущъ только выискивать новыя средства мучить, терзать слабыхъ, неосторожныхъ, чувствительныхъ?.... Я хотѣлъ бы любить подобныхъ мнѣ; спремлюся къ нимъ душою... но встрѣчаю злодѣевъ и долженъ ихъ ненавидѣть! Одна эша мысль не естъ ли горькая ошрава для всѣхъ удовольствій добраго сердца?

Филалетъ.

Любезный другъ! чернишь нравственный міръ, изливать на людей желчь ненависти, многіе почишаютъ Философіею; но сохрани насъ Богъ отъ язвы, голода и такой Философіи! Люди дѣлаютъ много зла — безъ сомнѣнія — но злодѣевъ мало; заблужденіе сердца, безразсудность, недосшапокъ въ просвѣщеніи, виною дурныхъ дѣлъ. Предложи человеку быть щасливымъ и добрымъ, или быть щасливымъ и злымъ: кто не избересть перваго? Слѣдственно добро само по себѣ любезно всѣмъ сердцамъ. Люди дѣлаютъ зло, надѣясь имѣть черезъ то нѣкошорыя выгоды въ жизни; но премудрый Творецъ соединилъ съ нимъ внутреннее неудовольствіе, стыдъ, страхъ, кошорыя вмѣшивающъ ядовитую горечь во всѣ удовольствія. Злой боится, чшобы его не узнали; долженъ безпрестанно скрывать себя; основавъ свою пользу на вредъ другихъ, онъ сдѣлался ихъ непріателемъ: и такъ, окруженный врагами, можешь ли быть спокоенъ? Не будучи спокойнымъ, можешь ли быть щасливымъ? —

Слѣдствѣнно мы дѣлаемъ зло только ошибкою, надѣясь найти въ немъ то, что съ нимъ не совмѣстно; слѣдствѣнно дурной человѣкъ есть несчастный, наказываемый судьбою и сердцемъ своимъ — будемъ жалѣть объ немъ безъ ненависти! Совершенной злодѣй или человѣкъ, кошорой любвишь зло для того, что оно зло, и ненавидишь добро для того, что оно добро, есть едва ли не дурная приищическая выдумка, по крайней мѣрѣ чудовище внѣ Природы, существо неизъяснимое по естесствѣннымъ законамъ.

Вотъ мое заключеніе, вся моя система въ короткихъ словахъ: «Возможное земное щасіе
«состоитъ въ дѣйствіи врожденныхъ склон-
«ностей, покорныхъ разсудку — въ нѣжномъ
«вкусѣ, обращенномъ на Природу — въ хоро-
«шемъ употребленіи физическихъ и душевныхъ
«силъ. Безпрестанное наслажденіе такъ же
«невозможно, какъ безпрестанное движеніе;
«машину надобно заводишь для хода, а работа
«заводишь душу для чувства новыхъ удоволь-
«ствій. Быть щастливымъ, есть быть вѣр-
«нымъ исполнишелемъ естесствѣнныхъ му-
«дрыхъ законовъ; а какъ они основаны на об-
«щѣмъ добрѣ и прошивны злу, то быть щаст-
«ливымъ есть.... быть добрымъ.»

г. 1797.

МОЯ ИСПОВѢДЬ.

Письмо къ Издателю Журнала.

=

Признаюсь вамъ, государь мой, что я не читаю вашего Журнала, а желаю, чтобы вы помѣстили въ немъ мое письмо. Для чего? самъ не знаю. Болѣе сорока лѣтъ живу на свѣтѣ, и никогда еще не давалъ себѣ отчета ни въ желаніяхъ, ни въ дѣлахъ своихъ. Великое слово такъ было всегда моимъ девизомъ.

Я намѣренъ говорить о себѣ: вздумалъ и пишу — свою исповѣдь, не думая, пріятна ли будетъ она для Чашапелей. Нынѣшній вѣкъ можно назвать вѣкомъ откровенности въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ: взгляните на милыхъ нашихъ красавицъ!... Нѣкогда люди прятались въ темныхъ домахъ и подъ щипомъ высокихъ заборовъ. Теперь вездѣ свѣтлые дома и большія окна на улицу: просимъ смолчать! Мы хотимъ жить, дѣйствовать и мыслить въ прозрачномъ стеклѣ. Нынѣ люди путешествуютъ не для того, чтобы узнать и вѣрно описать другія земли, но чтобы имѣть случай поговорить о себѣ; нынѣ всякой сочинитель Романа спѣшитъ какъ можно скорѣе сообщить свой образъ мыслей о важныхъ и неважныхъ

*

предмешахъ. Сверхъ того сколько выходишь книгъ подъ пшшломъ: мои опыты, тайный журналъ моего сердца! Чшо за перо, шо и за искреннее признаніе. Какъ скоро нѣтъ въ чловѣкѣ спаромоднаго варварскаго спыда, шо всего легче бышь *Авторомъ исповѣди*. Тупѣ не надобно ломашъ головы; надобно только вспомнишь проказы свои, и книга гошова.

Однакожь не думайше, чшобы я хопѣлъ оправдывашься примѣрами: нѣтъ, такая мысль оскорбительна для моего самолюбія. Слѣдую только собственному движенію, и замѣчаю мимоходомъ, чшо оно нѣкопорымъ образомъ согласнo съ общимъ; но сохрани меня Богъ казашься рабскимъ подражателемъ! Для того, въ прошивность всѣмъ *исповѣдникамъ*, напередъ сказываю, чшо *признанія мои* не имѣюшъ никакой нравственной цѣли. Пишу — такъ! Еще и другимъ опшлчусь опѣ моихъ собратій-Авторовъ, а именно, крашкостію. Они умѣюшъ расплодитъ самое ничто: я самые важные случаи жизни своей опишу на листочкѣ.

Начну увѣреніемъ, чшо Напура произвела меня совершенно особеннымъ чловѣкомъ, и чшо Судьба всѣ случаи жизни моей запечатлѣла какою-то опмѣнною печатію. На примѣръ, я родился сыномъ богашаго, знашнаго господина, и выросъ шалуномъ! дѣлалъ всякія проказы, и не былъ сѣченъ! выучился по-Французски, и не зналъ народнаго языка своего! игралъ десяти лѣтъ на шеашрѣ, и въ пяшнад-

цашъ лѣтъ не имѣлъ идеи о должностяхъ человека и гражданина!

На шестнадцатомъ году дали мнѣ изрядный чинъ и отправили меня въ чужіе края, не сказавъ, для чего. Правда, что со мною поѣхалъ Гофмейстеръ, Женевецъ (прошу замѣшишь, а не Французъ, потому что въ это время Французскіе гувернеры въ знашныхъ домахъ нашихъ выходили уже изъ моды), которому даны были всѣ нужныя наставленія. Господинъ Мендель зналъ, къ чему по большій части гошовишся знашной молодой человекъ, а всего болѣе зналъ свои выгоды — и поступалъ со мною въ слѣдствіе своего благоразумнаго плана. Надобно опдашь ему справедливостъ: онъ любилъ искренностъ, и немедленно со мною объяснился. «Любезный Графъ!» сказалъ мнѣ Гофмейстеръ: «Природа и Судьба уговорились сдѣлашь тебя образцомъ любезности и щастія; ты прекрасенъ, уменъ, богатъ и знашенъ: довольно для блестящей роли въ свѣтѣ! все прочее не стоишь труда. Мы ѣдемъ въ Лейпцигской Университетъ; родишели швои, слѣдуя обыкновенію, желаюшь, чшобы ты украсилъ разумъ свой знаніями, и поручили тебя моему смотрѣнію: будь спокоенъ! я родился въ Республикѣ и ненавижу тиранство! Надѣюсь только, что моя снисходительностъ заслужишь со временемъ швою признательностъ. «Я обнялъ его, и обѣщалъ ему такую пенсію, какая не всегда дается и Министру за долготѣшнюю службу.

Пріѣхавъ въ Лейпцигъ, мы спѣшили познакомишься со всѣми славными Профессорами — и Нимфами. Гофмейстеръ мой имѣлъ великое уваженіе къ первымъ и маленькую слабость къ послѣднимъ. Я взялъ его себѣ за образецъ — и мы однимъ давали обѣды, другимъ ужины. Часы лекцій казались мнѣ минушою, отъ того, что я любилъ дремать подъ каедрою Докторовъ, и не могъ ихъ наслушаться, отъ того, что никогда не слушалъ. Между шѣмъ Господинъ Мендель всякую недѣлю увѣдомлялъ моихъ родителей о великихъ успѣхахъ дражайшаго сына ихъ, и цѣлыя страницы наполнялъ именами наукъ, копорымъ меня учили.

Наконецъ, проживъ три года въ Лейпцигъ, мы отправились путешествовать, нанявъ Секретаря для описанія любопытныхъ предметовъ, ибо Г. Мендель былъ лѣнивъ. Родители мои изъ каждаго города получали отъ насъ толстые пакеты, не могли нарадоваться умными замѣчаніями своего сына, и съ гордостью чинили ихъ нашимъ родственникамъ. Я не виноватъ былъ ни въ одной шпрукѣ, уполномочивъ Секретаря своего философствовать вмѣсто меня (къ щастію, рука его совершенно на мою походила); но къ нѣкоторымъ его описаніямъ прибавлялъ отъ себя выразительныя каррикатуры: произведеніе единственнаго таланта, даннаго мнѣ Нашурою!

Однакожь я надѣлалъ много шуму въ своемъ путешествіи — шѣмъ, что, прыгая въ конспрдансахъ съ важными дамами Нѣмецкихъ Кня-

жескихъ Дворовъ, нарочно ронялъ ихъ на землю самымъ неблагоприспѣйнымъ образомъ; а всего болѣе шѣмъ, что съ добрыми Каполика-ми цѣлуя шуфель Папы, укусилъ ему ногу, и засшавилъ бѣднаго спарика закричать изо всей силы. Эша шушка не прошла мнѣ даромъ, и я высидѣлъ нѣсколько дней въ крѣпости Св. Ангела. Обыкновенная же забава моя дорогою была — спрѣлять бумажными шариками, изъ духоваго писполеша, въ спину посшильйонамъ!

Въ Парижѣ я вошелъ въ связь со многими изъ славныхъ вѣпренниковъ, и нашелъ способъ удивить ихъ какъ смѣлою своею философіею, такъ и всѣми тонкостями *языка повѣсѣ*, всѣми его техническими выраженіями, заимствованными мною по большей части отъ Господина Менделя, кошорый служилъ нѣкогда домашнимъ Секретаремъ Герцогу Ришельё. Будучи введенъ въ нѣкоторыя хорошіе дома, я имѣлъ случай узнать и славнѣйшихъ Французскихъ остроумцевъ; слышалъ однажды чтеніе Лагарповой Меланіи, хвалилъ безъ памяти шаланшъ Авшора, и послѣ свѣдалъ, что онъ въ письмѣ своемъ къ одному знашному человѣку въ П* (безъ сомнѣнія изъ благодарности) описывалъ меня рѣдкимъ молодымъ человѣкомъ, рожденнымъ для чести и славы опечесшва. Я имѣлъ щасіе бытъ представленъ Герцогу Орлеанскому, ужиналъ съ его избранными друзьями и раздѣлялъ забавы ихъ, достойныя кисти новаго Пепронія.

Надобно было видѣть Англію: подобно Аль-

цибіаду, я спалъ другимъ человѣкомъ въ другой землѣ, и пилъ такъ усердно съ Британцами, что черезъ мѣсяцъ слегъ въ постелю. Пользуясь временемъ моего выздоровленія, я сдѣлалъ каррикатуры на всю Королевскую Фамилію — и Лондонскіе Журналы говорили объ нихъ съ великою похвалою.

Возвращеніе силъ моихъ было горестно для Господина Менделя: мнѣ вздумалось сполкнущъ его съ лѣспинцы, за то, что ему вздумалось приласкаться къ моей Дженни. Нежная Англичанка упала въ обморокъ, между тѣмъ, какъ мой Гофмейстеръ считалъ головою ступени. Однакожь увѣряю Чипашеля, что сердце мое совсѣмъ не способно къ ревности: это минувшее движеніе было конечно слѣдствіемъ моей болѣзни. Господинъ Мендель распался со мною. Мы оба уведомили моихъ родителей о нашемъ разрывѣ; онъ называлъ меня шалуномъ, а я описывалъ его недостойнымъ имени Гофмейстера. И то и другое могло быть справедливо; но мамушка одному мнѣ повѣрила, а бапюшка согласился съ нею.

Наконецъ я возвратился въ опечесство, гдѣ лавры и мирты ожидали меня. Въ головѣ моей не было никакой ясной идеи, а въ сердцѣ никакого сильнаго чувства, кромѣ скуки. Весь свѣтъ казался мнѣ безпорядочною игрою Китайскихъ шѣней, всѣ правила уздою слабыхъ умовъ, всѣ должности несноснымъ принужденіемъ. Ласки родителей не сдѣлали въ холодной душѣ моей никакого впечатлѣнія; но зная

выгоды человека, образованнаго въ чужихъ земляхъ, я снѣшилъ поразишь умы соотечественниковъ разными странностями, и съ удовольствіемъ видѣлъ себя истиннымъ законодательствомъ столицы. Мореплавателъ во время бури не смотришь съ такимъ вниманіемъ на магнитную стрѣлку, съ какимъ молодые люди на меня смотрѣли, чтобы во всемъ соображаться со мною. Я вездѣ какъ въ зеркалѣ видѣлъ себя съ ногъ до головы: всѣ мои движенія были срисованы и повпорены съ величайшею вѣрностію. Это забавляло меня до крайности. Но главнымъ моимъ предметомъ были женщины, копорыхъ лестное вниманіе открывало мнѣ обширное поле дѣятельности. Здѣсь не могу удержаться отъ нѣкоторыхъ философическихъ разсужденій. *Влюбленность* — извините новое слово: оно выражаетъ вещь — влюбленность, говорю, есть самое благодѣтельное изобрѣтеніе для свѣта, копорый безъ нее походилъ бы на монастырь Лаптрапскій. Но съ нею молодые люди наипрекраснѣйшимъ образомъ занимають пустошу жизни. Открывая глаза, знаешь, о чемъ думаешь; являясь въ обществахъ, знаешь, кого искаешь глазами; все имѣешь цѣль свою. Правда, что мужья иногда досадують; что жены иногда дурачатся отъ ревности; но мы заняты — а это главное! Съ одной стороны искусство нравиться, съ другой искусство припворяться и самого себя обманывать, не дають засыпать сердцу. Часто выходить безпорядокъ въ семействахъ; но онъ имѣетъ свою

пріятность. Сцены обморока, опчаянія, для знамоковъ живописны. *Sauve qui peut!* всякой о себѣ думай — и довольно!

Будучи моднымъ прелестникомъ, я имѣлъ щасліе поссорить многихъ короткихъ пріятельницъ между собою, и развесить не одну жену съ мужемъ. Всякая соблазнительная исторія болѣе и болѣе прославляла меня. О характерѣ моемъ говорили ужасы: это самое возбуждало любопытство, которое дѣйствуетъ весьма живо и сильно въ женскомъ сердцѣ. Система моя въ любви была самая надежная: я ширанилъ женщинъ, по холодностію, по ревностію; являлся не прежде десяти часовъ вечера на любовное дежурство, садился на *оттоманъ*, зѣвалъ, пилъ Гофмановы капли, или начиналъ хвалишь другую женщину; тайная досада, упреки, слезы веселили меня, недѣлшесъ, иногда гораздо долѣе; наконецъ слѣдовалъ разрывъ связи — и новый миршовой вѣнокъ падалъ мнѣ на голову. Справедливостъ требуетъ отъ меня признанія, что не всѣ красавицы были моими Дидонами: нѣтъ, одна изъ нихъ, вышедши изъ терпѣнія, осмѣлилась указать мнѣ двери. Я былъ въ опчаяніи, и на другой день представилъ ее въ живой каррикатурѣ: заставилъ всѣхъ смѣяться, и самъ ушѣшился.

Вдругъ пришло мнѣ на мысль жениться, не столько въ угожденіе мащери (оща моего уже не было на свѣшѣ), сколько для того, чтобы завесить у себя въ домѣ благородный спектакль,

который могъ служить для меня пріятнымъ разсѣяніемъ среди трудныхъ обязанностей моднаго человѣка. Я выбралъ прекрасную небогатую дѣвушку (хорошо воспитанную въ одномъ знашномъ домѣ), надѣясь, что она изъ благодарности оставитъ меня въ покоѣ, и въ сихъ мысляхъ общался на другой день ужинашъ, по обыкновенію, съ глазу на глазъ съ рѣзвою Алиною, которая тогда занимала меня своею любезностію. Вышло напрошивъ. Эмилія изъ благодарности считала за долгъ бытъ нѣжною, спрасшною женою; а нѣжность и спрасшъ всегда ревнивы. Философія моя заспавляла ее плакашъ, рвашъся: я вооружился терпѣніемъ, смолчѣлъ, слушалъ равнодушно; игралъ ея шалью — и зѣвалъ, воображая, что бури не продолжительны, особливо женскія. Въ самомъ дѣлѣ Эмилія мало по малу приходила въ разсудокъ, утихала, и спановилась гораздо милѣе; томные взоры ея развеселялись, и легкіе упреки произносились уже въ полголоса, даже съ улыбкою. Наконецъ я совершенно увѣрился въ исправленіи жены моей, видя вокругъ ее толпу искашелей. Домъ нашъ сдѣлался опъ того гораздо пріятнѣе: Эмилія перестала грубишъ молодымъ женщинамъ, и всячески спаралась заслужишъ имя любезной хозяйки. Мы набрали къ себѣ въ домъ Италіянскихъ Каспашовъ; играли Оперы, Комедіи; давали маленькіе балы, большіе ужины — подписывали счешы, но никогда не считали — занимали деньги, и никогда не имѣли ихъ — однимъ словомъ, жили прекрасно!

Одна мать моя, у которой отъ старости испортился нравъ, была недовольна, и часто упрекала меня въпреною безразсудностію; говорила, что мы разоряемся; говорила даже, что Эмилія дурно ведешь себя! Но я — зѣвалъ, и, какъ должно хорошему сыну, совѣщивалъ ей беречь свое здоровье, по ешь, не сердись. Она не хотѣла послушаться, и прежде времени отправила на шопъ свѣтъ. Бѣдная! Мы пожалѣли объ ней — шѣмъ искреннѣе, что ея смерть на нѣсколько мѣсяцевъ распроила наши спектакли.

Скоро въ хозяйствѣ нашемъ открылись маленькія непріятности: иногда, наканунѣ большаго ужина, дворецкой сказывалъ мнѣ, что у него нѣтъ ни рубля на расходъ, и что онъ нигдѣ не могъ занять денегъ. Въ такомъ случаѣ я обыкновенно выгонялъ его изъ комнаты — и ужинъ бывалъ прекрасной. Являлись добрые люди съ поварями: одни продавали мнѣ на вексель, другіе въ ту же минуту покупали у меня на чистыя деньги, и дѣло было съ концомъ. Но время отъ времени встрѣчалось болѣе трудностей, и часто за вексель въ тысячу рублей давали мнѣ только дюжинъ шесть помады! Увѣдомляю Читателя, что искусные люди, которыхъ профаны называютъ росповщиками, знаютъ наизустъ всѣ нужды и всѣ коммерческіе способы богачей мотовъ; взявъ карандашъ въ руку, они въ минуту исчислятъ, во сколько лѣтъ, мѣсяцевъ, дней и часовъ такой-то останется безъ души Христі-

анской; по сему вѣрному расчету служатъ ближнему дѣятельно, усердно, и рѣдко обманываются. Наши опечиственные лихоимцы прежде всѣхъ другихъ оставляютъ человека на славномъ и широкомъ пути разоренія, подобно меланхолическимъ Докторамъ, которые слишкомъ рано осуждаютъ больныхъ на смерть; они отдаютъ его на руки иностраннымъ ростовщикамъ: Нѣмцы уступаютъ мѣсто Французамъ, Французы Италіянцамъ, Италіянцы Грекамъ: въ эту послѣднюю эпоху рубль мота ходитъ уже въ копѣйкѣ. Я спокойно прошелъ сквозь всю Жидовскую фалангу, и стоялъ уже на послѣдней ступени. Имѣніе мое записывали, продавали съ публичнаго торгу; но я все еще не унывалъ, и въ самой потѣ день, какъ меня выгнали изъ дому, думалъ играть главную ролю въ Комедіи *Безпечнаго*. Жестокіе заимодавцы не хотѣли видѣть спектакля — и мнѣ надлежало искать убѣжища въ домѣ одного моего родственника.

Есѣли Чипашель удивился, что семь или восемь тысячъ душъ моихъ такъ скоро исчезли съ дымомъ, то онъ безъ сомнѣнія не знаетъ умножительной силы долговъ, считаемыхъ не должникомъ, а заимодавцами; вексели какъ липы чудеснымъ образомъ плодятся, есѣли завѣса безопасности скрываетъ слѣдствія опѣ глазъ разсудка. Къ тому же всякой почтенной мотѣ находишь вѣрныхъ соприудниковъ въ своихъ управителейъ и дворецкихъ, которые всячески облегчаютъ бремя господскаго имѣнія,

примѣшивъ, что оно угнетаетъ господина. — Я называлъ моша *почтеннымъ*, и спѣшу оправдаться. Онъ есть благодѣтель опечеснѣва и народа, раздѣляя съ обществомъ свое богатство. Собираетъ подобенъ жадной рѣкѣ, которая печетъ въ прямой линіи, глошаетъ ручейки и потоки, влажитъ только берега свои и сушишь окрестности; но распотопителя можно сравнивать съ рѣкою щедрою, которая дѣлилась на тысячу рукавовъ, сообщаетъ влагу свою великому пространству, и мало по малу исчезая, дѣлается жерновомъ благотворительности.

Кому угодно, пусть можетъ вообразить меня спокойно и даже гордо идущаго по улицѣ; два человека несли за мною двѣ корзины, наполненныя любовными женскими письмами; единственное сокровище, которое заимодавцы позволили мнѣ вынести изъ дому! Родственникъ принялъ меня холодно и съ упреками. Эмилія прѣехала къ нему въ слѣдъ за мною, и забывъ, что мы вмѣстѣ проживали имѣніе, осыпала меня жестокими укоризнами; объявила торжественно, что союзъ нашъ разрывается; съшла въ карету и скрылась. Я лезъ къ женщинѣ, которая за день передъ тѣмъ увѣряла меня въ любви своей: меня не приняли — лезъ къ многочисленнымъ друзьямъ моимъ: однихъ не было дома; другіе вздумали читать мнѣ наизустъ книжныя наставленія, какъ должно быть умѣреннымъ и благоразумнымъ въ жизни! Имъ надлежало бы говорить о томъ, когда я

угощаль ихъ. — Въ прибавокъ ко всему меня выгнали изъ службы какъ распущнаго чело-вѣка.

Такіе случаи и непріятности могли бы огорчить другога; но я родился Философомъ — сносилъ все равнодушно, и швердилъ любимое слово свое: *Китайскія тѣни! Китайскія тѣни!* Всего хуже было то, что займодавцы, недовольные ошпашками моего имѣнія, грозились посадить меня въ шюръму. Признаюсь, что мысль о темной конуркѣ пугала и самую мою философію.

Мѣсяца черезъ два пріѣхалъ ко мнѣ одинъ богатый Князь, съ требованіемъ, чтобы я подписалъ нѣкошорую бумагу, и съ обѣщаніемъ удовольствоваться моихъ кредитшоровъ: то есть, мнѣ надлежало взвесити на себя небылицу, которая давала Эмилиі право избрать другога мужа. Я сперва захохоталъ, а послѣ задумался, воображая съ одной стороны ужасы темницы, а съ другой злыя насмѣшки людей. Между тѣмъ Князь говорилъ о своей благодарности; признался, что онъ намѣренъ жениться на Эмилиі, желая спасти ее отъ бѣдшвій нищеты; предлагалъ мнѣ свою дружбу; увѣрялъ, что домъ его будетъ моимъ домомъ; даже звалъ меня жить къ себѣ. Тутъ щастливая мысль пришла мнѣ въ голову: я подписалъ бумагу.

Эмилиа краснорѣчивымъ письмомъ изъяснила мнѣ свою признательность (она вышла за Князя, кошорый немедленно выкупилъ мои вексели), и въ заключеніе говорила: «Мы не умѣли

быть счастливыми супругами: будемъ по крайней мѣрѣ нѣжными друзьями! Мужъ мой клянется любить васъ какъ брата.» — Я спѣшилъ увѣрить ее въ своей чувствительности — и съ того времени поселился у Князя; обѣдалъ, ужиналъ съ Эмилиєю; казался шутливымъ, печальнымъ, и оставаясь наединѣ съ нею, говорилъ со слезами о прежней своей безразсудности, о моемъ сердечномъ раскаяніи, о потерянномъ навѣки счастьи, то есть, имени супруга любезнѣйшей женщины въ свѣтѣ. Сперва она шутила; но мало по малу начала слушать меня съ важнымъ видомъ и задумываться. Надобно знать, что Князь былъ человѣкъ пожилой и весьма непріятной наружности. Часто глаза ея тихонько сравнивали насъ, и съ выраженіемъ горести пошуплялись въ землю. Эмилиа нѣкогда любила меня; переспавъ бытъ ея мужемъ, я казался ей тѣмъ любезнѣе. Боясь свѣта, который громко осуждалъ ея второе замужство, она вела уединенную жизнь; уединеніе же, какъ извѣстно, питаетъ спрасси. Женщина, самая романтическая, въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ можетъ прельститься богатствомъ; но богатство теряетъ для нее всю свою цѣну при первомъ движеніи сердца. Не хочу поминать Чипашеля долгимъ приуголовленіемъ. Планъ мой счастливо исполнился. Мы изъяснились. Эмилиа опдалась мнѣ со всѣми знаками живѣйшей спрасси; а я черезъ минушу едва могъ удержаться отъ смѣха, воображая спрасси

побѣды своей и новостъ такой связи. — Старый мужъ опмспилъ новому; но мнѣ еще не довольно было воспорговъ Эмилии, тайныхъ свиданій, нѣжныхъ писемъ: я хотѣлъ громкой славы! и предложилъ своей женѣ-любовницѣ уйши со мною. Она испугалась — описывала наше положеніе самымъ щаспливымъ (ибо Князь стыдился ревновать ко мнѣ) — предвидѣла ужасъ свѣта, еспѣли мы опважимся на такой неслыханной примѣрѣ разврата — и заклинала меня со слезами сжалишься надъ ея судьбою. Но женщина, кошорая пресступила уже многія (по словамъ Моралистовъ) должноти, не можеть ни въ чемъ опвѣчать за себя. Я хотѣлъ непременно, требовалъ, грозилъ (помнишся) заспрѣлишь себя — и черезъ нѣсколько дней мы очутились на Мо**ской дорогѣ.

Торжесство мое было совершенно: я живо предспавлялъ себѣ изумленіе бѣднаго Князя и всѣхъ честныхъ людей; сравнивалъ себя съ романическими Ловеласами, и спавилъ ихъ подъ ногами своими: они увозили любовницѣ, а я увезъ бывшую жену мою опъ вшораго мужа! Эмилиа грустила, но ушѣшилась мыслію, что она слѣдуетъ движенію непобѣдимаго чувсства, и что любовь ея ко мнѣ еспѣ героическая: ушѣшеніе, къ кошорому обыкновенно прибѣгаютъ женщины въ заблужденіяхъ спрасти или воображенія!

Въ М**ѣ знашныя мои родспвенники не хотѣли пуспиль меня въ домъ, а набожныя тешки и бабушки, вспрѣчаясь со мною на

улицъ, крестились отъ ужаса. За то нѣкоторые молодые люди удивлялись смѣлости моего дѣла, и признавали меня своимъ героемъ. Я покоился на лаврахъ, не боясь никакихъ слѣдствій: ибо добрый Князь, заключивъ горестъ въ сердце, не жаловался никому, и говорилъ своимъ знакомымъ, что онъ самъ отправилъ жену въ М**у для экономіи. Эмилія продала свои брилліанты, и мы жили не дурно; но она жаловалась иногда на мое равнодушіе, и наконецъ, узнавъ, что я вошелъ въ связь съ одною извѣстною вътреницею, слегла въ постелю; сказала мнѣ, что, бывъ женою, она могла сносить мои невѣрности; но сдѣлавшись любовницею, умираетъ отъ нихъ. Эмилія сдержала слово — и при смерти своей говорила мнѣ такія вещи, отъ которыхъ волосы мои стали бы дыбомъ, ешьли бы, къ несчастью, была во мнѣ хотя искра совѣсти; но я слушалъ холодно и заснулъ спокойно; только въ ту ночь видѣлъ страшный сонъ, который безъ сомнѣнія не сбудется въ здѣшнемъ свѣтѣ.

Не хочу говорить о дальнѣйшихъ моихъ любовныхъ приключеніяхъ, которыя не имѣли въ себѣ никакого особеннаго блеска, хотя мнѣ удалось еще разорить двухъ или трехъ женщинъ (правда, не молодыхъ). Видя наконецъ, что лѣша и невождержность кладутъ на лицо мое угрюмую печать свою, я рѣшился взять другія мѣры, сдѣлался росповщикомъ, и сверхъ того забавникомъ, шуткомъ, повѣреннымъ му-

жей и женъ въ ихъ маленькихъ слабостяхъ. Мудрено ли, что мнѣ снова отворенъ входъ во многіе имениныя дѣла? Такіе люди нужны на всякой случай. Однимъ словомъ, я доволенъ своимъ положеніемъ: и видя во всемъ дѣйствіе необходимой судьбы, ни одной минутой въ жизни моей не омрачилъ горестнымъ раскаяніемъ. Если бы я могъ возвратитъ прошедшее, то думаю, что повторилъ бы снова всѣ дѣла свои: захотѣлъ бы опять укусишь ногу Папѣ, распустивовашъ въ Парижѣ, пить въ Лондонѣ, играть любовныя Комедіи на Театрѣ и въ свѣтѣ, промоташъ имѣніе и увезши жену свою опъ впораго мужа. Правда, что нѣкоторые люди смотрятъ на меня съ презрѣніемъ, и говорятъ, что я осквернилъ родъ свой; что знашная фамилія есть обязанность быти полезнымъ человѣкомъ въ государствѣ и добродѣтельнымъ гражданиномъ въ обществѣ. Но повѣрю ли имъ, видя съ другой стороны, какъ многіе изъ нашихъ любезныхъ соотечественниковъ спараются подражашъ мнѣ, живутъ безъ цѣли, женятся безъ любви, разводятся для забавы, и разоряются для ужиновъ! Нѣтъ, нѣтъ! я совершилъ свое предопредѣленіе, и подобно страннику, который, стоя на высотѣ, съ удовольствіемъ обнимаетъ взоромъ пройденныя имъ мѣста, радостно воспоминаю, что было со мною, и говорю себѣ: *такъ я жилъ!*

Графъ N. N.

г. 1802.

О ЛЕГКОЙ ОДЕЖДѢ

МОДНЫХЪ КРАСАВИЦЪ

ДЕВЯТАГО - НАДЕСЯТЬ ВѢКА.

=

Всегда и вездѣ первымъ женскимъ достоинствомъ была скромность. Древніе думали, что та женщина есть совершенна, о которой люди не говорятъ ни худаго, ни добраго: ибо домашняя жизнь (твердили они) есть, по закону Природы, святилище ея достоинства, непроницаемое для глазъ любопытныхъ: въ немъ она сіяетъ и красою и любезностію; въ немъ печется о супругъ и дѣтяхъ; въ немъ улаживаетъ сердце перваго и образуетъ юную душу послѣднихъ. Женщина, говорили восточные мудрецы, есть прекрасный, нѣжный цвѣтъ, увядающій отъ неосторожныхъ взоровъ желанія. Такія мысли ввели въ употребленіе покрывало: символъ женской скромности и щипъ прелестей, извѣстныхъ одному щастливому супругу!

Теперь въ публичномъ собраніи смопрю на молодыхъ красавицъ девятаго - надесятъ вѣка, и думаю: гдѣ я? въ Мильпоновомъ ли раю (въ кошоромъ милая Напура обнажалась передъ

взоромъ блаженнаго Адама), или въ кабинетъ живописца Апелла, гдѣ красота являлась служись моделью для Венерина портрета во весь ростъ?

Дѣйствіе всеильной моды, копорую, подобно форпунѣ, должно писать слѣпою! Наши спыдливыя дѣвицы и супруги оскорбляютъ природную спыдливостъ свою, единственну для того, что Француженки не имѣютъ ее, безъ сомнѣнія шѣ, копорыя прыгали контрдансы на могилахъ родителей, мужей и любовниковъ! Мы гнушаемся ужасами Революціи и перенимаемъ моды ея! Знаемъ, что нынѣшній Парижскій свѣшъ состоишъ изъ людей безъ всякаго воспитанія, безъ всякаго нѣжнаго чувства, и, слѣдуя старой привычкѣ, хопимъ соглашаться съ его новыми обыкновеніями! Нѣкогда Парижъ въ самомъ дѣлѣ могъ назваться столицею вкуса: ибо ушонченіе свѣшскихъ пріятностей было единственнымъ дѣломъ его въ теченіе двухъ вѣковъ. Но это время прошло, и долго, долго не возвратишся, не смотря на желаніе Консула Бонапарте воскресить Французскую любезностъ, копорая — еспли не умерла, то по крайней мѣрѣ заснула глубокимъ сномъ Эпименида на развалинахъ Бурбонскаго прона и на кипарисахъ Революціи. Какія женщины даютъ нынѣ шонъ въ Парижъ? Роскошныя супруги Банкировъ и *подрядчиковъ* (fournisseurs), обогащенныхъ народною казною — женщины низкаго состоянія, не имѣющія идеи о любезности прежнихъ знашныхъ Француженокъ,

кошорыя всего болѣе отличались игрою ума и кокетствовали, такъ сказать, нѣжнымъ чувствомъ приспосылности. Мудрено ли, что сіи новыя, молодыя Аристократки — сіи цвѣтшны, кошорыя выросли и распустились на землѣ обильной кровію несчастныхъ жертвъ гильотины — не имѣютъ никакого чувства истинныхъ женскихъ достоинствъ, и, стараясь нравиться, употребляютъ способы Парижскихъ Лайсъ, единственныхъ образцовъ своихъ? Но мудрено то, что въ государствѣ благоустроенномъ, гдѣ есть нравы, воспитаніе и правила, женщины, вообще любезныя, слѣдуютъ модѣ Парижскихъ мѣщанокъ! Онѣ безъ сомнѣнія съ великимъ трудомъ побѣждаютъ милую стыдливость; безъ сомнѣнія долго сражаются съ нею при своемъ, такъ-называемомъ *Греческомъ уборѣ*, кошорый скорѣе можно назвать Американскимъ. Кто читалъ древнихъ Авшоровъ или хотя Анахарсиса, тотъ знаетъ, что Гречанки были скромны. На древнихъ женскихъ статуяхъ обнажены нѣкоторыя прелести; но художники слѣдовали не обыкновенію общества, а желанію доказать свое искусство въ изображеніяхъ Натюры, отдаваясь на судъ супруговъ или юнымъ друзьямъ Аспазій. Художники и Поэты имѣютъ право снимать съ красоты покрывало; но теперь имъ мало труда!

Я увѣренъ въ невинности многихъ, и, еслили угодно, всѣхъ нашихъ красавицъ; но что подумаешь объ нихъ — на примѣръ, какойнибудь добродушной, но грубой Сибирякѣ, при-

ѣхавшій въ столицу и во многочисленномъ собраніи видящій сію прелестную *откровенность женскихъ сердецъ*? Увѣримъ ли его, что наши молодая супруги, въ полурайской зефирной одеждѣ, не имѣють никакихъ намѣреній оскорбительныхъ для святости супружества? Онъ вѣрно засмѣется и скажетъ съ Гиперборейскою грубостію: «Опиравъ же ихъ скорѣе домой; онъ безъ сомнѣнія лунашки, сонныя вышли изъ спальни и сонныя сюда пріѣхали!» Еслили будемъ изъяснять ему сей феноменъ дѣйствіемъ Французской моды, то онъ вообразитъ, что мы хотимъ дурачить его, и никакъ не пойметъ, чтобы *обезьянство* (Сибирское названіе моды) могло считаться въ столицѣ первымъ достоинствомъ, кошорому всѣ другія уступаютъ!

Еслили красавицы по справедливости вѣрятъ болѣе Медикамъ, нежели Моралистамъ (кошорые всѣ Сибиряки своею неучтивостію), то скажемъ съ важностію Гиппокрашовъ и Галеновъ, что въ сѣверномъ климатѣ эша мода опасна для самаго здоровья, слѣдственно и красоты! Уже къ несчастію могли бы мы наименовать двѣ или три жертвы ея, всѣмъ извѣстныя; но избѣгая личностей, говоримъ только о возможномъ. Нашура не предвидѣла сего обыкновенія, и надѣясь на вѣрную защиту одежды, образовала женскія прелести такъ нѣжно, что прикосновеніе грубаго воздуха для нихъ бѣдственно, особливо послѣ нашихъ ба-ловъ, кошорые стоятъ труда всѣхъ Грече-

скихъ Аплешовъ! Не хочу живо расписывать слѣдствій и представлять въ красавицѣ зарожденіе ужасной, смертельной болѣзни, кошорая, постепенно изглаживая всѣ ея прелести, ведешь ее тихими или быстрыми шагами ко гробу.

Это сильно; но слѣдуя правиламъ школьной Респорики, самое сильнѣйшее убѣжденіе сохранили мы для конца. Вошъ оно: воображеніе есть самой льстивой живописецъ; оно питаетъ спраси; но глаза ослабляютъ уже его дѣйствіе: я не воображаю того, что вижу; а видя нынѣ и завтра, привыкаю, и часъ отъ часу смотрю равнодушнѣе. Вамъ конечно нѣтъ дѣла до меня, красавицы (ибо мнѣ уже гораздо за семьдесятъ лѣтъ); но такъ самые молодые люди чувствуютъ, и Жанъ-Жакъ Руссо, по справедливости любезный всякому нѣжному сердцу, вамъ то же скажетъ, если ли заглянете въ Эмиля. Вы конечно прелестны, и живописцы ходятъ за вами съ кистію; но истинная польза *милостивой страсти*, кошорая составляетъ главное дѣло вашего, иногда слишкомъ чувствительнаго сердца, требуетъ покрывала!

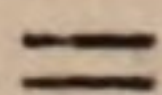
Еще одно замѣчаніе. Въ мое время женщины хвалили Вертера, кошорый сказалъ, что жена его никогда не будетъ *вальсировать*: это чувство казалось имъ нѣжнымъ. Въ мое время мужья и любовники бывали ревнивы: теперь они конечно исправились отъ сего порока. Любовь нынѣ, кажется, гораздо терпѣ-

ливѣе и покойнѣе; шѣмъ лучше для семейст-
веннаго мира, но — шѣмъ хуже для живоспи
спраспей; шѣмъ хуже для милой власпи жен-
скаго пола!

В. Мулатовъ.

г. 1802.

ОТЪ ЧЕГО ВЪ РОССІИ МАЛО АВТОРСКИХЪ ТАЛАНТОВЪ?

Естьли мы предложимъ сей вопросъ иностранцу, особливо Французу, то онъ не задумавшись будетъ отвѣчать: «опъ холоднаго климата.» Со временъ Монпескье всѣ феномены умственнаго, политическаго и нравственнаго міра изъясняются климатомъ. Ah, mon cher Monsieur, n'avez-vous pas le nez gelé? сказалъ Дидеротъ въ Петербургѣ одному земляку своему, который жаловался, что въ Россіи не чувствуютъ великаго ума его, и который въ самомъ дѣлѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ ознобилъ себя носъ.

Но Москва не Камчатка, не Лапландія; здѣсь солнце такъ же лучезарно, какъ и въ другихъ земляхъ; также есть весна и лѣто, цвѣты и зелень. Правда, что у насъ холодъ продолжительнѣе; но можешь ли дѣйствіе его на человека, столь умеренное въ Россіи придуманными способами защиты, вредитъ дарованіямъ? И вопросъ кажется смѣшнымъ! Скорѣе жаръ, разслабляя нервы (сей непосредственный органъ души) уменьшитъ ту силу мыслей и воображенія, которая составляетъ талантъ. Давно

извѣстно Медикамъ-наблюдашелямъ, что жители сѣвера долговѣчнѣе жителей юга: климатъ, благопріятный для физическаго сложенія, безъ сомнѣнія не гибеленъ и для дѣйствіи души, которая въ здѣшнемъ мѣрѣ споль пѣсно соединена съ тѣломъ. — Если бы жаркой климатъ производилъ таланты ума, то въ Архипелагѣ всегда бы курился чистый олимпіамъ Музамъ, а въ Италіи пѣли Виргиліи и Тассы; но въ Архипелагѣ курятъ... табакъ, а въ Италіи поютъ.... Каспраты.

У насъ конечно менѣе Авторскихъ талантовъ, нежели у другихъ Европейскихъ народовъ; но мы имѣли, имѣемъ ихъ, и слѣдственно Природа не осудила насъ удивляться имъ только въ чужихъ земляхъ. Не въ климатѣ, но въ обстоятельстве гражданской жизни Россіянъ надобно искать отвѣта на вопросъ: «для чего у насъ рѣдки хорошіе Писатели?»

Хотя талантъ есть вдохновеніе Природы, однакожь ему должно раскрыться ученіемъ и созрѣть въ постоянныхъ упражненіяхъ. Автору надобно имѣть не только собственно такъ называемое дарованіе — то есть, какую-то особенную дѣятельность душевныхъ способностей — но и многія историческія свѣдѣнія, умъ образованный Логикою, тонкой вкусъ и знаніе свѣта. Сколько времени потребно единственно на то, чтобы совершенно овладѣть духомъ языка своего? Вольтеръ сказалъ справедливо, что въ шесть лѣтъ можно выучиться всѣмъ главнымъ языкамъ, но что во всю

жизнь надобно учисья своему природному. Намъ Русскимъ еще болѣе шруда, нежели другимъ. Французъ, прочишавъ Монпаня, Паскаля, 5 или 6 Авшоровъ вѣка Лудовика XIV, Вольшера, Руссо, Томаса, Мармоншеля *, можешъ совершенно узнать языкъ свой во всѣхъ формахъ; но мы, прочишавъ множество церковныхъ и свѣтскихъ книгъ, соберемъ только машеріальное или словесное богатство языка, которое ожидаешъ души и красота ошъ художника. Истинныхъ Писателей было у насъ еще такъ мало, что они не успѣли дать намъ образцевъ во многихъ родахъ; не успѣли обогатить словъ тонкими идеями; не показали, какъ надобно выражаешъ пріятно нѣкоторыя, даже обыкновенныя мысли. Русской Кандидатъ Авторства, недовольный книгами, долженъ закрыть ихъ и слушаешъ вокругъ себя разговоры, чшобы совершеннѣе узнать языкъ. Тутъ новая бѣда: въ лучшихъ домахъ говоряшъ у насъ болѣе по - Французски! Милыя женщины, которыхъ надлежало бы только подслушиваешъ, чшобы украситъ романъ или комедію любезными, щастливыми выражениями, плѣняяющъ насъ не-Русскими фразами. Чшожъ оспается дѣлаешъ Авшору? выдумываешъ, сочиняешъ выражения; угадываешъ лучшей выборъ словъ; даваешъ старымъ нѣкоторый новый смыслъ, предлагаешъ ихъ въ новой связи, но споль искусно, чшобы обманушъ

* Какъ сочинилъ единственныхъ сказокъ.

чишателей и скрыть отъ нихъ необыкновенность выраженія! Мудрено ли, что сочинители нѣкошорыхъ Русскихъ комедій и романовъ не побѣдили сей великой трудности, и что свѣпскія женщины не имѣють терпѣнія слушать или чишать ихъ, находя, что такъ не говорятъ люди со вкусомъ? Если спросите у нихъ: какъ же говорить должно? то всякая изъ нихъ отвѣчаетъ: «не знаю; но это грубо, несносно!» — Однимъ словомъ, Французскій языкъ весь въ книгахъ (со всѣми красками и шѣнями, какъ въ живописныхъ картинахъ), а Русской только опчаси: Французы пишутъ какъ говорятъ, а Русскіе обо многихъ предметахъ должны еще говорить такъ, какъ напишеть человекъ съ талантомъ.

Бюффонъ спраннымъ образомъ изъясняетъ свойство великаго таланта или Генія, говоря, что онъ есть *терпѣніе въ превосходной степени*. Но если хорошенько подумаемъ, то едва ли не согласимся съ нимъ; по крайней мѣрѣ безъ рѣдкаго терпѣнія Геній не можеть возсіять во всей своей лучезарности. *Работа есть условіе искусства*; охота и возможность преодолевать трудности есть характеръ таланта. Бюффонъ и Ж. Ж. Руссо плѣняютъ насъ сильнымъ и живописнымъ слогомъ: мы знаемъ отъ нихъ самихъ, чего имъ стоила пальма краснорѣчія!

Теперь спрашиваю: кому у насъ сражались съ великою трудностію бытъ хорошимъ Авто-

ромъ, естѣли и самое щасливѣйшее дарованіе имѣешь на себѣ жесткую кору, спираемую единственно постоянною работою? Кому у насъ десятъ, двадцать лѣтъ рыпѣся въ книгахъ, бытъ наблюдателемъ, всегдашнимъ ученикомъ, писатѣ и бросатѣ въ огонь написанное, чѣобы изъ пепла родилось что нибудь лучшее? Въ Россіи болѣе другихъ учатся дворяне; но долго ли? до пятнадцати лѣтъ: шутъ время ишши въ службу, время искашъ чиновъ, сего вѣриѣйшаго способа бытъ предметомъ уваженія. Мы начинаемъ только любитѣ чтение; имя хорошаго Автора еще не имѣешь у насъ такой цѣны, какъ въ другихъ земляхъ; надобно при случаѣ объявитѣ другое право на улыбку вѣжливости и ласки. Къ тому же исканіе чиновъ не мѣшаетъ баламъ, ужинамъ, праздникамъ; а жизнь Авторская любитѣ частое уединеніе. — Молодые люди средняго состоянія, копорые учатся, также спѣшатъ вышши изъ школы или Университета, чѣобы въ гражданской или военной службѣ получишъ награду за ихъ успѣхи въ наукахъ; а шѣ немногіе, копорые остаются въ ученомъ состояніи, рѣдко имѣютъ случай узнать свѣшѣ — безъ чего трудно Писателю образоватѣ вкусъ свой, какъ бы онъ ученъ ни былъ. Всѣ Французскіе Писатели, служащіе образцемъ шонкоши и пріятности въ слогъ, переправляли, такъ сказать, школьную свою Реторику въ свѣшѣ, наблюдая, что ему нравишся, и по чему? Правда, что онъ, будучи школою для Авторовъ,

можешъ бытъ и гробомъ дарованія: даешъ вкусъ, но опшнмаетъ трудолюбіе, необходимое для великихъ и надежныхъ успѣховъ. Щасливъ, кто слушаа Сиренъ, перенимаетъ ихъ волшебныя мелодіи, но можешъ удалишь-ся, когда захочешъ! Иначе мы останемся при однихъ куплепахъ и мадригалахъ. Надобно за-глядывать въ общество — непременно, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыя лѣта — но жишь въ кабинетѣ.

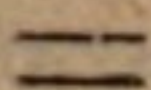
Со временемъ будешъ конечно болѣе хоро-шихъ Авшоровъ въ Россіи — тогда, какъ уви-димъ между свѣтскими людьми болѣе ученыхъ, или между учеными болѣе свѣтскихъ людей. Теперь талантъ образуется у насъ случайно. Нашура и характеръ прошиваясь иногда силъ общошательствъ и спаваятъ человекъ на пущь, котораго бы не надлежало ему избирать по расчешамъ обыкновенной пользы, или опъ ко-торого судьба удаляла его: такъ Ломоносовъ родился крестьяниномъ и сдѣлался славнымъ Поэтомъ. Склонность къ Липшерашурѣ, къ наукамъ, къ искусствамъ, ешь безъ сомнѣнія природная, ибо всегда рано опкрывается, пре-жде нежели умъ можешъ соединять съ нею виды корысти. Сей младенецъ, которъй на всѣхъ спѣнахъ черпашъ углемъ головы, еще не думаетъ о шомъ, что живописное искус-ство доспавляетъ человекъу выгоды въ жизни. Другой, услышавъ въ первый разъ спихи, бро-саетъ игрушку, и хочешъ говоритъ риомами.

Какой хорошій Авторъ въ дѣйствѣ своемъ не сочинялъ уже сапиръ, пѣсенъ, романовъ? Но обстоятельство не всегда уступаютъ природѣ; если они не благопріятствуютъ ей, то ея дарованія по большой части гаснутъ. Чему бытъ трудно, то бываетъ рѣдко — однакожь бываетъ — и чувствительное сердце, живость мыслей, дѣятельность воображенія, вопреки другимъ явнѣйшимъ или ближайшимъ выгодамъ, привязываютъ иногда человека къ тихому кабинету, и заставляють его находить неизъяснимую прелесть въ трудахъ ума, въ развиіи понятій, въ живописи чувствъ, въ украшеніи языка. Онъ думаетъ — желая дать цѣну своимъ упражненіямъ для самого себя — думаетъ, говорю, что трудъ его не бесполезенъ для общества; что Авторы помогаютъ согражданамъ лучше мыслить и говорить; что всѣ великіе народы любили и любятъ таланты; что Греки, Римляне, Французы, Англичане, Нѣмцы, не славились бы умомъ своимъ, если бы они не славились талантами; что достоинство народа оскорбляется безсмысліемъ и косноязычіемъ худыхъ Писателей; что варварскій вкусъ ихъ есть сапира на вкусъ народа; что образцы благороднаго Русскаго краснорѣчія едва ли не полезнѣе самыхъ классовъ Латинской Элоквенціи, гдѣ толкуютъ Цицерона и Виргилія; что оно, избирая для себя патристическіе и нравственные предметы, можетъ благотворить нравамъ

и пишашъ любовь къ опечесству. — Другіе могутъ думать иначе о Липперапурѣ; мы не хопимъ теперь спорить съ ними.

г. 1803.

МЫСЛИ ОБЪ УЕДИНЕНІИ.

Нѣкоторыя слова имѣютъ особенную красоту для чувствительнаго сердца, представляя ему идеи меланхолическія и нѣжныя. Имя уединенія принадлежитъ къ симъ магическимъ словамъ. Назовите его — и чувствительный воображаетъ любезную пустыню, густыя сѣни деревъ, томное журчаніе свѣтлаго ручья, на берегу котораго сидитъ глубокая задумчивость съ своими горестными и сладкими воспоминаніями!

Но участь нѣжныхъ сердецъ есть обманываться! Какъ въ любви и въ дружбѣ рѣдко находятъ они исполненіе надеждъ своихъ, такъ и самое уединеніе не отвѣтствуетъ ихъ ожиданіямъ; цвѣты его благоухаютъ въ воображеніи, и вянутъ въ грубомъ элементѣ существенности.

Быть щасливымъ или довольнымъ въ совершенномъ уединеніи можно только съ неисчислимымъ богатствомъ внутреннихъ наслажденій и въ осуществленіи всѣхъ потребностей, которыхъ удовлетвореніе внѣ насъ; а человѣкъ отъ первой до послѣдней минуты бытія есть существо зависимое. Сердце его образовано чувствовать съ другими и наслаждаться ихъ

наслаждениємъ. Отдѣляясь отъ свѣта, оно изсыхаетъ подобно растѣнію, лишенному животворныхъ вліяній солнца.

Чувствительный воображаетъ благопріятнымъ для уединенія то время, когда человекъ, сто разъ обманушій въ своихъ милыхъ надеждахъ, пересматриваетъ наконецъ желаніе и надѣясь: тогда уединеніе кажется единственною его опрадою, единственнымъ вѣрнымъ пристанищемъ на Океанѣ непокойной жизни; тамъ, въ тишинѣ и мракѣ лѣсовъ, онъ будетъ жить и чувствовать съ одною Природою; тамъ, съ горестію вспоминая жестокою холодною людей, онъ утѣшился мыслию, что сердце его не подобно ихъ сердцу; тамъ, вдыхая въ себя свѣжій воздухъ пустыни, добродушный Мизантропъ скажетъ: *онъ не ядовитъ: въ немъ нѣтъ дыханія пороковъ!*

Сладкая меланхолическая мысль, Поэзія воображенія, и ничего болѣе! Нѣтъ, оскорбленная чувствительность не найдетъ себѣ утѣшителя въ пустынѣ. Жизнь сердца есть любовь, желаніе, надежда, которыхъ предметъ бываетъ только въ свѣтѣ. Природа нѣма для холоднаго равнодушія. Ея картины и феномены безъ отношеній къ міру нравственному не имѣютъ никакой живой прелести. Можемъ ли плѣняться торжественнымъ восходомъ солнца или крошкимъ свѣтиломъ ночи, или пѣснію соловья, когда солнце не освѣщаетъ для насъ ничего милаго; когда мы не пишемъ въ себѣ нѣжности подъ нѣжнымъ вліяніемъ лу-

ны; когда въ пѣсняхъ Филомелы не слышимъ голоса любви?

Забвеніе свѣша, о кошпоромъ такъ часно говорятъ Мизантропы, есть только одно слово безъ всякаго истиннаго значенія. Какая мысль останется въ душѣ, если она забудетъ свѣшъ? а воспоминавая его, скоро начнемъ жалѣть объ немъ: ибо воспоминаніе есть самое льстивое зеркало: оно украшаетъ предметы. Такъ все, что давно миновалось, опъ времени кажется намъ любезнѣе. Случаи жизни въ памяти нашей теряютъ примѣсь неудовольствій, подобно какъ металлъ теряетъ примѣсь нечистоты въ горнилѣ — и добродушный пустынный или возвратившійся въ свѣшъ, или за упрямство будешь наказанъ вѣчнымъ сожалѣніемъ.

Нѣшъ, нѣшъ! человекъ не созданъ для всегдашняго уединенія, и не можетъ передѣлать себя. Люди оскорбляютъ, люди должны и утѣшать его. Ядъ въ свѣшѣ, аншидошъ шамъ же. Одинъ уязвляетъ ядовишою стрѣлою, другой вынимаетъ ее изъ сердца, и льетъ цѣлительный бальзамъ на рану.

Но временное уединеніе бываетъ сладостно и даже необходимо для умовъ дѣятельныхъ, образованныхъ для глубокомысленныхъ созерцаній. Въ сокровенныхъ убѣжищахъ Нашуры душа дѣйствуетъ сильнѣе и величественнѣе; мысли возвышаются и текутъ быстрѣе; разумъ въ ошсущствіи предметовъ лучше цѣнитъ ихъ; и какъ живописецъ изъ отдаленія смощ-

ришъ на ландшафтъ, который должно ему изобразить кистию, такъ наблюдашель удаляешся иногда отъ свѣта, чшобы тѣмъ вѣрнѣе и живѣе представить его въ картинѣ. Жанъ-Жакъ Руссо оставилъ городъ, чшобы въ густыхъ тѣняхъ Парка размышлять объ измѣненіяхъ челоѣка въ гражданской жизни, и слогъ его въ семъ твореніи имѣетъ свѣжестъ Природы.

Временное уединеніе есть также необходимость для чувствительности. Какъ скупецъ въ тишинѣ ночи радуется своимъ золотомъ, такъ нѣжная душа, будучи одна съ собою, плѣняется созерцаніемъ внутренняго своего богатства; углубляется въ самое себя, оживляетъ прошедшее, соединяетъ его съ настоящимъ, и находитъ способъ украшать одно другимъ. — Какой любовникъ не спѣшилъ иногда отъ самой любовницы своей въ уединеніе, чшобы, насладившись блаженствомъ, въ крошкѣ покоѣ души насладиться еще его воспоминаніемъ, и на свободѣ говорить съ сердцемъ о той, которую оно обожаетъ? По крайней мѣрѣ чувствительныя женщины должны иногда отсылать любовниковъ въ уединеніе, которое своими размышленіями и мечтами питаетъ спраши.

Дидеротъ, всегда пылкой, но не всегда основательной, сказалъ, что одинъ злой челоѣкъ любитъ удаляться отъ людей — сказалъ для того, что хотѣлъ оскорбить Жанъ-Жака. Нышъ, уединеніе есть худой товарищъ для

нечистой совѣсти, и злыя мысли никогда не произведутъ той сладостной задумчивости, кошорая есть прелестъ уединенія. Чшобы пріятно бесѣдовашъ съ собою, надобно бытъ добрымъ; надобно имѣть любезную ясность души, кошорая не совмѣстна съ ядовишою злобою.

Всѣмъ рожденнымъ съ нѣкоторою особенною живостию воображенія, всѣмъ Эпикурейцамъ чувствительности, совѣшую иногда вдругъ изъ шумнаго многолюдства переходить въ глубокую тишину уединенія, кошорое производитъ тогда неизъяснимое въ насъ дѣйствіе. На примѣръ, кто оставляя великолѣпный балъ, гдѣ, по словамъ Делия, блистаютъ красотой, одеждою, умомъ, выѣзжаетъ за городъ и входитъ одинъ въ ночной мракъ лѣса, тогда чувствуетъ въ себѣ какую-то новую, тайную силу души, никогда не возбуждаемую свѣтомъ и его явленіями. Такія противоположности разительны, и могутъ бытъ источникомъ живыхъ удовольствій. «Величественный шумъ деревъ, «качаемыхъ въпрямъ надъ моею головою (говоритъ одинъ Писатель) есть мистическій «языкъ Напуры, кошорый бываетъ для меня «священнѣе послѣ городского шума.»

Скажемъ наконецъ, что уединеніе подобно тѣмъ людямъ, съ кошорыми хорошо и пріятно видѣться изрѣдка, но съ кошорыми жить всегда тягостно уму и сердцу!

г. 1803.

АНЕКДОТЪ.

Шестъ человѣкъ, молодыхъ, пылкихъ, добрыхъ пріятелей, сидѣли за ужиномъ въ шпирѣ Крестовскаго острова въ П — ѣ. Въ числѣ ихъ былъ Ліодоръ, Секретарь Графа Н. Н., прекрасный лицомъ, любезный характеромъ. Они веселились безъ памяти, спучали рюмками, шумѣли и смѣялись такъ громко, что ихъ можно было слышать на улицѣ. Мало по малу шумъ зашихъ: любовь сдѣлалась предметомъ разговора. Молодость откровенна, особливо въ часъ за полночь и въ кругу сверстниковъ. У каждого было сердце на языкъ; всякой рассказывалъ о своихъ желаніяхъ, надеждахъ, успѣхахъ и неудачахъ. Ліодоръ наименовалъ Эмилию — и все закричали: «какъ ты щаспливъ, естли она тебя любишь!» Эмилія была одною изъ первыхъ Мо—скихъ красавицъ. Ліодоръ вынулъ изъ записной книжки поршрешъ ея съ девизомъ: *твоя до гроба!* Восклищанія: «какъ ты щаспливъ!» повпорялись. «Ахъ! благодарю Судьбу!» сказалъ онъ: «кто имѣешь прелестную невѣсту, вѣрнаго друга, добрыхъ пріятелей и 24 года отъ роду, тому не чего болѣе желать въ свѣтѣ!» Ліодоръ, говоря такимъ образомъ, съ горячностію обни-

малъ Милона, нѣжнаго друга своего.... Между
пѣмъ свѣчи догорѣли; самое веселье ушло
молодыхъ людей; надлежало распаться, впредь
до скорого и радостнаго свиданія.

Людоръ и Милонъ поѣхали вмѣстѣ на лодкѣ.
Утренняя весенняя заря красила небо, освѣ-
чиваясь въ зеркалѣ пышной рѣки. Людоръ
былъ въ самомъ щастливѣйшемъ расположеніи,
и говорилъ съ тихимъ восторгомъ: *Какъ мила
жизнь! какъ все хорошо въ свѣтѣ! Никогда еще
душа моя не чувствовала такой живой благо-
дарности къ Творцу!* — На берегу друзья про-
спались: имъ надлежало идти въ разные спо-
роны. Людоръ остановился, взглянулъ назадъ,
и видя, что Милонъ также стоитъ на од-
номъ мѣстѣ и смотритъ на него, бросился
еще разъ обнять друга; глаза его наполнились
слезами, радостными и сладкими.... Предчув-
ствіемъ бѣдствія называемъ мы обыкновенно
уныніе и тоску безъ извѣстной причины; но
иногда таится оно въ какомъ-то необыкно-
венномъ и неизъяснимомъ сердечномъ удоволь-
ствіи. Щастье, готовясь оставить насъ, пред-
ставляетъ сердцу во всей красотѣ своей и
ласкаетъ его съ ошмѣнною живостию. Судьба,
поднимая руку съ мечемъ, другою сыплетъ
цвѣты на жертву свою. По крайней мѣрѣ я
замѣчалъ сей феноменъ.

Людоръ нашелъ дома письмо изъ Мо — вы,
въ кошоромъ увѣдомляли его объ Эмилиной
скоропостижной смерти!... Есть горести, ко-
торыхъ не должно описывать. Всякой по мѣрѣ

своей чувствительности можешь вообразить ихъ.

Прошло около недѣли. Нещастный молодой человѣкъ наконецъ опомнился — и глаза его искали друга. Милонъ во все это время не былъ у него, и даже не присылалъ объ немъ навѣдаться. Такая безпечная холодность казалась Ліодору пресупленіемъ въ дружбѣ; онъ самъ поѣхалъ къ нему, чѣобы имѣть печальное утѣшеніе сказать: «я въ опчаяніи, а ты не знаешь!» — У ворошъ дому встрѣтился ему Священникъ; на крыльцѣ онъ почувствовалъ духъ ладана, а въ залѣ увидѣлъ Милона лежащаго на сполѣ: онъ умеръ наканунѣ!....

Ліодоръ казался швердымъ: не плакалъ, не жаловался; обнялъ холодный трупъ съ горячностью — и спѣшилъ къ своему начальнику, Графу Н. Н., который, взглянувъ на него, ужаснулся: на Ліодорѣ не было лица человѣческаго. Онъ пребывалъ своей опсравки, не сказывая причины. Графъ вообразилъ, чѣо умъ его въ безпорядкѣ, и совѣщовалъ ему ѣхать домой, обѣщая прислать къ нему Доктора. Ліодоръ улыбнулся.... Сія усмѣшка была послѣднимъ геройствомъ сердца его. Въ самую ту минушу вошелъ въ кабинетъ къ Графу одинъ изъ молодыхъ людей, съ которыми Ліодоръ за недѣлю передъ тѣмъ ужиналъ на островѣ, — былъ шакъ веселъ и щасливъ!... Онъ упалъ въ обморокъ.

Черезъ нѣсколько дней Ліодоръ уѣхалъ изъ П — а, съ намѣреніемъ, которое для него са-

мого было не ясно; онъ чувствовалъ только, что ему надобно переменить мѣсто, когда судьба его такъ ужасно перевернулась. — Ошкрылась М — ва, въ кошорую воображеніе и сердце его такъ часто лепало, и куда онъ надѣялся возвратиться за тѣмъ, чтобы навѣки соединиться съ Эмилиєю!.... Лѣодоръ велѣлъ ѣхать прямо въ До — ской монастырь. Начинало смеркаться: въ спѣнахъ его царствовала глубокая тишина, разительный образъ покойства могилъ, кошорыми онъ наполненъ. Въ семъ истинномъ жилищѣ мертвыхъ не видно было ни одного живаго существа; одни монументы представлялись взору, столь ужасные для того, кто еще ничего любезнаго не отдавалъ смерти, и столь привѣтливые для горестныхъ, положившихъ во гробъ милое! Между ими и смертію есть какая-то симпатія... Лѣодоръ былъ тамъ нѣкогда съ Эмилиєю и вмѣстѣ съ нею плакалъ надъ гробомъ ея матери; подлѣ сего монумента лежалъ новый камень.... Сердце несчастнаго любовника задремало; онъ бросился на колѣни — цѣловалъ, омывалъ слезами Эмилиину могилу — говорилъ съ мертвою какъ съ живою — описывалъ ей ощущеніе любви своею — душа его дѣлилась между небомъ и землею, стремясь къ остаткамъ плѣннаго бытія любовницы и къ тому, что составляло жизнь и красоту его... Въ сіи минуты, когда сердце рвется къ милымъ усопшимъ, подымается нѣкошорымъ образомъ таинственная завѣса вѣчности: мы

чувствуемъ дыханіе безсмертныхъ — осязаемъ, кажется, эфирное существо ихъ. Живость сихъ воспоминаній заставляетъ насъ думать, что они не совсемъ мечтательны, и что смерть не есть совершенный разрывъ сердецъ, которые жили однимъ чувствомъ. Если мы, оставленные, умѣемъ нѣжно хранить память любезныхъ, то не уже ли они въ другой сферѣ бытія совсемъ нечувствительны къ нашей горести? Развѣ безсмертіе научило ихъ неблагодарности и непостоянству? Какіе законы не уступаютъ силѣ любви, когда надобно утѣшить милого? и что останется неслѣннаго въ душѣ, если въ ней любовь исчезаетъ?... Но сіи воспоминанія не продолжительны; душа ниспадаетъ въ горестную сущность и не находитъ вокругъ себя ничего, кромѣ безмолвія и непроницаемости гробовъ, а въ чувствахъ одинъ слабый лучъ надежды.

Въ семъ монастырѣ и въ сей вечеръ Лѣодоръ видѣлъ одного старца, котораго Христіанская беседа чудеснымъ образомъ успокоила его сердце. Старецъ, говоря о суетѣ міра, указывалъ на гробы!.... Онъ утѣшалъ молодаго человека, но единственно такъ, какъ утѣшаетъ Религія — не мечтами, не видами новыхъ удовольствій въ жизни, а необходимостію покоряться тайнственной волѣ Всевышняго.

Лѣодоръ поѣхалъ въ свою деревню въ Во—ской Губерніи, окруженную густыми лѣсами. Не далеко отсюда есть монастырь, основанный (какъ говорятъ преданіе) въ шестомъ-надесяти

вѣкъ однимъ несчастнымъ опцомъ и супругомъ, копорый служилъ въ войскѣ Царя, возвратилъ ся въ свое помѣстье и не нашелъ ни дому, ни жены, ни дѣшей: они сгорѣли во время его опсушствія. Онъ поспроилъ монастырь и былъ въ немъ первымъ монахомъ. Ліодоръ рѣшился слѣдовать его примѣру и навѣки опказаться опъ міра. Начальникъ тамошняго Духовенства, мужъ благоразумный, совѣтовалъ ему прежде испытать сердце свое, и пазначилъ для него три года искуса. Молодой человекъ поселился въ сей уединенной обители, и два года служилъ примѣромъ строгой жизни древнихъ Христіанскихъ опшельниковъ. Господинъ П* (копорый рассказывалъ своимъ пріятелямъ сей анекдотъ) видѣлъ его въ исхотъ вшораго года: Ліодоръ казался въ душѣ и въ сердцѣ мершвымъ для свѣта; на блѣдномъ лицѣ его изображалось какое-то величественное спокойствіе; онъ не хотѣлъ даже говорить о своихъ несчастіяхъ и потеряхъ. — Господинъ П* увидѣлся съ нимъ въ другой разъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: Ліодоръ обрадовался ему, повелъ его гулять въ лѣсъ, и закраснѣвши, указалъ ему на одномъ деревѣ имя Эмилиі. Слезы полились изъ глазъ его; онъ началъ говорить объ ней; рассказывалъ всѣ обстоятельствова своей исторіи съ великою живоспїю, и слушалъ съ великимъ вниманіемъ, когда Господинъ П*, удивленный его перемѣною, совѣтовалъ ему возвратиться въ свѣтъ. «Нѣтъ!» опвѣчалъ молодой человекъ:

«я не хочу быть предметомъ насмѣшекъ. — Вотъ гробъ мой!» примолвилъ онъ со вздохомъ, входя въ монастырскія ворота.

Черезъ полгода Господинъ П* узналъ, что Ліодоръ умеръ, *бывъ выгнанъ изъ монастыря за непристойныя поступки*, копорыхъ я не хочу описывать!!... Вотъ феноменъ человѣческаго сердца!

Нѣтъ, нѣтъ! будемъ несчастливы, когда угодно Провидѣнію опшимаешь у насъ радости, но останемся на оеапрѣ до послѣдняго дѣйсвія — останемся въ училищѣ горестей до той минушы, какъ шайнспвенный звонокъ перезовешъ насъ въ другое мѣсто! — А вы, молодые люди, въ несчастіяхъ и въ потеряхъ своихъ не обманывайте себя мыслию, что рана ваша неисцѣлима: нѣтъ! юное сердце, пылая жизнью, излечается отъ горестей собственною внутреннею силою — и сіе выздоровленіе обновляетъ его чувствительность къ удовольствіямъ жизни. — Иное дѣло, когда человѣкъ, подобно вечернему солнцу, приближается къ своему западу: тогда единспвенно утрашы бывають невозвратимы; но и тогда, чтобы не дѣйспвовашъ вопреки плану Напуры, не должно умирать для свѣта прежде смерти. Еспьли между гробомъ и нами нѣтъ уже никакого земнаго желанія, еспьли не можемъ наконецъ быть дѣятельны для своего щастія, то будемъ дѣятельны хошя для разсѣянія, хошя для удовольствія другихъ лю-

дей, опираясь на якорь Религіи, кошорая, подобно надеждѣ, бросаешь его человѣку въ бѣдспвіяхъ, но не обманывается человѣка шакъ, какъ надежда, ибо ничего не обѣщаетъ ему въ здѣшнемъ свѣтѣ!

г. 1803.

О КНИЖНОЙ ТОРГОВЛѢ

И

ЛЮБВИ КО ЧТЕНІЮ ВЪ РОССІИ.

≡

За 25 лѣтъ передъ симъ были въ Москвѣ двѣ книжныя лавки, копорыя не продавали въ годъ ни на 10 тысячъ рублей. Теперь ихъ 20, и всѣ вмѣстѣ выручаютъ онѣ ежегодно около 200,000 рублей. Сколько же въ Россіи прибавилось любитель чтенія? Это пріятно всякому, кто желаетъ успѣховъ разума, и знаетъ, что любовь ко чтенію всего болѣе имъ способствуешь.

Господинъ Новиковъ былъ въ Москвѣ главнымъ распространителемъ книжной торговли. Взявъ на ошкупъ Университетскую Типографію, онъ умножилъ механическіе способы книгопечатанія, отдавалъ переводить книги, завелъ лавки въ другихъ городахъ, всячески старался пріохотить Публику ко чтенію, угадывалъ общій вкусъ и не забывалъ частнаго. Онъ торговалъ книгами, какъ богатый Голландскій или Англійскій купецъ торгуешь произведеніями всѣхъ земель: то есть, съ умомъ, съ догадкою, съ дальновиднымъ соображеніемъ. Прежде расходилось Московскихъ газетъ не болѣе 600 экземпляровъ: Г. Новиковъ сдѣлалъ

ихъ гораздо богаше содержаніемъ, прибавилъ къ полишическимъ разныя другія спашы, и наконецъ выдавалъ при Вѣдомостяхъ безденежно Дѣшское Чшеніе, которое новостію своего предмета и разнообразіемъ матеріи, не смотря на ученическій переводъ многихъ піесъ, нравилось Публикѣ. Число Пренумерантовъ ежегодно умножалось, и лѣтъ черезъ десять дошло до 4,000. Съ 1797 году газетны сдѣлались важны для Россіи Высочайшими Императорскими приказами и другими Государственными извѣстіями, въ нихъ вносимыми; и теперь расходишся Московскихъ около 6,000: безъ сомнѣнія еще мало, когда мы вообразимъ величіе Имперіи, но много въ сравненіи съ прежнимъ расходомъ; и едва ли въ какой нибудь землѣ число любопытныхъ такъ скоро возраспало, какъ въ Россіи. Правда, что еще многіе дворяне, и даже въ хорошемъ состояніи, не берутъ газетъ; но за то купцы, мѣщане любятъ уже читать ихъ. Самые бѣдные люди подписываются, и самые безграмотные желаютъ знать, что пишутъ изъ чужихъ земель! Одному моему знакомцу случилось видѣть нѣсколько пирожниковъ, которые, окруживъ чпеца, съ великимъ вниманіемъ слушали описаніе сраженія между Австрійцами и Французами. Онъ спросилъ и узналъ, что пятеро изъ нихъ складываются и берутъ Московскія газетны, хотя четверо не знаютъ грамоты; но пятой разбираетъ буквы, а другіе слушаютъ.

Наша книжная торговля не можетъ еще равняться съ Нѣмецкою, Французскою или Англіійскою; но чего не лзя ожидать отъ времени, судя по ежегоднымъ успѣхамъ ея? Уже почти во всѣхъ Губернскихъ городахъ есть книжныя лавки; на всякую ярманку, вмѣстѣ съ другими поварами, привозятъ и богашства нашей Липперашуры. Такъ, на примѣръ, сельскія дворянки на Макарьевской ярманкѣ запасаются не только чепцами, но и книгами. Прежде торгаши ѣзжали по деревнямъ съ лешами и перспнями: нынѣ ѣздятъ они съ *ученымъ товаромъ*, и хошя по большой части сами не умѣютъ чишашъ, но желая прельспишъ охопниковъ, рассказываютъ содержаніе романовъ и комедій, правда по-своему и весьма забавно. Я знаю дворянъ, копорые имѣютъ ежегоднаго дохода не болѣе 500 рублей, но собираютъ, по ихъ словамъ, *библіотеки*, радуются ими, и между шѣмъ, какъ мы бросаемъ, куда попало, богашья изданія Вольпера, Бюффона, они не дадутъ упасшъ пылинки на самого Мирамонда; чишаютъ каждую книгу нѣсколько разъ, и перечишываютъ съ новымъ удовольствіемъ.

Любопытный пожелаешъ, можетъ бышъ, знашъ, какого роду книги у насъ болѣе всего расходяшся? Я спрашивалъ о томъ у многихъ книгопродавцевъ, и всѣ не задумавшись отвѣчали: «романы!» Не мудрено: сей родъ сочиненій безъ сомнѣнія плѣнишеленъ для большой части Публики, занимая сердце и воображеніе,

представляя картину свѣта и подобныхъ намъ людей въ любопытныхъ положеніяхъ, изображая сильнѣйшую и при томъ самую обыкновенную страснь въ ея разнообразныхъ дѣйствіяхъ. Не всякой можешь философствовать или спавить себя на мѣстѣ Героевъ Исторіи; но всякой любишь, любилъ или хочешь любить, и находишь въ романическомъ Герое самого себя. Читающему кажется, что Авторъ говоритъ ему языкомъ собственнаго его сердца; въ одномъ романѣ пишешь надежду, въ другомъ пріятное воспоминаніе. Въ семъ родѣ у насъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе переводовъ, нежели сочиненій, и слѣдственно иностранныхъ Авторы перебиваютъ славу у Русскихъ. Теперь въ спрашной модѣ Коцебу — и какъ нѣкогда Парижскіе книгопродавцы пребова*ли Персидскихъ Писемъ* отъ всякаго Сочинителя, такъ наши книгопродавцы пребуютъ отъ переводчиковъ и самыхъ Авторовъ Коцебу, одного Коцебу!! Романъ, сказка, хорошее или дурное — все одно, ес*ли* на шишутъ имя славнаго Коцебу!

Не знаю, какъ другіе, а я радуюсь, лишь бы только читали! И романы, самые посредственные, — даже безъ всякаго таланта писанные, способствуютъ нѣкоторымъ образомъ просвѣщенію. Кто плѣняется *Никаноромъ*, злощастнымъ дворяниномъ, тотъ на лѣспнищѣ умственного образованія стоитъ еще ниже его Автора, и хорошо дѣлаетъ, что читаетъ сей романъ: ибо безъ всякаго сомнѣнія чему нибудь

научається въ мысляхъ или въ ихъ выраженіи. Какъ скоро между Авторомъ и читателемъ велико разстояніе, то первый не можетъ сильно дѣйствовать на послѣдняго, какъ бы онъ уменъ ни былъ. Надобно всякому что нибудь поближе: одному Жанъ-Жака, другому Никанора. Какъ вкусъ физическій вообще увѣдомляетъ насъ о согласіи пищи съ нашею потребностію, такъ вкусъ нравственный открываетъ человеку вѣрную, аналогію предмета съ его душою; но сія душа можетъ возвыситься постепенно — и кто начинаетъ *Злощастнымъ* дворяниномъ, не рѣдко доходитъ до Грандисона.

Всякое пріятное чтеніе имѣетъ вліяніе на разумъ, безъ котораго ни сердце не чувствуваетъ, ни воображеніе не представляетъ. Въ самыхъ дурныхъ романахъ есть уже нѣкоторая Логика и Решорика: кто ихъ читаетъ, будетъ говорить лучше и связнѣе совершеннаго невѣжды, который въ жизнь свою не открывалъ книги. Къ тому же нынѣшніе романы богаты всякаго рода познаніями. Авторъ, вздумавъ написать три или четыре тома, прибѣгаетъ ко всѣмъ способамъ занять ихъ, и даже ко всѣмъ наукамъ: то описываетъ какой нибудь Американской островъ, испощая Бишинга; то изъясняетъ свойство тамошнихъ растѣній, справляясь съ Бомаромъ; такимъ образомъ читатель узнаетъ и Географію и Историческую Исторію; и я увѣренъ, что скоро въ какомъ нибудь Нѣмецкомъ романѣ новая Планета Піацци будетъ описана еще обстоя-

пельнѣе, нежели въ Пешербургскихъ Вѣдомо-
спяхъ!

Напрасно думаютъ, что романы могутъ
быть вредны для сердца: всѣ они предспа-
вляютъ обыкновенно славу добродѣтели или
нравоучительное слѣдствіе. Правда, что нѣ-
которые характеры въ нихъ бывають вмѣстѣ
и приманчивы и порочны; но чѣмъ же они при-
манчивы? нѣкоторыми добрыми свойствами,
которыя Авторъ закрасилъ ихъ черноту:
слѣдственно добро и въ самомъ злѣ порже-
ствуешь. Нравственная природа наша тако-
ва, что не угодишь сердцу изображеніемъ дур-
ныхъ людей и не сдѣлаешь ихъ никогда его
любимцами. Какіе романы болѣе всѣхъ нравяш-
ся? обыкновенно чувствительные: слезы, про-
ливаемые читателями, текутъ всегда отъ
любви къ добру и питають ее. Нѣтъ, нѣтъ!
дурные люди и романовъ не читають. Же-
стокая душа ихъ не принимаетъ крошечныхъ
впечатлѣній любви и не можетъ заниматься
судьбою нежности. Гнусный корысполюбецъ,
эгоистъ, найдетъ ли себя въ прелестномъ
романическомъ героѣ? а что ему нужды до дру-
гихъ? Неоспоримо то, что романы дѣлають
и сердце и воображеніе.... *романическими*: ка-
кая бѣда? тѣмъ лучше въ нѣкоторомъ смыслѣ
для насъ, жителей холоднаго и желѣзнаго сѣ-
вера! Безъ сомнѣнія не романическія сердца
причиною того зла въ свѣтѣ, на которое вез-
дѣ слышимъ жалобы, но грубыя и холодныя,
то есть, совсѣмъ имъ противоположныя! Ро-

маническое сердце огорчаетъ себя болѣе, нежели другихъ; но за то оно любитъ свои огорченія, и не опдаспъ ихъ за самыя удовольствія эгоисповъ.

Однимъ словомъ, хорошо, что наша Публика и романы читаетъ!

г. 1802.

О СЛУЧАЯХЪ И ХАРАКТЕРАХЪ
ВЪ
РОССІЙСКОЙ ИСТОРИИ,
КОТОРЫЕ МОГУТЪ БЫТЬ ПРЕДМЕТОМЪ
ХУДОЖЕСТВЪ.

=

Письмо къ Господину N. N.

Мысль, задавать художникамъ предметы изъ отечественной Истории, достойна вашего патриотизма, и есть лучший способъ оживить для насъ ея великіе характеры и случаи, особливо пока мы еще не имѣемъ краснорѣчивыхъ Историковъ, которые могли бы поднять изъ гроба знаменитыхъ предковъ нашихъ и явить шѣни ихъ въ лучезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту Русскому всего ближе и любезнѣе прославлять Русское, въ то щастливое время, когда Монархъ и самое Провидѣніе зовутъ насъ къ истинному народному величію. Должно приучить Россіянъ къ уваженію собственнаго; должно показывать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновеній Архиста и сильныхъ дѣйствій Искусства на сердце. Не только Историкъ и Поэтъ, но и живописецъ и ваятель бываютъ органами патриотизма. Если историческій характеръ изображенъ разительнѣе на

полошнѣ или мраморѣ, то онѣ дѣлаются для насъ и въ самыхъ лѣшописяхъ занимащельнѣе: мы любопытствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ большимъ вниманіемъ входимъ въ описаніе дѣлъ челоуѣка, помня, какое живое впечатлѣніе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ опеческву, которая презираетъ его лѣшописи, или не занимается ими: надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣніе о прошедшемъ.

Вы говорили о прехъ историческихъ картинахъ, уже написанныхъ въ нашей Академіи Художесквъ: содержаніе ихъ достойно похвалы. *Взятіе Казани, избраніе Михаила Осодоровича и Полтавское сраженіе* представляють намъ важныя эпохи Россійской Исторіи. Разрушеніе Казанскаго царства запечатлѣло независимость Россіи, славно освобожденной опъ ига Ташарскаго дѣдомъ Царя Іоанна Васильевича, испинно великимъ Княземъ Іоанномъ. Съ водареніемъ Романовыхъ опеческво наше — говоря просными Русскими словами — увидѣло свѣтъ: мяшежи прекрашились, и Россія начала возраспашъ въ величїи и славѣ съ какою-то удивительно спройною постепенностїю. А Полтавское сраженіе ушвердило или, лучше сказать, основало первенство Россіи на Сѣверѣ. Я надѣюсь, что художники, почпивъ пакииъ образомъ сїи при важныя эпохи, удовлетворили и всѣмъ особеннымъ требованїямъ Искусства въ изображенїи дѣйствїя.

Зная совершенно Историю нашу, имѣя вкусъ просвѣщенный и любовь къ художествамъ, которая уже предполагаетъ основательныя свѣдѣнія въ ихъ правилахъ и красотахъ, вы еще хошите совѣщаваться съ другими въ разсужденіи дальнѣйшаго выбора предметовъ для живописцевъ и ваятелей. Мнѣ оспается бытъ благодарнымъ за честь вашей довѣренности — и безъ дальнѣйшихъ оговорокъ пусшой учтивости отдаю вамъ на судъ нѣкоторыя мысли свои, не вмѣшиваясь въ права художниковъ, а говоря единственно какъ любитель опечесвленной Истории, имѣющей только самую легкую идею о красотахъ Искусства.

Я желалъ бы видѣть на картинѣ самое начало Россійской Истории, то есть, призваніе Варяжскихъ Князей въ Славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить прехъ славныхъ брашьевъ съ товарищами ихъ на ловль, которая была любимымъ упражненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляешь ихъ говорить Неспоръ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ совѣщаются между собою. Нѣкоторые изъ ихъ товарищей занимающа ловлею; другіе, узнавъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ Варяжскихъ Князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика, съ желаніемъ, чтобы онъ согласился пове-

лѣвать землею Славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. — Художникъ опличитъ лица Славянскія опъ Варяжскихъ: первыя должны бытъ нынѣшнія Русскія, а за образецъ послѣднихъ надобно взять Шведскія, Норвежскія или Датскія. Варяги были Норманцы: симъ общимъ именемъ назывались, какъ извѣстно, жители упомянутыхъ трехъ земель.

Есѣли бы Господомыслъ былъ въ самомъ дѣлѣ историческимъ характеромъ, то мы конечно бы захотѣли его изображенія; но Неспоръ не говоритъ объ немъ ни слова. — Вадимъ *храбрый* принадлежитъ также къ баснословію нашей Истории.

Олегъ, побѣдитель Грековъ, героическимъ характеромъ своимъ можетъ воспламенить воображеніе художника. Я хотѣлъ бы видѣть его въ ту мину, какъ онъ прибываетъ щипъ свой къ Цареградскимъ ворошамъ, въ глазахъ Греческихъ вельможъ и храбрыхъ его поварихей, которые смотрятъ на сей щипъ какъ на вѣрную цѣль будущихъ своихъ подвиговъ. Въ эту мину Олегъ могъ спросить: *кто больше и славнее меня въ свѣтѣ?*

Сей же Князь можетъ быть предметомъ картины другаго рода — философической, есѣли угодно. Во всякихъ старинныхъ лѣтописяхъ есть басни, освященные древностію и самымъ просвѣщеннымъ Историкомъ уважаемые, особливо есѣли онъ представляющъ *живыя черты времени*, или заключающъ въ себѣ

правоученіе, или остроумны. Такова есть басня о смерти Олеговой. Волхвы предсказали ему, что онъ умретъ отъ любимаго коня своего. Геройство не спасало тогда людей отъ суевѣрія: Олегъ, повѣривъ волхвамъ, удалилъ отъ себя любимаго коня; вспомнилъ объ немъ черезъ нѣсколько лѣтъ — узналъ, что онъ умеръ — захопѣлъ видѣть его кости — и полкнувъ ногою черепъ, сказалъ: «это ли для меня опасно?» Но змѣя скрывалась въ черепъ, ужалила Олега въ ногу, и Герой, побѣдишеле Греческой Имперіи, умеръ отъ гадины! Впечатлѣніе сей картины должно быть правоучительное: *помни тленность человѣческой жизни!* Я изобразилъ бы Олега въ то мгновеніе, какъ онъ съ видомъ презрѣнія опшалакиваетъ черепъ; змѣя выспавляетъ голову, но еще не ужалила его: чувство боли и выраженіе ея непріятны въ лицѣ геройскомъ. За нимъ стоятъ воины съ Греческими профеями, въ знакъ одержанныхъ имъ побѣдъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи можно представитъ одного изъ волхвовъ, который смотритъ на Олега съ видомъ значительнымъ.

Ольга есть Героиня нашихъ древнихъ лѣтописей, копорыя рассказываютъ чудеса объ ея хитрости. Художнику должно воспользоваться симъ знаменитымъ историческимъ характеромъ: ему остается выбрать любое изъ десяти возможныхъ *представленій*. Захочетъ ли онъ изобразитъ Ольгу въ ту мину, какъ она, пылая местию въ сердцѣ за убіеніе супруга, и

скрывая гнѣвъ свой подѣ видомъ ласки, принимаешь у себя въ шереѣ пословъ Древлянскихъ; или когда на могилѣ Игоревой оппращаешь призну (что подаешь художнику случай представишь древніе обряды язычества); или когда она среди торжественнаго великолѣпія Греческой Религіи, крестится въ Царѣградѣ. Но я знаю, что художники не любящъ старыхъ женскихъ лицъ: а Ольга въ это время была уже не молода. И такъ они могутъ изобразить ея сговоръ. На примѣръ: Олегъ подводитъ ее къ молодому Игорю, который съ восхищеніемъ радостнаго сердца сморитъ на красавицу, невинную, стыдливую, воспитанную въ простотѣ древнихъ Славянскихъ нравовъ. За нею стоить мать ея, о которой нѣтъ хотя ни слова въ лѣтописяхъ, но которая присуществіемъ и благороднымъ видомъ своимъ должна дать намъ хорошую идею о нравственномъ образованіи Ольги: ибо во всякомъ вѣкѣ и состояніи одна нѣжная родительница можешь наилучшимъ образомъ воспитать дочь. Живописецъ изобразитъ пригосовленіе къ сговору по своей фантазіи. Одинъ почтенный Россіянинъ думаетъ, что Славяне не имѣли жрецовъ: не смѣю противорѣчить ему, и знаю, что Несторъ объ нихъ не упоминаетъ, говоря только о волхвахъ; однакожь Архисщъ могъ бы представить на сей картинѣ священныхъ служителей Лада, чтобы обогатить ея содержаніе.

Никто изъ древнихъ Князей Россійскихъ не

дѣйствуешъ такъ сильно на мое воображеніе, какъ Свяшославъ, не только храбрый вишязъ, не только ужасъ Грековъ (которыя спращали дѣшей своихъ именемъ *Сфендосолава*: такъ они называли его), но и прямодушный рыцарь. Еще дѣшскою рукою бросивъ копье въ Древлянъ, убійцъ его родишеля, онъ не только всю жизнь свою провождалъ въ полѣ, дѣлилъ нужду и пруды съ вѣрными шоварищами, спалъ на сырой землѣ, подъ отккрышымъ небомъ; но, любя славу, любилъ и строгую воинскую честность. Неспоръ, скупой на слова, не забылъ сей великой чершы характера его: *Святославъ никогда не хотѣлъ нападать нечаянно, но всегда напередъ объявлялъ войну* (что, въ тогдашнія варварскія времена, было безпримѣрно). Сей Герой любезенъ намъ и пошому, что въ жилахъ его текла уже кровь Славянская, и что онъ первый изъ Русскихъ Князей назывался именемъ языка нашего. Рюрикъ, Олегъ, Игорь, были иноспранцы: Свяшославъ родился отъ Славянки. Художникъ, знакомый съ мысленнымъ образомъ Геройшва и съ духомъ времени, предсшавишъ намъ, какъ сей древній Суворовъ Россіи, привыкнувъ надѣяться на судьбу, видишъ себя окруженнаго со всѣхъ споронъ Греками. Вѣрная дружина его, изумленная ихъ безчисленнымъ множесшвомъ, въ первый разъ уныла; побѣда казалась ей наконецъ невозможною. Свяшославъ говоришъ рѣчь, достойную Спаршанца или Славянина: рѣчь, копорую всѣ наши Испорики хотѣли украсишъ, но копорая пре-

красна только въ Неспортъ, и безъ сомнѣнія не есть выдумка: ибо сей добрый старецъ не умѣлъ бы такъ хорошо выдумать. Князь, сказавъ: *ляжемъ здѣ костьми; мертвые бо срама не имутъ*, обнажаетъ мечъ свой: вопъ мишуа для живописца! Святославовы вишязи (которыхъ онъ изобразишь, сколько хочешь) въ быспромъ движеніи геройскаго вдохновенія также извлекають мечи, машутъ копьями, гремятъ щитами, и проч. Вдали можно представить Греческій необозримый станъ. — Думаю, что искусный Архипъ найдетъ способъ оживишь сію картину.

Владимира хотѣлъ бы я видѣть въ то мгновеніе, какъ Епископъ Корсунскій, возложивъ на него послѣ крещенія руку, возвращаетъ ему зрѣніе. Сею картиною ознаменовалась бы великая эпоха въ нашей Исторіи: введеніе Христіанской Религіи, и художникъ могъ бы обнаружитъ весь свой талантъ въ выраженіи лицъ Владимира, Царевны Анны, и въ щастливомъ расположеніи другихъ фигуръ: Греческихъ вельможъ, Духовныхъ, и Владиміровыхъ полководцевъ. Въ разсужденіи Царевны я замѣтилъ бы одно: лице ея должно сіять только небесною, благочестивою радостію; она выходитъ за Владимира не по земной любви, а желая единственно обратишь его въ Христіанство.

Кто безъ жалостнаго чувства можетъ вообразить прекрасную и несчастную Рогнеду, названную ошъ великихъ горестей ея прога-

пелымъ именемъ *Гориславы*? *Владиміръ* разорилъ опечесво ея, умершвилъ родишелей, брашьевъ, и женился на сей опчаянной плѣнницѣ *. Онъ могъ бы еще вѣрною любовію примиришь съ собою нѣжное сердце женщины; но удовлетворивъ спрасши, Князь хочешъ удалишь супругу. Тогда оскорбленная любовь возобновляешъ въ памяти своей всѣ злодѣянія жестокаго и неблагодарнаго *Владиміра*, и *Горислава*, подкрѣпляемая ученіемъ языческой вѣры, копорая ставила месць въ число добродѣшелей, рѣшился умершвишь его. Онъ въ послѣдній разъ приходишь къ ней и засыпаешъ въ ея шеремъ: *Рогнѣда* беретъ ножъ — мелишь — и Князь, просыпаясь, вырываетъ смертоносное оружіе изъ дрожащихъ рукъ ея. Тушь *Горислава*, въ изступленіи опчаянія, исчисляешъ всѣ свои оскорбленія и его жестокоспи.... Я, кажешся, вижу передъ собою изумленнаго и наконецъ пронушаго *Владиміра*; вижу несчастную, вдохновенную сердцемъ *Гориславу*, въ безпорядкѣ ночной одежды, съ расшрепанными волосами.... Комната освѣщена лампадою; видны только самыя простыя украшенія и рѣзный образъ *Перуна*, стоящій въ углу. *Владиміръ* приподнялся съ ложа и держишь въ рукъ вырванный имъ ножъ; онъ слушаешъ *Рогнѣду* съ такимъ вниманіемъ, копорое доказываетъ, что ея слова уже глубоко

* Это было до его крещенія. Святая Религія еще не дѣйствовала въ немъ своею благодатию.

проникли къ нему въ душу. — Миѣ кажешся, что сей предметъ прогашеленъ и живописенъ.

Бой славнаго въ нашихъ лѣтописяхъ опрока Переяслава съ Печенѣжскимъ силачемъ достоинъ искусной кисти. Художникъ самъ выберетъ моментъ: * изобразитъ ли ихъ въ усиліяхъ борьбы, въ напряженіи всѣхъ мускуловъ, или въ то мгновеніе, какъ Русской ударилъ головою Печенѣга, и какъ сей падаетъ? Эша побѣда была спасительна для отечества: Владиміръ, въ честь опрока, назвалъ его именемъ новой городъ Переяславль. Кажешся, что надобно представить только двухъ свидѣтелей сего поединка: Князей Печенѣжскаго и Русскаго, которые берутъ въ немъ живое участіе. Художникъ могъ бы показать великое искусство въ выразительной игрѣ ихъ лица и движеній. — Въ семъ же родѣ можно написать еще двѣ картины: бореніе Мстислава, Князя Тмушороканскаго, съ Касожскимъ Княземъ Редедю, велпканомъ и богатыремъ (котораго онъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, наконецъ ударилъ объ землю), и поединокъ — правда, баснословный — Владиміра Мономаха съ Генуэзскимъ (Кафинскимъ или Θεодосійскимъ) воеводою, котораго онъ махомъ копьѣ изъ стѣны высадилъ, и, связавъ, привелъ вооруженнаго къ своему войску **.

* Слово техническое, котораго смыслъ едва ли можно выразить *мгновениемъ*.

** Несторъ не говоритъ о томъ. Даже и Генуэзцевъ еще не было тогда въ Тавридѣ.

Ярославъ, сынъ Владиміровъ, хошълъ про-
свѣщилъ Россію, учреждалъ школы, давалъ
законы, велѣлъ перевести многія книги на Сла-
вянской языкъ. Вотъ мысль для каршины:
«Ярославъ одною рукою развертываетъ сви-
«шокъ законовъ, а въ другой держитъ мечъ,
«гопový наказъ преслупника. Вельможи
«Новгородскіе съ видомъ смиренія пріемлютъ
«ихъ опъ Князя и меча его. За Ярославомъ
«споятъ монахи съ переведенными книгами,
«въ знакъ того, что онъ въ нихъ почерпнулъ
«нѣкоторыя идеи для своего законодатель-
«ства.» — Хорошо также изобразитъ Яро-
слава, молящагося въ полѣ передъ сраженіемъ
съ люшымъ Свяшополкомъ, на восходѣ солн-
ца, и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ проливалась
кровь свяшаго Бориса, за которую Ярославъ
хошълъ бытъ мстишелемъ.

Нѣкоторыя изъ Кришиковъ Россійской Исто-
ріи не хошятъ вѣрить, чтобы Генрихъ I,
Король Французскій, былъ женатъ на Яросла-
вовой дочери Аннѣ, пошему что лѣтописи на-
ши молчатъ о семъ бракѣ; что опдаленная
Франція не имѣла тогда никакой связи съ Рос-
сіею, и что различіе Вѣрь долженствовало
бытъ препятствіемъ для такого союза. На
сію кришику возражаемъ: 1) что наши лѣто-
писи весьма не полны; 2) что всѣ Француз-
скія согласно называютъ супругу Генриха Рус-
скою Принцессою Анною, дочерью Ярослава
(имена, которыя безъ сего случая едва ли мо-
гли бы имъ бытъ извѣсны); 3) что еще го-

раздо прежде (въ девятомъ вѣкѣ, по лѣтописямъ Бертинскимъ) были уже въ Германіи послы Русскіе; что войны и шрапашы нашихъ Князей съ Константинополемъ, съ Польшею и Венгріею, распроспраняли ихъ славу въ Европѣ; 4) что Полишика могла заспавишь и Генриха и Ярослава войши въ сей союзъ, и что привязанность одного къ Восточной, а другаго къ Западной Церкви, долженствовала усшупишь государственной пользѣ: ибо люди едва ли не всегда предпочишали земныя выгоды небеснымъ. Однимъ словомъ, замужство Анны Ярославовны имѣеть всю историческую достоверность — и я хотѣлъ бы оживишь на полотнѣ сію любезную Россіянку; хотѣлъ бы видѣшь, какъ она со слезами принимаетъ благословеніе Ярослава, отдающаго ее Посламъ Французскимъ. Это занимательно для воображенія и прогашельно для сердца. Оспавишь на всегда опечество, семейство и милые навьки скромной дѣвической жизни, чтобы ѣхашъ на край свѣта, съ людьми чужими, копорые говорили непоняшнымъ языкомъ и молились (по тогдашнему образу мыслей) другому Богу!.... Здѣсь чувствительность должна бышь вдохновеніемъ Аршисша.... Князь хочеть казашся швердымъ; но горячность родительская въ сію минушу превозмогаетъ Полишику и честолобіе: слезы гошovy излишья изъ глазъ его.... Несчастная машъ въ обморокъ.

Послѣ Владиміра Мономаха видимъ уже менѣе великихъ людей на Княжескихъ пронахъ

Россіи. Внутренніе раздоры занимающъ воинскую и политическую дѣятельность Владѣтелей. Но Художество найдетъ еще богатые для себя предметы и должно ознаменовать — на примѣръ — важную эпоху начала Москвы. Сказка, что Олегъ основалъ ее, недостойна никакого вниманія. Онъ шелъ изъ Новгорода къ Кіеву прямо черезъ Смоленскъ и не могъ безъ всякой нужды углубиться въ лѣвую сторону, гдѣ встрѣшили бы его болота и пустыни, копорыя не представляли ему ни добычи, ни славы побѣдъ. Вообще надобно замѣтить, что сіи древніе завоеватели, полагая себѣ пути къ извѣстной цѣли черезъ мѣста мало извѣстныя, старались всегда слѣдовать за теченіемъ большихъ рѣкъ, для того, чтобы не имѣть нужды въ водѣ, и что большія рѣки, вбирая въ себя влажность окрестныхъ мѣстъ, не дающъ образоваться непроходимымъ для войска болотамъ. Такимъ образомъ Днепръ привелъ Олега отъ Смоленска къ Кіеву. Въ наше время Испорикамъ уже не позволено быть Романистами и выдумывать древнее происхожденіе для городовъ, чтобы возвысить ихъ славу. Москва основана въ половинѣ шестнадцатаго вѣка Княземъ Юріемъ Долгорукимъ, храбрымъ, хитрымъ, властолюбивымъ, иногда жестокимъ, но до старости любителемъ красоты, подобно многимъ древнимъ и новымъ Героямъ. Любовь, копорая разрушила Трою, построила нашу столицу — и я напомню вамъ сей анекдотъ Русской Исторіи или Тапищева. Прекрасная

жена Дворянина Кучки, Суздальскаго Тысячскаго, плѣнила Юрія. Грубые погдашніе вельможи смѣялись надъ мужемъ, который, пользуясь опсупсшвіемъ Князя, увезъ жену изъ Суздаля и заключился съ нею въ деревнѣ своей, тамъ, гдѣ Неглинная впадаетъ въ Москву-рѣку. Юрій, узнавъ о томъ, оставилъ армію и спѣшилъ освободить красавицу изъ започенія. Мѣстоположеніе Кучкина села, украшенное любовью въ глазахъ спрашнаго Князя, опмѣнно полюбилось ему: онъ жилъ тамъ нѣсколько времени, веселился, и началъ строити городъ. — Мнѣ хошѣлось бы представити начало Москвы ландшафтомъ — лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: деревья падающъ, лѣсъ рѣдѣетъ, открывая виды окрестностей — небольшое селеніе Дворянина Кучки, съ маленькою церковью и съ кладбищемъ — Князя Юрія, который, говоря съ Княземъ Святославомъ, движеніемъ руки показываешъ, что шутъ будешъ великой городъ — молодые вельможи занимающъ ловлею звѣрей. Художникъ, наблюдая спрогую нравспвенную приспойность, долженъ забытъ прелестную хозяйку; но вдали, среди кресповъ кладбища, можешъ изобразити человека въ глубокихъ, печальныхъ размышленіяхъ. Мы угадали бы, кто онъ — вспомнили бы прагическій конецъ любовнаго романа — и шѣнь меланхоліи не испортила бы дѣйствія картины.

Но я нечувспвиштельно написалъ довольно страницъ; на сей разъ могу кончитъ, съ жи-

вымъ удовольствіемъ воображая себѣ цѣлую картинную галерею опечесивенной Исторіи и дѣйствіе ея на сердце любителей Искусства. Русской, показывая чужестранцу достойные образы нашихъ древнихъ Героевъ, говорилъ бы ему о дѣлахъ ихъ, и чужестранецъ захотѣлъ бы читать наши лѣтописи — хошя въ Ловекъ.

Мы приближались въ историческихъ воспоминаніяхъ своихъ къ бѣдсивеннымъ временамъ Россіи; и есшя живописецъ положитъ кисть, то ваятель возьметъ рѣзецъ свой, чшобы сохранить память Русскаго геройства въ нещасіяхъ, кошорыя болѣе всего открывающъ силу въ характеръ людей и народовъ. Тѣни предковъ нашихъ, хошѣвшихъ лучше погибнуть, нежели принявъ цѣпи опъ Монгольскихъ варваровъ, ожидающъ монументовъ нашей благодарности на мѣстѣ, обагреномъ ихъ кровію. Можетъ ли искусство и мраморъ найти для себя лучшее употребленіе? Пусть въ разныхъ мѣстахъ Россіи свидѣтельствующъ они о величіи древнихъ сыновъ ея! Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ патриотизмъ; не однѣ столицы должны бытъ сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ опечесиву и *чувство народное*. Пусть въ залахъ Петербургской Академіи Художествъ видимъ свою Исторію въ картинахъ; но въ Владимірѣ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жерпвы, кошорою ихъ жили прославили

себя въ 13 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ глаза мои ищутъ спашуи Минина, копорый, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на Московскую дорогу. Мысль, что въ Русскомъ, опдаленномъ опъ сполиты городѣ, дѣши гражданъ будутъ собиращься вокругъ монумента славы, читають надписи и говорятъ о дѣлахъ предковъ, радуешь мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолѹбіе возрастають въ Россіи съ новыми поколѣніями!... А тѣ холодные люди, копорые не вѣряють сильному вліянію *Изящнаго* на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ *романическимъ патриотизмомъ*, достойны ли опвѣща? Не опъ нихъ опечесство ожидаетъ великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя Русское еще любезнѣе и дороже. — Повторимъ испину несомнительную: въ девятомъ — надесять вѣкѣ одинъ шопъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, копорый благородными Искусствами, Литтературою и Науками способствуетъ успѣхамъ чловѣчества въ его славномъ теченіи къ цѣли нравственнаго и душевнаго совершенства!

г. 1802.

П И С Ь М О

СЕЛЬСКАГО ЖИТЕЛЯ.

=

Вы желаете, любезный другъ, знать всѣ подробности моего уединенія; но мы, деревенскіе люди, живемъ такъ обыкновенно, такъ просто, что не умѣемъ сказать о себѣ ничего любопытнаго и доспойнаго примѣчанія. Только вы, горожане, имѣете способъ разнообразить свою дѣятельность и пестрить жизнь вашу ежедневными новостями въ планахъ, надеждахъ, удовольствіяхъ. Если не всегда можете хвалиться счастьемъ, то по крайней мѣрѣ богаете опытами, наблюденіями, и ваши сны споятъ нашего мѣсяца. Мы въ деревнѣ наблюдаемъ только погоду, и наши записки служатъ исторіею не сердца человеческого, а термометра....

Вы назовете это сельскою шуткою — и не обманетесь. Жизнь моя, думаю, счастлива, ибо я доволенъ ею. Лѣта конечно исцѣляютъ насъ отъ сей душевной лихорадки, отъ сего внутреннего неизъяснимаго безпокойства, которое превозмощъ молодость; но и самый чистый воздухъ полей и лѣсовъ, самый видъ сельской Природы не имѣетъ ли также бла-

гошворнаго вліяннїя на сердце, и не располагаешъ ли его *физически* къ сладкому чувству покоя? Спросише о томъ у вашихъ Медиковъ-Философовъ; а я между тѣмъ нахожу сіе дѣйствіе вѣроятнымъ, чувствуя себя какъ будто бы другимъ человѣкомъ со времени моего прїѣзда въ деревню.

Вамъ извѣстно, любезный другъ, что я не бывалъ мизантропомъ, даже и въ такихъ обстоятельствахъ, копорыя могли бы извинить маленькую досаду на ближнихъ; знаете, что я нѣкогда пылалъ ревностію имѣть обширный кругъ дѣйствія, въ нескромной надеждѣ на свою любовь къ добру и человѣчеству. Но долгое временное ученье въ школѣ опыта и *феруля* сего жестокаго мастера смирили мою гордость — шакъ смирили, что я, оставивъ всѣ дальнѣйшія требованія на блестящую долю *славныхъ людей*, взялся — за плугъ и соху! Подивитесь же теперь чудной игрѣ нашего самолюбія: съ сего времени мнѣ кажется, что добрый земледелецъ есть первый благодѣтель рода человѣческаго и полезнѣйшій гражданинъ въ обществѣ. «Гдѣ много Героевъ, тамъ много кровопролитія; гдѣ много судей, тамъ много ябеды и неправосудія; гдѣ много купцовъ, тамъ много роскоши; но гдѣ много пахарей, тамъ много хлѣба — а хлѣбъ есть корень изобилія.» Что вы скажете о семъ разсужденіи? Оно вѣрно полюбилось бы Кишайцамъ.

Эпо вступленіе гошовишъ васъ къ длинному письму: пеняйте сами на себя! Сшарики и

деревенскіе жишели любяшъ поговорить, когда естъ случай, а вы засшавили меня взяшься за перо, кошорому уже давно не было дѣла. Мнѣ хочеться, на примѣръ, дать вамъ идею о главныхъ моихъ *сельскихъ подвигахъ*.

Я выросъ шамъ, гдѣ живу нынѣ. Путешествіе и служба совершенно раззнакомили меня съ деревнею; однакожь, сдѣлавшись рано господиномъ изряднаго имѣнія, и будучи, смѣю сказать, напишанъ духомъ филантропическихъ Авшоровъ, то естъ, ненависпю ко злоупотребленіямъ власпи, я желалъ бышъ заочно благодѣшелемъ поселянъ моихъ: ошдалъ имъ всю землю, довольсшвовался самымъ умѣреннымъ оброкомъ, не хотѣлъ имѣшъ въ деревнѣ ни управишеля, ни прикащика, кошорые не рѣдко бываюшъ хуже самыхъ худыхъ господъ, и съ удовольсшвіемъ искренняго человѣколюбія написалъ къ крешьянамъ: «Добрые земледѣльцы! «сами изберише себѣ начальника для порядка, «живише мирно, будьте шрудолюбивы и счистайше меня своимъ вѣрнымъ засшупникомъ «во всякомъ припѣсненіи.» Возвращаясь наконецъ къ Пенашамъ родины, чшобы умерешъ шамъ, гдѣ началъ жишъ, я сердечно ушѣшался пріашною мыслію, что найду деревню свою въ цвѣшущемъ сосшояніи; какъ Поэшъ воображалъ богашья нивы, пажииши, полныя жишници, избышокъ, благоденсшвіе и сочинаялъ уже въ головѣ своей письмо къ какому нибудь Русскому Журналисту о щасшливыхъ плодахъ свободы, данной мною крешьянамъ.... Пріѣзжаю

и нахожу бѣдность, поля весьма худо обработанные, жишницы пущыя, хижины гніющія!... Съ горестнымъ удивленіемъ призываю къ себѣ спариковъ, копорыхъ имена были мнѣ еще съ ребячества памясны, — спрашиваю ихъ, и наконецъ узнаю истину! Покойный отецъ мой, живучи самъ въ деревнѣ, смотрѣлъ не только за своими, но и за крестьянскими полями: хотѣлъ, чтобы и шѣ и другія были хорошо обработаны — и въ нашей деревнѣ хлѣбъ родился лучше, нежели во многихъ другихъ; господинъ богатѣлъ, и земледѣльцы не бѣднѣли. Воля, мною имъ данная, обратилась для нихъ въ величайшее зло: по естѣ, въ волю лѣнишья и предавашья гнусному пороку пьянства, дошедшему съ нѣкотораго времени до ужасной крайности какъ въ нашей, такъ и въ другихъ Губерніяхъ. Эша язва въ здѣшнихъ, удаленныхъ отъ столицы мѣстахъ, естѣ новое явленіе: живо помня лѣта своего дѣтства, помню и то, что прежде въ одни большіе годовые праздники крестьяне веселились и гуляли, угощая другъ друга домашнимъ пивомъ или виномъ, купленнымъ въ городѣ. Нынѣ будни сдѣлались для нихъ праздникомъ, и люди услужливые, подъ вывѣскою орла, вездѣ предлагающъ имъ средство избавляшья отъ денегъ, ума и здоровья: ибо въ рѣдкой деревнѣ нѣтъ пищевой дома. Къ числу нѣкоторыхъ дворянъ, сосѣдей моихъ, скажу, что они отвергающъ выгоды, представляемыя имъ откупщиками, и не доз-

воляють заводити у себя храмовъ Русскаго неопрышнаго Бахуса; но другіе не такъ думаютъ, — особливо тѣ, которые сами въ опіюхъ участвуютъ. Не мое дѣло осуждать сей легкой и модной способъ умножать свои доходы; не смѣю вообразить, чшобы онъ былъ несогласенъ съ достоинствомъ благороднаго и великодушнаго Патриота: ибо вижу многихъ почтенныхъ людей, которые прибѣгаютъ къ нему безъ зазрѣнія совѣсти и хвалясь искусствомъ въ семъ важномъ промыслѣ. Мнѣнія и вкусы различны. Однакожъ тѣ ошибаются, которые думаютъ, что Русскіе искони любили излишнее употребленіе вина, и что никакая законодательная мудрость не отвращаетъ ихъ отъ сего порока: онъ заразилъ народъ только со временъ Годунова; сей Царь, желая обогатить казну государственную, умножилъ число питейныхъ домовъ *; а случай и удобность, какъ извѣстно, соблазняютъ людей. Напримѣръ, при Князѣ Васильѣ Ивановичѣ народъ Московской безъ сомнѣнія не любилъ пьянства, ибо онъ укорялъ симъ порокомъ иностранныхъ солдатъ: Нѣмцовъ, Поляковъ и Липовцевъ, взятыхъ тогда въ Русскую службу **. Но при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ оно

* Слова лѣтописца: «Устави же Царь Борисъ въ Россіи и «пошлину имати со всякихъ товаровъ, и мыши и перевозки «и пиво продавати изъ казны.»

** См. Герберштейна, Гваньини, Олеарія. — Мѣсто, гдѣ они жили (за Москвою рѣкою), прозвалось *Налейками*, отъ слова *налей*, которое часто употреблялось ими.

уже усилилось въ Москвѣ, такъ, что благо-
дѣтельное Правительствѣ искало мѣръ остано-
вить его, уничтожило питейные дома и
положило во всякомъ городѣ бытъ одному кру-
жежному двору, чтобы продавать вино толь-
ко ведрами и кружками.... Извините, любез-
ный другъ: такая махерія совсѣмъ непріят-
на. Но мнѣ надлежало здѣсь имѣть дѣло съ
опшкупщиками и блеснуть передъ ними учено-
стію въ исторіи ихъ промысла. Я поспрашалъ
сихъ господъ, что скоро выдамъ книгу о вре-
дѣ его для государства и правовъ, если
они не избавятъ нашей деревни отъ своей
выѣски. Жестокая угроза и 1000 рублей убѣ-
дили ихъ исполнить это желаніе. Вотъ пер-
вый мой *подвигъ* для блага земледѣльцевъ!

Землю мою отдавали они въ наймы, и бра-
ли пять рублей за десятину, кошорая можетъ
принести отъ 30 до 40 — но съ прудомъ, а
имъ не хотѣлось и для своей выгоды рабо-
тать. Я возобновилъ господскую пашню, сдѣ-
лался самымъ усерднымъ экономомъ, началъ
входить во всѣ подробности, надѣлилъ бѣд-
ныхъ всѣмъ нужнымъ для хозяйства, объявилъ
войну лѣнивнымъ, но войну не кровопролитную;
вмѣстѣ съ ними, на поляхъ, встрѣчалъ и про-
вожалъ солнце; хотѣлъ, чтобы они и для себя
такъ же старательно прудились, во время
пахали и сѣяли; требовалъ отъ нихъ строга-
го опчета и въ не-рабочихъ дняхъ: переспро-
силъ всю деревню самымъ удобнымъ обра-
зомъ; ввелъ по возможности опрятность, чи-

спопу въ ихъ избахъ, не сполько пріятную для глазъ, сколько нужную для сохраненія жизни и здоровья. Наконецъ — безъ всякихъ Англійскихъ мудросей, безъ всякихъ хитрыхъ машинъ, не усыпая земли ни золою, ни извеспкою, ни шолчеными коспями — смѣю похвалишься, что и друзья земледѣлія и друзья челоѳчеспва могушь съ удовольспвіемъ взглянушь на мои поля, село и жипелей его. Всего же болѣе похваюсь шѣмъ, что креспьяне благодаряшь меня за нынѣшнюю свою презвосп и работливосп, видя щаспливые плоды ихъ: изъ бѣдныхъ они сдѣлались зажиточными; имѣюшь хлѣбъ, лошадей, скошоводспво и надежду бышь со временемъ сельскими богачами. Одинъ опышь могъ увѣришь ихъ въ щаспїи шрудолубїя. Принудьте злаго дѣлашь добро: опвѣчаю, что онъ скоро полюбишь его. Заспавьте лѣниваго работашъ: онъ скоро удивишься своей прежней ненависпи къ шрудамъ. Сокрапъ называлъ добродѣшель знаніемъ: всякой порокъ можно назвашь невѣжествомъ — ибо онъ еспъ слѣпоша ума; ибо въ немъ гораздо болѣе спраданїя, нежели прїятности. Иноспранные пупешеспвенники, видя въ Россїи безпечную лѣносп креспьянина, обыкновенно приписываюшь ее такъ называемому рабспву. «Какъ ему охотно шрудишься (говоряшь сіи «господа), когда помѣщикъ можешь всегда оп- «няшь у него имущеспво?» Но смѣю увѣришь ихъ, что такая Философія никогда не входила въ голову нашимъ земледѣльцамъ: они лѣ-

нивы опъ природы, опъ навыка, опъ незна-
нія выгодъ трудолюбія. Какой господинъ въ
самомъ дѣлѣ опнимаешъ у крестьянъ хлѣбъ,
лошадей и другую собственность? и развѣ
нѣтъ между ими богашыхъ и промышленныхъ?
Доспойно замѣчанія, что нерадивые всегда
приписываютъ избытокъ работающихъ не тру-
дамъ ихъ, а щасію! Иностранцы глубокомы-
сленные Полишки, говоря о Россіи, знаютъ
все, кромѣ Россіи. Я разсуждалъ такъ же въ
городскомъ кабинетѣ своемъ; но въ деревнѣ
перемѣнилъ мысли. У насъ много вольныхъ
крестьянъ: но лучше ли господскихъ они обра-
батываютъ землю? по большой части напро-
шивъ. Съ нѣкошораго времени хлѣбонашество
во всѣхъ Губерніяхъ приходитъ въ лучшее
состояніе: опъ чего же? опъ старанія помѣ-
щиковъ: плоды ихъ экономіи, ихъ смощрѣнія,
надѣляютъ изобиліемъ рынки столицы. Если-
ли бы они, принявъ совѣтъ иностранныхъ
Филантроповъ, всѣ сдѣлали то же, что я
прежде дѣлалъ: наложили на крестьянъ оброкъ,
опдали имъ всю землю, и сами навсегда уѣха-
ли въ городъ, то я увѣренъ, что на другой
годъ пришло бы гораздо меньше хлѣбныхъ ба-
рокъ какъ въ Москву, такъ и въ Петербургъ.
Не знаю, что вышло бы черезъ пятьдесятъ
или сто лѣтъ: время конечно имѣетъ благо-
творныя дѣйствія; но первые годы безъ со-
мнѣнія поколебали бы систему мудрыхъ Ан-
глійскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ головъ.
Она хороша, если бы мы, принявъ ее, мо-

гли заснуть съ Эпименидомъ по крайней мѣрѣ на цѣлый вѣкъ; но всякой изъ насъ хочешь жить хорошо, спокойно и щасливо нынѣ, завтра, и такъ далѣе. Время подвигаетъ впередъ разумъ народовъ, но тихо и медленно: бѣда законодашелю облепашъ его! Мудрый идетъ шагъ за шагомъ и смотритъ вокругъ себя. Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и народъ Русской; имѣю ли предрасудки, обожаю ли гнусный идолъ корысти — но для истиннаго благополучія земледѣльцевъ нашихъ желаю единственно того, чтобы они имѣли добрыхъ господъ и средство просвѣщенія, которое одно, одно сдѣлаетъ все хорошее возможнымъ. Къ щастію мы живемъ въ такое время, когда мудрое, отеческое Правительство угадываетъ всѣ истинныя потребности государственнаго и народнаго блага: съ какою радостію читалъ я указъ о заведеніи школъ деревенскихъ! Вотъ исполинскій шагъ къ вѣрнѣйшему благоденствію поселянъ! Они Русскіе: слѣдственно имѣютъ много природнаго ума; но умъ безъ знанія есть сидень.

Сей указъ обрадовалъ меня шѣмъ болѣе, что я въ нынѣшнюю зиму по собственному движенію завелъ у себя школу для крестьянскихъ дѣтей, съ намѣреніемъ учить ихъ не только грамотѣ, но и правиламъ сельской Морали, и надосугѣ сочинилъ кашихизисъ, самый простой и незатѣйливой, въ которомъ объясняются должности поселянина, необходимыя для его щастія. Умный новый Священникъ деревни

нашей былъ въ этомъ дѣлѣ моимъ кришикомъ, совѣшникомъ и помощникомъ. За то и я бываю его кришикомъ и совѣшникомъ, когда онъ пишетъ сельскія проповѣди. Доспавлю вамъ нѣкопорыя изъ нихъ, и вы увидите, что у насъ есть свои Йорики. Когда отецъ Савва начинаетъ говорить въ церкви, земледѣльцы мои подвигаются къ нему ближе и ближе: это хорошій знакъ. Мы живемъ съ нимъ дружно, часто ѣдаемъ вмѣстѣ, и сидя на диванѣ, въ разговорахъ своихъ перебираемъ всю Нашуру отъ кедра до исopa. Отецъ Савва есть не только Теологъ и Моралистъ, но и Физикъ, Ботанистъ, даже Медикъ самоучкою: я взялъ на себя должностъ Аптекаря, и мы ребарбаромъ, сосновыми шишками и Шифгаузенскимъ пластыремъ дѣлаемъ здѣсь чудеса. Крестыане въ охотѣ лечиться едва ли успѣпающъ городскимъ жишелямъ. Слабому чловѣку сродно искашь облегченія въ его спраданіяхъ, и Медицина въ нѣкопоромъ смыслѣ есть дочь Нашуры. Чѣмъ она просѣе, тѣмъ лучше, и поржесство ея всего явнѣе въ деревняхъ, гдѣ Природа, укрѣпленная суровою жизнью, при малѣйшемъ пособіи Искусства какъ Геркулесъ отражаетъ болѣзнь. Дѣйствительностъ нашей маленькой Апшеки отводитъ поселянъ отъ употребленія вредныхъ средствъ, предписываемыхъ имъ въ болѣзняхъ ворожеями, колдунами и другими сельскими Адептами: польза не малая! Мнѣ сказывали, что въ Московской Законоспасской Академіи съ нѣ-

кошораго времени учашъ Спуденшовъ Анапоміи и Бошаникъ, шо естъ, гошовяшъ бышъ и Священниками и лекарями: эша мысль прекрасна и достойна нынѣшняго Правишельства. Такъ издревле ведется на Воспокъ, гдѣ одни люди врачуюшъ душу и шѣло. Благодѣянiя Медика возвышаюшъ достоинство нравственнаго учителя. Вижу опышъ того въ своей деревнѣ: кресшьяне мои уважаюшъ и любяшъ Священника какъ опца, и сдѣлались при немъ гораздо набожнѣе. Я съ своей стороны помогаю сему щасливому ихъ расположенію усерднымъ примѣромъ своимъ, и всякое Воскресенье являюсь въ церкви. Человѣкъ съ умомъ образованнымъ имѣетъ тысячу побужденій бышъ добрымъ: набожностъ замѣняетъ ихъ для грубаго земледѣльца, и смягчаетъ его душу. Ему, кажешся, такъ естественнo молишся Небу, предмету надежды и страха для полей его! Пишаясь непосредственнo изъ рукъ Нашуры, можешъ ли онъ забывашъ ея Творца великаго? Но, къ несчастію, суевѣріе гораздо обыкновеннѣе набожности между людьми непросвѣщенными.

Зная, любезный другъ, охоту вашу къ садамъ, желалъ бы я сообщить вамъ прелестное описаніе какого-нибудь Эдема, мною заведеннаго; но, къ великому благополучію, не имѣю уже работниковъ для шакого дѣла.... Изъясню вамъ загадку. Сначала мы не рѣдко ссорились съ кресшьянами за нерадивостъ и

худое исполненіе моихъ приказаній: какъ же наказывать виноватыхъ? Я выдумывалъ для нихъ работы въ саду, довольно трудныя, и хотѣлъ удивить моихъ сосѣдей лабиринтами, Парнассами, водяными зеркалами, и проч. Но мало по малу число преступниковъ уменьшалось, и наконецъ работы наши совсѣмъ остановились. *Тѣмъ лучше!* сказалъ я садовнику, и не думаю болѣе о лабиринтахъ. Поля и рощи служатъ для меня самымъ пріятнѣйшимъ Англійскимъ садомъ. Нѣкоторые изъ здѣшнихъ дворянъ жалуются о моемъ дурномъ вкусѣ: что дѣлать? я люблю добрыхъ, исправныхъ земледѣльцевъ гораздо болѣе садовъ, и не могу безъ вины наказывать ихъ трудами, вымышленными прихотью. Одно нужное и полезное кажется мнѣ хорошимъ. Такъ на примѣръ, я съ великимъ удовольствіемъ опрылъ собственными руками источникъ свѣжей воды подлѣ самой большой дороги, обложилъ его дикимъ камнемъ, сдѣлалъ вокругъ дерновое канавы, часто сижу на немъ и веселюсь, смотря на проѣзжихъ, утоляющихъ жажду моею водою... Разумѣется, что вашъ пріятель сравниваетъ себя тогда съ славными благодѣтелями Воспока, которые, слѣдуя предписанію Алкорана, дѣлаютъ колодези для странниковъ въ степяхъ Аравійскихъ. Видите мой романтизмъ: это болѣзнь неизлечимая.

Однакожь, любезный другъ, не смотря на то, я не хотѣлъ завести у себя романиче-

скихъ праздниковъ розы. Пусть во Франціи семнадцатилѣтняя невинность какъ фениксъ украшается вѣнками славы: у насъ всѣ дѣвушки смиренны и невинны. Не хочу бросить яблока раздора между ими. Довольно, что мы при раза въ годъ цѣлою деревнею веселимся, празднуя весну, окончаніе полевыхъ работъ и день рожденія моей дочери. Широкой господской дворъ обращается тогда въ залу пиршествъ и храмъ изобилія; даемъ обѣдъ, какіе описываются въ старинныхъ Русскихъ сказкахъ и въ Гомеровыхъ Поэмахъ; сажаемъ земледѣльцевъ съ ихъ семьями за столы дубовые, и не жалѣемъ плодовъ земныхъ для угощенія. Послѣ обѣда является Русской Трубадуръ, слѣпой Украинской скоморохъ съ волянкою, и начинаются пляски. Между тѣмъ изъ роговъ мифологической козы Амальтеи льется пиво и медъ для шумнаго собранія; и еслили пословица всѣхъ народовъ говоритъ правду, что хмѣль обнаруживаетъ сердце, то крестьяне любятъ меня душевно: ибо они, въ Бахусовыхъ воспоргахъ, хопятъ безпрестанно цѣловать мои руки и называютъ меня самыми ласковыми именами.... Да и въ самомъ дѣлѣ за что имъ не любить господина, который стараешься быть добрымъ, и главное свое удовольствіе находишь въ ихъ пользѣ? Они люди, и слѣдственно имѣютъ чувство справедливости. Злая неблагодарность не такъ обыкновенна, какъ думаютъ; но мы часто твердимъ объ ней для того, что она красиво вы-

ражается въ реторическихъ фразахъ; для того, что гораздо легче говорить о неблагодарности, нежели дѣлать добро великодушно и безкорыстно.... Крестьяне мои знаютъ, что я, подобно другимъ, могъ бы завести винный заводъ, приславить ихъ къ огромнымъ кубамъ, паливъ огнемъ неугасаемымъ, взявъ винную поставку и нажиться скорѣе, нежели опъ земледѣлія. Я пребуду опъ нихъ работы, но единственно той, для которой человекъ созданъ, и которая нужна для самаго ихъ счастья. Они лѣнились, пили и терпѣли недоспашокъ: нынѣ работаютъ весело, пьютъ только въ гостяхъ у своего помѣщика и не знаютъ нужды. Сверхъ того обхожденіе мое съ ними показываетъ имъ, что я считаю ихъ людьми и братьями по человечеству и Христіанству.... Нѣтъ, не могу сомнѣваться въ любви ихъ!

Это увѣреніе, любезный другъ, пріятно душѣ моей; но еще гораздо пріятнѣе, гораздо сладостнѣе то увѣреніе, что живу съ истинною пользою для пяти сотъ человекъ, ввѣренныхъ мнѣ судьбою. Прискорбно жить съ людьми, которые не хотятъ любить насъ: всего же несноснѣе жить въ свѣтѣ бесполезно. Главное право Русскаго дворянина быть помѣщикомъ, главная должностъ его быть добрымъ помѣщикомъ; кто исполняетъ ее, тотъ служишь опечеству какъ вѣрный сынъ, тотъ

служишь Монарху какъ вѣрный подданный:
ибо Александръ желаетъ счастья земледѣль-
цевъ.

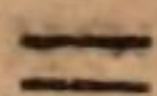
г. 1802.

ПАНТЕОНЪ
РОССІЙСКИХЪ АВТОРОВЪ.

HAHTFOH

JOHN J. JOHNSON

Б О Я Н Ъ.

За нѣсколько лѣтъ передъ симъ въ одной монастырской Архивѣ нашлось древнее Русское сочиненіе, достойное Оссіана, и названное *Словомъ о полку Игоревѣ*. Знапоки нашихъ древностей утверждающъ, что оно должно бытъ произведеніемъ XII вѣка. Въ немъ живо описывающся бѣдствія Россіи и храбрость сыновъ ея, дикость нравовъ и сила Героевъ. Авторъ неизвѣстенъ; но въ началѣ своей пѣсни онъ именуешь другаго Пѣснопѣвца, Бояна, славящъ его дарованія и называешь *Соловьемъ древнихъ лѣтъ*. Мы не знаемъ, когда жилъ Боянъ, и что было содержаніемъ его сладкихъ Гимновъ; но желаніе сохранить имя и память древнѣйшаго Русскаго Поэта заставило насъ изобразить его въ началѣ сего изданія. Онъ слушаетъ поющего соловья, и старается подражать ему на лирѣ.

Можетъ бытъ, жилъ Боянъ во времена Героя Олега *; можетъ бытъ, пѣлъ онъ славный походъ сего Аргонавша къ Царю-Граду, или

* Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ *Слова о полку Игоревѣ* можно заключить, что Боянъ жилъ при Князѣ Полоцкомъ Все-славѣ I.

нешаспную смерть храбраго Свяшослава, ко-
порый съ горспію своихъ погибъ среди без-
численныхъ Печенѣговъ, или блестящую кра-
сопу Ольги, ея невинность въ сельскомъ уеди-
неніи, ея славу на Трѣнѣ.

НЕСТОРЪ.

Монахъ Кіевскаго Печерскаго Монастыря, родился въ 1056, умеръ около 1120 года.

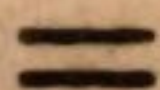
=

Неспоръ жилъ во мракъ первагонадесять вѣка: и такъ могъ ли бытъ Тацисомъ? Всѣ лѣтописи погдашнихъ временъ говорятъ о суевѣрныхъ преданіяхъ, единообразныхъ войнахъ, нападеніяхъ, отраженіяхъ, и молчатъ о томъ, что было бы для насъ гораздо любопытнѣе: о нравахъ, обычаяхъ народовъ, ихъ понятіяхъ, отличныхъ людяхъ, перемѣнахъ въ образѣ жизни, и пр. Не смотря на то, Неспорова лѣтопись есть сокровище нашей Исторіи, какъ по своей древности, такъ и по нѣкоторымъ характернымъ чертамъ, важнымъ и, такъ сказать, лучезарнымъ для прозорливаго Историка новыхъ щасливѣйшихъ временъ. На примѣръ, крапкая рѣчь Князя Святослава къ его Дружинѣ передъ битвою съ Греками, не есть ли доспащочное, славное изъясненіе древняго Русскаго мужества и народной гордости? *Не посрамитъ земли Русскія, но ляжемъ костьми: мертвые бо срама не имутъ. Станемъ крѣпко; иду предъ вами.*

Что можеть быть сильнѣе и разительнѣе?
Такихъ злошыхъ мѣсѣхъ довольно въ Неспорѣ.
Будемъ ему благодарны. Спаринныя лѣшопи-
си другихъ народовъ едва ли совершеннѣе на-
шихъ.

НИКОНЪ.

ПАТРИАРХЪ МОСКОВСКИЙ, РОДИЛСЯ ВЪ 1613, УМЕРЪ
ВЪ 1681 ГОДУ.

Простой чернецъ Кожеозерскаго монастыря и черезъ семь лѣтъ Патриархъ Россіи, знаменитый не ученостію, но благочестіемъ и дѣятельною ревностію къ Вѣрѣ: чему служилъ доказательствомъ исправленіе духовныхъ книгъ и другія церковныя учрежденія его времени. Вдохновенный Христіанскимъ смиреніемъ, Никонъ сложилъ съ себя верховный санъ, и въ тихомъ уединеніи Воскресенскаго монастыря, въ шѣсной кельѣ, окруженной густыми деревьями, проводилъ дни свои, Богу и душеспасительнымъ трудамъ посвященные. Тамъ, въ часы отдохновенія, собиралъ * онъ древнія лѣтописи Россіи, извѣстныя нынѣ подъ его именемъ, и служащія основаніемъ нашей Исторіи.

Въ семъ прекрасномъ монастырѣ, окруженномъ богатствами Природы, и донынѣ все еще напоминаетъ Никона и строгое житіе

* Но не сочинялъ ихъ.

его. Когда цвѣпешъ весна и громкія пѣсни
соловьевъ раздаются въ долинахъ. Воскре-
сенскихъ, обшпашели Москвы посѣщающъ
Новый Іерусалимъ, и съ чувствомъ благо-
говѣнія входящъ въ кельи смиреннаго Папрі-
арха.

МАТВѢЕВЪ,

(АРТЕМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ).

Ближній Бояринъ, Намѣстникъ разныхъ городовъ, Царскія большія Печати и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ оберегатель; Приказовъ: Стрѣлецкаго, Казанскаго и другихъ, такожь и Монетнаго Двора Главный Судя. Родился въ 1625, убитъ Стрѣльцами во время бывшаго Московскаго мятежа въ 1682 году.

=

Бояринъ Матвѣевъ, наперсникъ и другъ Царя Алексѣя Михайловича, при юномъ Царѣ Θεодорѣ спрадалъ семь лѣтъ въ започеніи, по нелѣпому доносу изверговъ, обвинявшихъ его въ тайномъ сношеніи съ злыми духами; возвращенъ наконецъ съ честію и славою въ Москву, чѣмъ чрезъ нѣсколько дней.... умереть на копьяхъ Стрѣлецкихъ! Жертва своихъ достоинствъ, зависши людей и злобы мятежниковъ.

Историкъ народа Россійскаго когда нибудь осѣнитъ гробъ Матвѣева пальмою славы: она, и любовь чувствительныхъ сердецъ остаются послѣднею надеждою добродѣтели въ семъ бурномъ мірѣ.

Мы изображаемъ его здѣсь какъ Автора:

онъ сочинилъ Исторію Князей и Царей нашихъ, поднесенную имъ Царевичу Θεодору *.

Напомнимъ читателю, что славный Полководецъ Россіи — шопъ, кпо именемъ Русскихъ воиновъ заключилъ вѣчный союзъ съ побѣдою — однимъ словомъ, Румянцовъ-Задунайскій былъ правнукъ Машвѣева.

* См. Письма его, издавныя Новиковымъ.

Ц А Р Е В Н А

СОФІЯ АЛЕКСѢВНА.

Родилась въ 1656, скончалась въ 1704 году.

=

Здѣсь не мѣсто описывать характеръ Софїи, кошорая естъ одна изъ великихъ женщинъ, произведенныхъ Россіею. Скажемъ только, что она по уму и свойствамъ души своей достойна была называться сеспрою Петра Великаго; но ослѣпленная власполюбіемъ, хотѣла одна повелѣвать, одна царствовать, и наложила на Историка печальный долгъ быть ея обвинителемъ.

Софїя занималась и Литтературою; писала Трагедїи, и сама играла ихъ въ кругу своихъ приближенныхъ. Мы читали въ рукописи одну изъ ея Драмъ, и думаемъ, что Царевна могла бы сравняться съ лучшими Писательницами всѣхъ временъ, есшлы бы просвѣщенный вкусъ управлялъ ея воображеніемъ.

СИМЕОНЪ ПЕТРОВСКІЙ СИТІАНОВИЧЪ

ПОЛОЦКІЙ.

Іеромонахъ, родился въ 1628, умеръ въ 1680 году.

=

Учишель Петра Великаго, просвѣщенный-
шій мужъ своего времени, Богословъ и Спихошворецъ. Онъ переложилъ въ стихи — или,
лучше сказать, въ рифмы: ибо Греческій метръ
былъ тогда еще не извѣстенъ — не только
пѣсни Давидовы, но и самый церковный мѣ-
сяцесловъ; имѣлъ даръ слова, который не есть
даръ краснорѣчія; говорилъ и писалъ для со-
временниковъ, слѣдственно не для насъ; но
какъ древніе Философы, описывая твореніе
міра, всегда начинали съ темнаго, неустроен-
наго Хаоса, такъ и философическій изслѣдо-
вашель нашего языка долженъ начать любо-
пытный трудъ свой съ произведеній Симеона
Полоцкаго.

Извѣстно предсказаніе его о рожденіи Пе-
тра Великаго. Спихошворцы часто бывають
Аспрелогамъ, и не всегда обманываются.

ДИМИТРІЙ, ТУПТАЛО.

Святыи Митрополитъ и Чудотворецъ Ростовскій и Ярославскій, родился около 1671 года, скончался въ 1709 году.

=

Димитрій, Митрополитъ Ростовскій, не столько извѣстенъ по своему авторству, сколько по святому житію и добродѣтелямъ своимъ; но онъ много писалъ, и въ разныхъ родахъ: *Поучительныя слова* (въ коихъ довольно историческихъ фигуръ), о *Славянскомъ народѣ*, о *Всемирной Исторіи*, *Духовныя Комедіи стихами*, и *Розыскъ*, копорымъ хотѣлъ онъ обратиться въ истинную вѣру Брынскихъ раскольниковъ, и копорый писанъ съ жаромъ благочестія. Петръ Великій изъявилъ ему особенное свое благоволеніе за сію книгу. Но важнѣйшее изъ его твореній есть собраніе историческихъ извѣстій о всѣхъ Святыхъ, изданное подъ именемъ *Минеи*. Примѣчанія доспойно то, что Димитрій, посвящая всю жизнь Христіанской добродѣтели, находилъ время и для чтенія Стихотворцевъ. Онъ любилъ Горация, и зналъ наизустъ многіе стихи его *.

* См. Келейныя письма Димитрія.

ТЕОФАНЪ ПРОКОПОВИЧЪ.

Архіепископъ Великаго - Новаграда и Великихъ - Лукъ,
Святѣйшаго Правительствующаго Синода первенствующій
Членъ, родился въ 1681 году, умеръ въ 1736 году.

=

Ученый Богословъ и природный Орапоръ. Въ рѣчахъ его, духовныхъ и свѣтскихъ, разсѣяно множество цвѣтовъ краснорѣчія, хотя слогъ ихъ не чистъ и, можно сказать, непріятенъ. Мысль, что Петръ Великій бывалъ часто его слушателемъ; искреннее, жаркое чувство, съ коимъ онъ говорилъ о великихъ дѣлахъ его, обращаясь лично или къ нему самому, или къ его знаменитымъ сподвижникамъ; означеніе славныхъ эпохъ Россіи, и наконецъ щасливый, живыя черты, вдохновеніе истиннаго Генія: все прелестно Теофановыхъ рѣчей, которая всегда будетъ дѣйствовать на Русское сердце! Забывая негладкость языка, плѣняемся ихъ содержаніемъ, и льемъ радостныя слезы, читая слово о незабвенномъ торжествѣ Полтавскомъ, о юномъ, но уже славномъ флотѣ Россійскомъ, о возвращеніи Монарха изъ чужихъ земель къ подданнымъ и дѣшамъ своимъ. Когда же Орапоръ, въ кипѣніи горести, въ опчаяніи сердца, восклицаетъ: что дѣлаемъ? ПЕТРА Великаго по-

гребаетъ!... И теперь, и теперь еще благодарные сыны опечесства рыдаютъ съ нимъ! Преданіе говоритъ, что Теофанъ, сказавъ сіе ужасное слово, не могъ продолжая опъ собственннхъ слезъ и всеобщаго сшенанія.

Щасливый вѣкъ Поэзіи и вишійства, когда предметъ ихъ столь великъ и любезенъ!

Въ Теофанъ сіяетъ уже заря Россійскаго краснорѣчія; но, будучи предшественникомъ Ломоносова, онъ не похитилъ у него славы бывъ нашимъ лучезарнымъ Фебомъ.

Имъ сочинены многія Богословскія, правоучительныя книги и даже предисловіе къ Морскому Уставу. Какъ мужъ просвѣщенный, благо-разумный полищикъ и любимецъ Петра, онъ старался доказывать мудрость всѣхъ новыхъ Его учрежденій; первый открылъ талантъ молодого Кантемира; ободрялъ, наставлялъ его, и вмѣстѣ съ нимъ писалъ стихи: два человека, съ кѣими, по тогдашнему времени, никто не могъ спорить въ остроуміи и въ учености.

Теофанъ имѣлъ блестящія достоинства, слѣдственно и непріятелей, которые обвиняли его ересью въ умствованіяхъ и въ Теологіи; но въ царствованіе ли Петра Великаго могло быть опасно такое злословіе?

КНЯЗЬ ХИЛКОВЪ,

(АНДРЕЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ).

Ближній Стольникъ и при Шведскомъ Дворѣ Резидентъ. Годъ рожденія его и смерти нигдѣ не показанъ; а извѣстно только, что онъ умеръ въ Швеціи, и что тѣло его привезено оттуда въ Санктпетербургъ въ 1718 году.

=

Былъ Министромъ Россійскимъ при Дворѣ Карла XII. Петръ Великій находилъ его доспойнымъ сей важной, по тогдашнимъ обстоятельству, должности: слѣдственно онъ заслуживаетъ наше почтеніе.

Заключенный въ Вестерасъ при началъ войны, Князь Хилковъ въ скуку невольнаго уединенія искалъ способовъ занявшись пріятнымъ образомъ, и сочинилъ Ядро Россійской Исторіи, кошорое лѣтъ 50 было жерпвою безсмысленныхъ кописовъ, и наконецъ, по возможности исправленное, выдано Г. Миллеромъ. Предлагая извлеченіе изъ нашихъ лѣтописей, Авторъ описываетъ новѣйшіе случаи по словесному преданію и запискамъ современниковъ; иногда же сообщаетъ свои догадки и мысли о разныхъ политическихъ предметахъ. Книга его полезна для всякаго, кто желаетъ имѣть легкое свѣдѣніе о Россійской Исторіи, не требуя ни основательной кришки, ни красиваго слога.

=====

КНЯЗЬ КАНТЕМИРЪ

(АНТІОХЪ ДМИТРІЕВИЧЪ).

Тайный Совѣтникъ, Камергеръ и чрезвычайный при
Англійскомъ и Французскомъ Дворѣ Посолъ, родился въ
1709, умеръ въ 1744 году.

=

Нашъ Ювеналъ. Сапиры его были первымъ
опытомъ Русскаго оспроумія и слога. Онъ пи-
салъ довольно чистымъ языкомъ, и могъ по
справедливости служишь образцомъ для совре-
менниковъ, шакъ, что раздѣляя слогъ нашъ
на эпохи, *первую* должно начать съ Каншеми-
ра, *вторую* съ Ломоносова, *третію* съ перево-
довъ *Славяно-Русскихъ* Господина Елагина и
его многочисленныхъ подражателей, а *четвер-*
тую съ нашего времени, въ которое образуеш-
ся *пріятность слога*.

Въ стихахъ Каншемировыхъ нѣтъ еще ис-
тинной мѣры — долгіе и короткіе слоги смѣ-
шаны безъ разбора — но есть гармонія. Въ
прозѣ онъ лучше выражалъ свои, нежели чужія
мысли; на примѣръ, спилъ въ предисловіи къ
Фоншенелевой книгѣ о множествѣ міровъ не-
сравненно глаже, нежели въ самомъ переводѣ.
Мы имѣли случай видѣть его Министерскія

донесенія изъ Лондона и Парижа, писанныя ясно и правильно. Между прочимъ характеристическое изображеніе Роберта Вальполя, славнаго Министра Англіи, доказываетъ, что Кантемиръ имѣлъ острый взоръ для замѣчанія тайныхъ сгибовъ человеческого сердца и легкое перо для описанія своихъ замѣчаній.

Самые просвѣщенные иноземцы чувствовали цѣну его ума и нравственныхъ достоинствъ. Кантемиръ былъ другомъ извѣстнаго Аббата Гуаско и пріятелемъ славнаго Монтеスキѣ *. Любовь къ наукамъ и словесности, слѣдствіе нѣжнаго образованія души, всегда бываетъ соединена съ благороднымъ влеченіемъ къ дружбѣ, копорая, пишая чувствительность, даетъ уму еще болѣе силы и паренія.

* L'abbé Venuti — пишетъ Монтескиѣ къ Аббату Гуаско — m'a fait part de l'affliction que vous a causée la mort de votre ami le Prince Cantemir, et du projet que vous avez formé de faire un voyage dans nos Provinces méridionales. Vous trouverez partout des amis pour remplacer celui, que vous avez perdu; mais la Russie ne remplacera pas si aisément un ambassadeur du mérite du Prince Cantemir.

ТАТИЩЕВЪ

(ВАСИЛІЙ НИКИТИЧЪ).

Тайный Совѣтникъ и Астраханскій Губернаторъ. Годъ
рожденія его не извѣстенъ, а умеръ въ 1750 году.

=

Ревностный любитель опечесшвенной Испоріи, упошребившій придцашь лѣшъ на собра-
ніе всего, что до нее касаетсѣ; но сей пруд-
долубивый мужъ, доспойный нашего почпе-
нія, вмѣсто Испоріи оспавилъ намъ только
машеріалы ея, и прибавилъ къ Лѣшописямъ
свои замѣчанія. Въ догадкахъ его не всегда на-
ходимъ вѣрояшносшь, а въ соображеніяхъ шу-
ясную просшошу, копорую любяшь чипаше-
ли для своего покоя. Онъ заспавляетъ насъ
еще рабошашъ умомъ, и вмѣспъ съ нимъ ше-
ряшьсѣ въ Хаосъ прошиворѣчій. Испорикъ
долженъ все обдѣлашь въ головѣ своей; ему
шрудъ, а намъ плоды шрудовъ его. Мы охоп-
но идемъ за нимъ во мракъ давно прошедшихъ
вѣковъ, еспшли факель его свѣшипъ передъ
нами ясно. Г. Тапищевъ издалъ между про-
чимъ весьма любопышныя опрывки Лѣшопи-
си, сочиненной будшо бы еще прежде Неспо-
ра Новгородскимъ Епископомъ Іоакимомъ; но

знапоки нашихъ древностей не хошашъ, къ сожалѣнію, вѣришь испинѣ ея. Впрочемъ онъ былъ рѣдкимъ человѣкомъ (у насъ въ Россіи) по дѣятельности ума своего и спрасшной охотѣ къ историческимъ наукамъ.

КЛИМОВСКІЙ

(СЕМЕНЪ).

Малороссійской Козакъ. Жилъ около 1724 года.

=

Козакъ и Спиховорець. Въ Императорской Библіотекѣ хранился его рукописное сочиненіе о Великодушій и Правдѣ, въ копоромъ много хорошихъ чувствъ и даже хорошихъ стиховъ (безъ опредѣленнаго печенія спопъ). Сказываютъ, что Климовскій не менѣе семи Греческихъ Мудрецовъ былъ славенъ и почтенъ между его собратьями Козаками; что онъ, какъ вдохновенная Пифія, говаривалъ въ бесѣдахъ высокопарными стихами, давалъ пріятелямъ благоразумные совѣты, швердилъ часшо пословицу: *Намъ добро и никому зло, то законное житье*; и любопытные приходили издалека слушать его. Малороссійская пѣсня: *не хочу я ничего, только тебя одного*, копорую поютъ наши любезныя дамы, есть также, какъ увѣряютъ, сочиненіе Климовскаго, ученика природы, къ сожалѣнію не доученнаго искусствомъ.

Авторы Россіи, здѣсь изображенные! не спыдишесь видѣть его въ вашемъ обществѣ.

=====

БУСЛАЕВЪ

(ПЕТРЪ).

Былъ Діакономъ Московскаго Успенскаго Собора, и
жилъ около 1734 года.

=

Авторъ большой Поэмы, названной имъ:
*Умозрительство душевное о преселеніи въ вѣч-
ную жизнь Превосходительной Баронессы Марьи
Яковлевны Строгоновой* и напечатанной въ
1734 году. Тредіаковскій плѣнялся разными мѣ-
стами сей Поэмы, и восклицалъ: что выше
сего выговорить возможно? что сладостнѣе и
вымышленнѣе? что глаже и плавнѣе? Хопя
вкусъ и свидѣтельство шворца Тилемахиды
не очень надежны, однакожь на сей разъ под-
пишемъ его судейское опредѣленіе, съ нѣкото-
рымъ исключеніемъ, и скажемъ, что въ спи-
хошвореніи Буслаева подлинно есть и вымысль
и гладкость. На примѣръ, въ описаніи Христа
многіе стихи прекрасны.

ТРЕДІАКОВСКІЙ

(ВАСИЛІЙ КИРИЛОВИЧЪ)

Надворный Совѣтникъ и Санктпетербургской Академіи
Наукъ Краснорѣчія Профессоръ. Родился въ 1703, умеръ
въ 1769 году.

=

Естьли бы охота и прилѣжность могли замѣнить дарованіе, кого бы не превзошелъ Тредіаковскій въ стихотворствѣ и краснорѣчіи?

Но упрямый Аполлонъ вѣчно скрывается за облакомъ для самозванцевъ — Поэтовъ, и сыплетъ лучи свои единственно на тѣхъ, копорые родились съ его печашію.

Не только дарованіе, но и самый вкусъ не пріобрѣщается; и самый вкусъ есть дарованіе. Ученіе образуетъ, но не производитъ Автора.

Тредіаковскій учился во Франціи у славнаго Роллена; зналъ древніе и новыіе языки; читалъ всѣхъ лучшихъ Авторовъ, и написалъ множество помовъ въ доказательство, что онъ.... не имѣлъ способности писать.

Однакожь труды его были не совсѣмъ безполезны. Онъ первый изъяснилъ на Русскомъ языкѣ мѣру стиховъ, и перевелъ древнюю Исторію, копорую по сіе время читають наши Провинціальныіе Дворяне.

Имя Тредіаковскаго будетъ извѣстно самымъ опшдаленнымъ пошомкамъ. Сохранимъ же образъ его, и почшимъ въ немъ... шрудолубіе, науки и нещасіе природы.

П. П. Не многіе, можешъ бышь, знающъ слѣдующій анекдотъ. Е к а т е р и н а ІІ, любя успѣхи Россійскаго языка, желала, чшобы въ избранномъ общесшвѣ Эрмишажа всѣ говорили по Русски. Ея воля была закономъ. Но законодатель долженъ предвидѣшь и неисполненіе: какое же наказаніе опредѣлила Монархиня для пресшупниковъ? За всякое иносшранное слово, вмѣшанное въ разговоръ, виновный осуждался прочешъ спо сшиховъ изъ Тилемахиды Тредіаковскаго.

СИЛЬВЕСТРЪ КУЛЯБКА.

Архієпископъ Санктпетербургскій и Ревельскій и Архі-
мандритъ Троицкаго Александроневскаго Монастыря. Ро-
дился около 1701, умеръ въ 1761 году.

=

Сочинилъ много проповѣдей; нѣкошорыя изъ
нихъ напечатаны. Кажется, что онъ самъ
не думалъ бытъ Орапоромъ, и хотѣлъ гово-
рить только простымъ языкомъ Хрисіанска-
го учителя. Слогъ его весьма не чистъ и пе-
мень, ко вреду многихъ хорошихъ мыслей, раз-
сѣянныхъ въ поучительныхъ словахъ сего Ар-
хієпископа.

КРАШЕНИННИКОВЪ

(СТЕПАНЪ....)

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ ПРОФЕССОРЪ БОТАНИКИ И НАТУРАЛЬНОЙ ИСТОРИИ. РОДИЛСЯ ВЪ 1713, УМЕРЪ ВЪ 1755 ГОДУ.

=

Онъ, живъ чешыре года въ Камчашкѣ, описалъ сію любопытную страну, гдѣ человекъ поселился вопреки Насуръ, среди глубокихъ снѣговъ, влажныхъ шумановъ и горъ огнедышущихъ. Въ описаніи его нѣтъ той пріятности, кошорою талантъ все украшаетъ, не опхода опѣ исторической истины; однакожь видѣнъ умъ и хорошее расположеніе. Г. Крашенинниковъ славился въ свое время чистотою и правильностію слога. Его переводъ Квинта-Курція считался совершеннымъ классическимъ; онъ и теперъ имѣетъ цѣну свою, по крайней мѣрѣ въ сравненіи съ другими переводами Лапinskiхъ Авшоровъ. — Достойно замѣчанія, что Г. Крашенинниковъ умеръ въ самой послѣдній день, какъ оппечатался послѣдній листъ Описанія Камчашки.

=====

БАРКОВЪ

(ИВАНЪ....)

Переводчикъ при Императорской Академіи Наукъ. Когда родился неизвѣстно; умеръ въ 1768 году.

Перевелъ Гораціевы Сапиры и Федровы басы, но болѣе прославился собственными замысловатыми и шуточными стихотвореніями, копорыя хотя и никогда не были напечатаны, но рѣдкому неизвѣстны. Онъ есть Русской Скарронъ, и любилъ однѣ каррикатуры. Рассказываютъ, что на вопросъ Сумарокова: «Кто лучшій Поэтъ въ Россіи?» Студентъ Барковъ имѣлъ смѣлость отвѣчать ему: «Первый Ломоносовъ, а второй я!» У всякаго свой талантъ: Барковъ родился конечно съ дарованіемъ; но должно замѣнить, что сей родъ остроумія не ведетъ къ той славѣ, копорая бываетъ цѣлю и наградю истиннаго Поэта.

Г Е Д Е О Н Ъ

Епископъ Псковскій и Нарвскій. Родился въ 1728,
умеръ въ 1763 году.

=

Проповѣди Гедеоновы славны, и достойны того. Онъ исполнены Христіанскаго благочестія, умныхъ разсужденій, нравственныхъ истинъ и самыхъ Орапорскихъ движеній. Слогъ ихъ неравенъ, однакожь ясенъ и вообще имѣетъ довольно гармоніи. Гедеонъ ошмѣнно любилъ брать примѣры изъ Исторіи и Натуры (видно, что онъ зналъ хорошо древнихъ Историковъ и Плинія); любилъ также приводить мѣста изъ Святыхъ Ошцевъ и Церковныхъ Учишелей, всегда кспаша и къ истинному украшенію своихъ проповѣдей; однимъ словомъ, былъ ученъ, имѣлъ великій природный разумъ и талантъ краснорѣчія. Его справедливо называющъ вшорымъ Теофаномъ. Онъ, можешъ бышъ, не уступалъ ему въ дарованіяхъ; но талантъ Теофана былъ возвеличенъ чрезвычайными своими предметами. Гедеонъ умѣлъ также пользоваться обшояшельствами времени: на примѣръ, ужасное Лиссабонское землетрясеніе послужило ему матерією для одного изъ лучшихъ словъ его.

=====

ДИМИТРІЙ

(СЪЧЕНОВЪ).

Митрополитъ Новгородскій. Родился 1708, умеръ въ 1767 году.

==

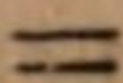
Мы изображаемъ здѣсь Димитрія, какъ Автора многихъ проповѣдей, коихъ достоинство состояло не въ искусствѣ Орапорскомъ, но въ чистомъ Христіанскомъ ученіи и въ смѣломъ изображеніи мірскихъ пороковъ. Онъ въ присутствіи Двора громогласно укорялъ льстецовъ и знатныхъ Вельможъ, для копорыхъ низкая и личная польза есть обожаемый идолъ. Добродѣтель жизни его давала ему право быть спрогимъ на кафедрѣ. Замѣчанія достойнѣйшая проповѣдь Димитріева есть Слово на день Благовѣщенія, гдѣ онъ изображаетъ состояніе Религіи и служителей ея въ Россіи передъ восшествіемъ на тронъ Императрицы Елисаветы Петровны. Екатерина Великая оказывала ошмѣнное уваженіе къ добродѣтелямъ Димитрія, копорый имѣлъ славу быть ея совѣшникомъ во всемъ, что касалось до нашего Духовенства.

=====

ЛОМОНОСОВЪ

(МИХАЙЛО ВАСИЛЬЕВИЧЪ).

Статскій Советникъ, Санктпетербургской Императорской Академіи Наукъ Профессоръ, Стокгольмской и Болонской Членъ. Родился въ 1711, умеръ въ 1765 году.

Рожденный подъ хладнымъ небомъ Сѣверной Россіи, съ пламеннымъ воображеніемъ, сынъ бѣднаго рыбака, сдѣлался опцемъ Россійскаго краснорѣчія и вдохновеннаго Спихошворства.

Ломоносовъ былъ первымъ образователемъ нашего языка; первый открылъ въ немъ изящность, силу и гармонію. Геній его совѣшвался только самъ съ собою, угадывалъ, иногда ошибался, но во всѣхъ своихъ твореніяхъ оставилъ неизгладимую печашъ великихъ дарованій.

Онъ вписалъ имя свое въ книгу безсмертія, тамъ, гдѣ сіяютъ имена Пиндаровъ, Гораціевъ, Руссо.

Современники могли только удивляться ему; мы судимъ, различаемъ, и шѣмъ живѣе чувствуемъ его достоинство.

Лирическое Спихошворство было собствен-

нымъ дарованіемъ Ломоносова. Для Эпической Поэзіи нашего вѣка не имѣлъ онъ, кажешся, достаточной силы воображенія, того богатства идей, того всеобъемлющаго взора, искусства и вкуса, которые нужны для представленія картины нравственнаго міра и возвышенныхъ, иройскихъ спрашекъ. Трагедіи писаны имъ единственно по волѣ Монархини; но Оды его будутъ всегда драгоценностію Россійской Музы. Въ нихъ есть конечно слабыя мѣста, излишности, паденія; но всѣ недосадки замѣняются разнообразными красотою и поэтическимъ совершенствомъ многихъ строфъ. Никто изъ послѣдователей Ломоносова въ семъ родѣ стихотворства не могъ превзойти его, ниже сравняться съ нимъ.

Проза Ломоносова вообще не можетъ служить для насъ образцомъ; длинные періоды его шумливы, расположеніе словъ не всегда сообразно съ теченіемъ мыслей, не всегда пріятно для слуха; но талантъ великаго Оратора блистаетъ въ двухъ похвальныхъ Рѣчахъ его, которые и теперь должно назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній Россійскаго, собственно такъ называемаго, Краснорѣчія.

Если Геній и дарованія ума имѣютъ право на благодарность народовъ, то Россія должна Ломоносову Монументомъ.

СУМАРКОВЪ

(АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ).

ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫЙ СТАТСКІЙ СОВѢТНИКЪ И СВ. АННЫ КАВА-
ЛЕРЪ, РОДИЛСЯ 1718, УМЕРЪ ВЪ 1777 ГОДУ.

=

Имя Сумаркова было въ свое время такъ же велико, какъ имя Ломоносова. Одинъ славилъ Елисавету на лирѣ и на кафедрѣ Академической: другой плѣнялъ Ея чувствительносшь драматическими картинами на сценѣ. Оба талантами своими украсили и прославили время Ея царствованія. Имя того и другого напоминаешь щасливое рожденіе нашего новаго Спихотворства.

Сумарковъ еще сильнѣе Ломоносова дѣйствовалъ на публику, избравъ для себя сферу обширнѣйшую. Подобно Вольтеру, онъ хотѣлъ блистать во многихъ родахъ — и современники называли его нашимъ Расиномъ, Мольеромъ, Лафоншеномъ, Буало. Попомство не такъ думаетъ; но зная трудность первыхъ опытовъ и невозможность достигнуть вдругъ совершенства, оно съ удовольствіемъ находитъ многія красоты въ твореніяхъ Сумаркова и не хо-

чешъ бытъ спрогимъ криптикомъ его недо-
спашковъ.

Уже оиміамъ не дымишся передъ кумиромъ;
но не пронемъ мраморнаго подножія; оспа-
вимъ въ цѣлоспи и надпись *Великій Сумаро-
ковъ!*..... Соорудимъ новыя спашуи, еспъли
надобно; не будемъ разрушашъ шѣхъ, копорыя
воздвигнушы благородною ревностію опцовъ
нашихъ!

Но признавая (вмѣспѣ со всѣми) басни Су-
марокова лучшимъ его швореніемъ, мы не сра-
внимаемъ ихъ съ Лафоншенowymi, копорыя
плѣняющъ любезной простотою и живописны-
ми спихами. Русской басенникъ можешъ нра-
вишся только легкостію и рѣзкою сапирою;
Лафоншенъ шакъ же колешъ глаза пороку, но
всегда съ видомъ неизъяснимаго добродушія:
Сумароковъ язвишъ сильнымъ спихомъ безъ
пощады.

ВЛАДУМАН

Въ Трагедіяхъ своихъ онъ спарался болѣе
описашъ *чувства*, нежели представляшъ *ха-
рактеры* въ ихъ эспешической и нравспвен-
ной истинѣ; не искалъ чрезвычайныхъ поло-
женій и великихъ предметовъ для прагиче-
ской живописи, но, въ надеждѣ на пріятную
киспъ свою, основывалъ Драму всегда на са-
момъ обыкновенномъ и проешомъ дѣйсп-
віи; любилъ шакъ называемыя *прощальныя
сцены*, для шого, что онъ извлекали слезы
изъ глазъ чувспвительной Елисаветы; и
называя Героевъ своихъ именами древнихъ

Князей Русскихъ, не думалъ соображать свой-
ства, дѣла и языкъ ихъ съ характеромъ вре-
мени. Но многіе стихи въ его Трагедіяхъ нѣ-
жны и милы; многіе сильны и разительны.
Довольно для вѣчной славы Поэта, открыв-
шаго въ Россіи Сцену Мельпомены!

ПАМУТАЛИ.

ЭМИНЪ ФЕДОРЪ....

Титулярный Советникъ и Кабинетный Переводчикъ. Родился 1735, умеръ въ 1770 году.

=

Самый любопытнѣйшій изъ романовъ Г. Эмина есть собственная жизнь его, какъ онъ рассказывалъ ее своимъ пріятелямъ *, а самый неудачный — Россійская его Исторія. Онъ родился въ Польшѣ, былъ воспитанъ Иезуитомъ, странствовалъ съ нимъ по Европѣ и Азіи, неосторожно заглянулъ въ Гаремъ Турецкій, для спасенія жизни своей принялъ Магометанскую Вѣру, служилъ Янычаромъ, шихонько уѣхалъ изъ Константинополя въ Лондонъ, явился тамъ къ нашему Министру, снова крестился, пріѣхалъ въ Петербургъ и сдѣлался — Русскимъ Авторомъ. — Вотъ богашая маперія для шести или семи томовъ! Сочинивъ *Мирамонда*, *Θемистокла*, *Эрнеста* и *Доравру*, *Описаніе Турецкой Имперіи*, *Путь къ спасенію*, онъ издавалъ журналъ подъ именемъ *Адской Почты*, и наконецъ увѣнчалъ свои творенія *Россійскою Исторіею*, въ которой ссылается на *Полибіевы извѣстія о Славянахъ*, на *Ксенофонову Скиѣскую Исторію* и множество другихъ

* См. Опытъ Историческаго Словаря.

книгъ, никому въ міръ неизвѣстныхъ. Ученый и славный Шлецеръ всего болѣе удивляется тому, что Академія напечатала ее въ своей Типографіи. — Впрочемъ Г. Эминъ неоспоримо имѣлъ остроуміе и плодотворное воображеніе; зналъ, по его увѣренію, болѣе десяти языковъ, и хоша выучился по-Русски уже въ среднихъ лѣтахъ, однакожь въ слогъ его рѣдко примѣненъ иносстранинецъ.

МАЙКОВЪ ВАСИЛІЙ....

=

Онъ хошѣлъ иппи по слѣдамъ Сумарокова: писалъ Трагедіи, Басни, Оды, Эклоги, Эпистолы, кошорыя въ свое время нравились Публикѣ, хошя и тогда не считались превосходными. Но истинное дарованіе его обнаружилось въ двухъ комическихъ Поэмахъ: *Игрокъ Ломбера* и *Елисей или раздраженный Вакхъ*. И въ той и въ другой находимъ воображеніе, то забавную важность, то шутливое остроуміе. Многія каррикашуры въ *Елисеѣ* живописны, и почно Русскія; онъ никогда не теряющъ цѣны своей. — Г. Майковъ не зналъ иностранныхъ языковъ, и пошому Дидеротъ, обѣдая съ нимъ во дворцѣ *, сказалъ ему черезъ переводчика: «угадываю, какъ пишушъ «Господа Сумароковъ и Херасковъ, кошорые «чишающъ Французскихъ Авшоровъ; но я же-«лалъ бы знашъ по-Русски, чшобы видѣшъ въ «спихахъ вашихъ Поэша оригинальнаго.» Такое заключеніе несправедливо. Знаніе языковъ не мѣшаешъ оригинальности, и всякой истинный, зрѣлый талантъ имѣешъ свою физиогномію. Можно шакже не знашъ иностран-

* Екатерина Великой угодно было познакомить Дидерота съ Русскими Авшорами и пригласить ихъ къ обѣду.

ныхъ языковъ и бышь все еще подражаше-
лемъ; какимъ и былъ Г. Майковъ во многихъ
своихъ швореніяхъ, взявъ себѣ за образецъ
Сумарокова.

ПОПОВСКІИ

(НИКОЛАЙ....)

ПРОФЕССОРЪ. Родился около 1730 года; умеръ въ 1760 году.

=

Онъ всего болѣе извѣстенъ переводомъ славнаго Опыта о человѣкѣ, *Essay on man*. Ломоносовъ называлъ Поповскаго надеждою Россійскаго Парнасса и весьма усердно хвалилъ его. Въ самомъ дѣлѣ нѣкошорыя мѣста *Опыта* переведены очень хорошо, хотя и не съ подлинника, а съ Французскаго. Судьба сего шворенія на Русскомъ языкѣ всѣмъ извѣстна: Ценсура ослабила въ немъ многіе стихи; но умъ Авшора и талантъ переводчика сохранили печать свою. — Локково сочиненіе о воспитаніи и Гораціева Эписпола о стихотворствѣ переведены такъ же Г. Поповскимъ. Стихи его лучше прозы, довольно ясной, но не довольно гладкой, хотя и въ первыхъ онъ не успѣлъ еще доспигнуть до возможнаго совершенства: къ сожалѣнію, Г. Поповскій скончался на тридцатомъ году отъ рожденія, будучи Профессоромъ Краснорѣчія при Московскомъ Университетѣ; и за нѣсколько дней до смерти сжегъ

всѣ свои рукописи, щипая ихъ недостойными
напечатанія: такая строгость вкуса бываетъ
знакомъ необыкновеннаго дарованія. — Если бы
онъ пожилъ долѣе, то Россія конечно могла
бы гордиться его изящными произведеніями.

ПОПОВЪ

(МИХАЙЛО....)

СЕКРЕТАРЬ КОММИССІИ СОЧИНЕНІЯ ЗАКОНОВЪ.

=

Его сочиненія, стихи и проза, изданы вмѣстѣ подѣ именемъ *Досуговъ*; а пѣсни были нѣсколько разѣ особливо напечатаны: слѣдственно онѣ нравились Публикѣ; многія изъ нихъ замысловапы и нѣжны.... Вообще стихи Г. Попова не *пусты мыслями*; въ нихъ есть и щастливья выраженія, хотя слогъ не всегда чистъ и пріятенъ.

Сей Авторъ любилъ Русскія древности и сочинилъ описаніе Славянскаго богослуженія, копорое Ловекъ перевелъ и выдалъ за историческое, не зная, что оно не имѣетъ никакой достоверности: ибо Религія Россійскихъ Славянъ въ самомъ дѣлѣ намъ неизвѣстна. Нещоръ не говоритъ объ ней почти ни слова. Въ деревняхъ нашихъ сохранились сказки о *Лѣшихъ* и *Русалкахъ*; въ припѣвѣ старыхъ пѣсенъ слышимъ имена *Дидо*, *Ладо* — и болѣе ничего не знаемъ. Такъ по крайней мѣрѣ скажетъ Историкъ, копорый умѣетъ опличашъ истины отъ басенъ.

Переводы Г. Попова были въ великомъ уваженіи: особливо Тассовъ *Освобожденный Іерусалимъ*, о кошоромъ Екатерина Вшорая упоминаешъ съ похвалою въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Вольшеру.

(Писано въ 1802 году.)

КОНЕЦЪ СЕДЬМАГО ТОМА.

О Г Л А В Л Е Н І Е

С Е Д ь М А Г О Т О М А.

	Стран.
Цвѣшокъ на гробъ моего Агапона.	1
Что пужно Авшору?	13
Нѣчто о наукахъ, искуссствахъ и просвѣщеніи.	16
Нѣжность дружбы въ низкомъ сослоянїи.	48
Аѳинская жизнь.	56
Мелодоръ къ Филалесу.	81
Филалесъ къ Мелодору	92
Деревня.	104
О любви къ отечеству и народной гордости.	112
Илья Муромецъ, богатырская сказка.	124
Разговоръ о щасїи.	141
Моя исповѣдь.	171
О легкой одеждѣ модныхъ красавицъ девятаго-на- десять вѣка.	188
Опъ чего въ Россїи мало Авшорскихъ паланповъ?	194
Мысли объ уединенїи.	202
Анекдотъ.	207
О книжной торговлѣ и любви ко чтенїю въ Рос- сїи.	215
О случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исто- ріи, копорые могутъ быть предметомъ ху- дожесствъ.	222
Письмо сельскаго жишеля	238
ПАНТЕОНЪ Россійскихъ Авторовъ.	
Боянъ.	255
Неспоръ	257
Никонъ	259

Машвѣевъ, Артемонъ Сергѣевичъ	261
Царевна Софія Алексѣевна	263
Симеонъ Пешіровскій Сипіановичъ Полоцкій.	264
Димитрій Туппало.	265
Оеоданъ Прокоповичъ.	266
Князь Хилковъ, Андрей Яковлевичъ.	268
Князь Кантемиръ, Анпіохъ Димитріевичъ.	269
Тапищевъ, Василій Никишичъ	271
Климовскій, Семенъ.	273
Буслаевъ, Пешръ.	274
Тредіаковскій, Василій Кириловичъ.	275
Сильвестръ Кулябка.	277
Крашенинниковъ, Степанъ.	278
Барковъ, Иванъ	279
Гедеонъ	280
Димитрій Сѣменовъ.	281
Ломоносовъ, Михайло Васильевичъ.	282
Сумароковъ, Александръ Петровичъ	284
Эминъ, Оедоръ	287
Майковъ, Василій	289
Поповскій, Николай.	291
Поповъ, Михайло.	293

ЦАМУТАЛИ.

9192

Buchbinderei
A. Gutzwiller
Marktplatz 23
8011 Kirchzarten

Karamzin, Nikolaj Michajlovič,

Sočinenija Karamzina

Bd.: 7

Sanktpeterburg' (1834)

P.o.russ. 55 p-7

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10610043-0